

Леонард И. Браев

**Русская
литература
XX века**

Из читательских замет

Леонард И. Браев

**Русская
литература
XX века**

Из читательских замет

© *Леонард И. Браев. Русская литература XX века.*

Из читательских замет. 2013, - 276 с.

Настоящие заметы я делал в разные годы и для себя – просто фиксации уразумения своего впечатления от прочитанного, не предполагая, что из них может составиться нечто, представляющее интерес для других.

Но как-то, заглянув в их скопившуюся лохматую гурьбу в дурную минуту, когда давние впечатления побледнели, я нашел эти записи по большей части никчемными – изорвал их и выбросил, оставив немногие. Но подумал: а что если их слить вместе по каждому автору? Для ясности дополнить пропущенными тогда само собой разумеющимися сведениями? А их хаос упорядочить по странам и временам? Насколько возможно, по годам рождения авторов? И начать, конечно, с России.

А что? Может быть, получатся приличные эссе или даже любопытный обзор – и они кому-то приглянутся?

И решил потрудиться. Хорошо, если не зря. Времени ушло горазда больше, чем я ожидал. А что получилось, не мне судить.

Внутри разделов расположение авторов – по году рождения.

Оглавление

Ч.1. Русская классика	
Ч.2. Русская литература на рубеже веков. (Серебряный век).	
Ч. 3. Серебряная эмиграция	53
3.1. Проза	
3.2. Поэты	74
Ч.4. Литература в Советской России	103
4.1. Поэты	
4.2. Проза	182
Ч.5. Постсоветская литература	
Ч. 6. Иностранная литература (По степени влияния в России):	
6.1. Германия.	
6.2. Франция.	
6.3. Английская.	
6.4. Испанская.	
6.5. Польша.	
6.6. Италия.	

Ч. 2. Русская литература на рубеже веков («Серебряный век»).

Русская предгрозовая литература получила имя “серебряного века”, должно быть, потому, что в сравнении с духовной и художественной мощью русской классики 19 века – “золотого” – воспринималась уже заметным упадком, но ещё по-своему прекрасной. Пусть не гении, но таланты.

Модернизм

В России 1890-1913 годов бурная индустриализация, строительство железных дорог, рост городов, расширение образования (расходы казны на него тогда за последние 15 лет увеличились более чем в пять раз) вели к модернизации всей жизни страны, расширению социальной базы профессионального искусства и, в частности, литературы. Реакцией на модернизацию общества явился так наз. *модернизм* в литературе – как в стихах, так и в прозе.

В буквальном смысле “*модернизм*” означает обновление, но на деле, как ни странно, всё его “новаторство” ограничивается как раз *шаблоном*, как по теме – темой должна быть не реальность, а фантазия (так сказать, по not-fiction, but fiction), так и в форме – непременно новой, независимо от содержания, новизна ради новизны, что означало неприятие классики и вообще традиции: Пушкина, Толстого и т. д., и тем самым реализма.

В свою очередь, сам модернизм распадался на два как будто бы противных друг другу направления.

1. **Декадентство.** Среди молодёжи мелкопоместного и служилого дворянства, мелкого чиновничества и части старинного купечества их социальное захирение отозвалось «*декадентством*» (букв. упадок): уход от тоски жизни в идиллические фантазии, часто мистические (таковы символисты, особенно Брюсов, Бальмонт)

или, наоборот, открытие читателю ранее избегаемых *тёмных* сторон человеческой души: уже не просто тоски, но отчаяния, депрессии, злобы, жестокости, эгоизма, презрения к обществу, цинизма, безумства, иррационализма, патологии, пороков, эротизма, страха перед будущим и т. п. (Сологуб, Л. Андреев, Арцыбашев) – к чему часто декаданс и сводят.

Хотя в этом очернении человека, надо признать, у некоторых талантливых художников, увы, только у немногих и то не всегда модернизм тем самым ещё открывал ранее неведомые *драматические глубины* в понимании человеческой души и общества.

2. “Футуризм”

Внутри модернизма декадентству как будто противостоит “футуризм” (многих мастей), бытовавший среди городских маргиналов: он отвергал изысканную изнеженность декадентов, – как мечтательную, так даже и мрачную, а в качестве темы своих изображений выбирал современность и будущее: индустрия, техника, наука, город, продажность, политика, революция и т. п.

Кажется, как прекрасно, какой передовой подход. Но в том-то и дело, что это признание только в качестве темы изображения, но отнюдь *не одобрение*. Наоборот, новое футуризм может также и отвергать, а выставлять в нём его черноты: контрасты богатства и бедности, городская грязь и шум, пьянь и прочие гадости. А всё их бунтарство сводится к грубости и скандалам.

И для русских футуристов, особенно для Д. Бурлюка и В. Хлебникова, А. Крученых, – «*кубофутуристов*» (имя от их “первобытного” “кубического” рисунка – в подражание детям) как раз характерна враждебность к современной цивилизации, выпады даже против науки, а в качестве идеала воспевание прошлого: “естественных первобытных дикарей”, скифов или панславян (Не у В. Маяковского) и даже русской отсталости, пьянства и разбоя (В. Каменский «*Стенька Разин*», 1916).

Так что в итоге здесь весь “футуризм” по содержанию приближается к декадентству, отличаясь мало, тоже идеализацией *прошлого*, только не близкого, а давнего, тоже только грезившегося, и сводится к формной «*революции в искусстве*» (“искусству будущего”): неологизмы (словотворчество), отрывистый ломаный синтаксис, пропуск предлогов, отрывочность композиции со скачками времен и тем, да еще эпатаж (“удивительство”) и скандальное

кривлянье ради саморекламы – в расчете вызвать всеобщее недоумение: а что бы эта диковинная заумь значила?

Таково «*Блюдо богов*» – печатное хулиганство студента, безработного журналистика и художника: «Мы – новые Колумбы! Мы – гениальные возбудители! Мы – семена нового человечества! Мы требуем от заплывшего жиром буржуазного общества отмены всех предрассудков. Отныне нет добродетели! Семья, общественные приличия, браки отменяются...» Глупый анархизм в печати.

К подобным самовлюбленным “манифестам” да глумливому пародированию Пушкина и свелась вся их “деятельность”, а собственное “творчество” приблизилось к нулю. Отрицать прежнее и декларировать свое новое легче, чем его создавать.

Впрочем, среди студентов в футуризме числились и просто урбанисты – *оптимисты* и космополиты (В.Шершеневич, Р. Ивлев, С.Третьяков и др. – «*Мезонин поэзии*»).

Особый странный “футуризм” – группа «*Центрифуга*» с культом стихового ритма и синтаксиса: С. Бобров, Б. Пастернак (например, стихотворение «*Метель*»), Н. Асеев.

Новый реализм

Однако модернизм был всё же обочиной, а царил в рус. литературе по-прежнему **реализм**, в особенности такие тогдашние “властители дум” как Лев Толстой, А.П.Чехов, Н.Г.Гарин-Михайловский, В.Г. Короленко.

А в их сени расцветали молодые таланты: И. Бунин, А.Куприн, М. Серафимович, Л. Андреев, В. Вересаев, Е. Чириков, М. Горький, С.Сергеев-Ценский, А. Амфитеатров, “сатириконцы” Н. Тэффи, А. Аверченко.

Их читали практики, люди дела и здравого смысла.

Но сам реализм тогда стал меняться. Прежде в реализме доминировал художественный анализ общества, воодушевлённый жаждой его понять для его исправления и направления собственной правильной жизни. Всё это осталось, но теперь в критическом осмыслении жизни общества реалисты стали углубляться в социальный и психологический анализ *раздоров общества* и *раздоров души*, доходя до борьбы в ней разума и подсознания.

Даже сам патриарх русской классики поздний Л. Толстой обратился к новой для него актуальной теме – сопротивления личности

косным нормам общества: роман “*Воскресенье*”, драма “*Живой труп*”, рассказы “*Отец Сергей*”, “*После бала*”.

Новый романтизм

И тут реализму в прозе противостоял новый **романтизм**, мечтательный и даже мистический или революционный.

В этих раздорах читатель разрывался. Одновременно выходят самые противоположные произведения: религиозно-символистские романы Д.Мережковского (две трилогии “*Христос и Антихрист*” и “*Царство Зверя*”), оккультный роман В.Брюсова “*Огненный ангел*” и его же фантастический роман “*Гора Звезды*”, символистские полотна А. Белого: о теософской сельской секте “*Серебряный голубь*”, 1910 и его сатира на барскую империю “*Петербург*”, 1914. На театральных сценах одновременно ставились лирические драмы Чехова, социальные драмы Горького и экспрессионистские драмы Л. Андреева. В один и тот же 1907 г. появился пробольшевистский политический роман Горького “*Мать*” и роман Ф. Сологуба – исповедь обидчивого пакостника “*Мелкий бес*”, а в качестве освобождения человеческой плоти от религиозного гнета – первый русский порнографический роман М.П. Арцыбашева “*Санин*”. Такое было мучительное переломное время.

Михайловский Ник. Конст., 1842 – 1904. Юрфак СПб у-та.

Социолог, вместе с П.Л. Лавровым выдвинул теорию “субъективной социологии” (“*Что такое прогресс?*”): его критерий – всестороннее развитие (расцвет) личности + разделение и кооперация труда; трактат и статья в журнале «Отечественные записки», 1869, № 9, “*Что такое счастье?*”, 1872, №3-4), исследователь законов “массовой психологии” (“*Герои и толпа*”, 1882; “*Еще о героях*”, 1891; “*Еще о толпе*”, 1893). Отстаивал способность критически мыслящей и активной личности противостоять стихии истории (среди её разных возможностей – “факторов”).

“*Аналогический метод в общ-й науке*”, 1869: сопереживание объекту познания ≡ “суб-ый метод” в социологии + его оценка по общ-му идеалу. (Но с разладом его стратовости не справился).

Осуждал марксистов (В.Плеханова и прежде всего “легальных” П.Б. Струве и Н.А. Бердяева) за фатализм экон-ой детерминации истории и примирение с капитализмом.

Публицист и литературный критик редкой художественной пронциательности и ума. Статьи о Л. Толстом, Н.С. Лескове, Г. И. Успенском (художник "больной совести"), М. Е. Салтыкове-Щедрине, В. М. Гаршине, А. Чехове, М. Горьком, Л. Андрееве и мн. др. писателях. Без восторга вдохновений Виссариона, зато анализ тщательнейший.

Самый глубокий аналитик Ф. Достоевского: «*Жестокый талант*», 1882. Развенчал его раздутый культ – якобы “пророка божия”, “духовного вождя” и оплота православной госуд-сти. Показал, как раскаявшийся петрашевец - каторжанин, изломанный и озлобленный собственными страданиями, от своего бывшего когда-то в молодости одушевления пробуждением сочувствия страданиям “униженных и оскорбленных” перешел к садизму и мазохизму, возвеличению сладострастного мучительства как якобы *всеобщего* мерзкого свойства людей, а себя – исключительно смелым первооткрывателем этих гадких “глубин человеческой души” и к терзанию читателя картинками надуманных гадких мучительств («*Двойник*», «*Село Степанчиково*», «*Вечный муж*»).

Но обличение Достоевским “революц-ных бесов” (Раскольников, Ставрогина, Смердякова) Мих. не заметил. Или промолчал? Цензура мешала откровенности сложного разговора?

Критик "декаданса", просмеял их вычурное ломанье.

Деидеализировал бродяг М. Горького (1898): его свободолобивые “философствующие босяки” – вовсе не “новые люди”, а давно известные “отверженцы”, люмпены (чалдоны, пьянь кабацкая). [Просто в пору капитализации их становится много.]

Но их ключевой и мрачной роли в будущей русской революции Мих-ский, конечно, не мог предвидеть.

Близок к народникам и будущим эсерам; воодушевлял их идеалом не большевистской диктатуры, а демократии и “социализма” – не государственного (чиновничьего) и планового, а **кооперативно-го** и **рыночного**, и идеалом **героев** – как будто предвидел, что именно недостаток решительного действия похитит в 1917-21 гг. у России верную победу эсеровской альтернативы* и обречет миллионы на трагическую гибель.

* См. в кн: **Л. И. Браев**. Необходимость и свобода. Начала нецеситной социологии. Изд. «Салика», 2013, гл. 11.3.6. ISBN 978-5-906541-01-7

Во многом определил всю “физиономию” предреволюционной литературы и поры.

Гарин-(Михайловский), Н. Г., 1852-1906. Инженер - строитель железных дорог, основатель Новосибирска, путешественник.

На собственном опыте сельского хозяйствования и конфликта с кулаками (описанном в повести *«Несколько лет в деревне»*, 1892 и в беспощадно правдивых очерковых рассказах) разочаровался и порвал с народниками: подневольная община – крепостной тормоз. Перешел к легальному марксизму: развитие капитализма и социализма. А в 1905 г. идейно близок к Горькому.

Его биографическая тетралогия: *«Детство Тёмы»*, *«Гимназисты»*, *«Студенты»*, *«Инженеры»* (1892- 1907), жизненно, наблюдательно, задушевно, с юмором молодая наивность и порывы.

Хотя местами бледно, особенно в *«Инженерах»*, без психологической и социальной глубины. Местами – явная выдумка. Серьёзные разговоры не получаются. Но в целом повести и сегодня остаются актуальным отражением тревожных и мечтательных разладов той эпохи, но при всём том ещё осиянных светлым оптимизмом, в каком жили творцы - борцы, – такие, как сам Гарин.

Короленко Влад. Галактион., 1853-1921. Внук казака, сын жиитомирского судьи, сурового и неподкупного. И сын пошел в отца. Больше очеркист и публицист-правозащитник, чем писатель. Впечатляющий факт-деталь превращает в романтические символы общественных явлений. Народник – дерзкий обличитель. И никакие тюрьмы и ссылки его не согнули. Познал в них трудовую жизнь. Его нижегородские публикации прогремели на всю страну: *«Сон Макара»*, *«В дурном обществе»*, 1885, *«Лес шумит»*, *«На заводе»*, *«Станочники»*, 1887, *«Река играет»*, 1891. После поездки на выставку в Чикаго и рассказа *«Без языка»*, 1896 стал известен и за рубежом и с ним в. б. считаться и царь.

А после 17-го он смело обличал жестокости также и большевиков: *«Письма к Луначарскому»*, *«Письма из Полтавы»*, 1920-21. Хотя, разумеется, большевики их не публиковали и игнорировали. В 1917 Ленин возмущался его («околокадета») «подлой» защитой войны с Германией, «империалистической», и осуждением гражданской и рекомендовал его в тюрьму.

Восхищает его крепкий характер. В самых сильных обличениях Короленко стоит не мрак, а мечтательность и какое-то детское простодушие; и к самому отчаянно страшному в жизни он относится как-то со стороны. Что это? Эсеровская наивность? Вынес её из своего идиллического, но строгого детства?

Как это могло произойти? Некоторая часть ответа находится в его любопытнейших мемуарах и дневниках 1917-21 гг.

Чехов Ант. Павл., 1860 – 1904. Сын бедного лавочника. Уже в гимназии он проникся отвращением к пошлой фальши и в её просмеяние издавал для школьных товарищей юмористический журнал, вострясь в наблюдательности к метким жизненным деталям. Так рос весёлый забавник Чехонте: “Хирургия”, “Лошадиная фамилия”, “Месть” и т.п. его известные анекдоты, – юморист, каких в литературе сотни, и многие не хуже, а, может быть, и лучше.

Но на его молодость 80 гг. выпало время глухого деспотизма и потому безверия и упадка в интеллигенции. И как будто в том же ряду и в том же юмористическом тоне возникает серьёзная сатира на деспотизм, забитость и холуйство: “Унтер Пришибеев”, “Дочь Альбиона” (издательство – “для веселья” – сытого над слабым и одиноким), “Справка”, “Хамелеон”, “Смерть чиновника”, “Человек в футляре”, 1898, “Толстый и тонкий”, “Злоумышленник”. (Тут под мужицкой придурью открывается жестокий эгоизм.)

В 1890 гг. его сатира еще мрачнее, слита уже не со смехом, а с печалью. Подавляет поразительной темнотой, бедностью и забитостью деревни (“Мужики”, “В овраге”) и города: серость и однообразие. Весь Чехов об одном – тоска от пошлости и духоты, только детали разные. Это лирика серости жизни без идеала, прозябания.

Чехов совершает великое *художественное открытие*. Впервые в мире Чехов **изобразил скуку** – тоску обыденности.

Но описывать скуку? – за тысячи лет литературы ни одному писателю такое и в голову не приходило. Помилуйте, кто же станет читать о скуке - тоске? Известно же: все жанры хороши, кроме скучного. Но Чехов смог – да притом не нагоняя скуку на читателя, а наоборот, потрясая его грозной правдой о себе, страхом за свою пропадающую впустую в скуке жизнь и воодушевляя невыноси-

мой, нестерпимой жаждой тотчас, немедленно её изменить – начать радостные прекрасные дела.

Сумерки, кривые грязные улицы, ежедневная мелкая грызня из-за куска хлеба, привычная тоска и сонная лень хмурых, утомлённых людей, отупевших и раздраженных, угнетённых равнодушием к полёту и ничтожными интересами: пьют чай, служат, подсчитывают деньги, строят карьеру, ноют, претенциозно пустословят, несмешно острят, ударяются в капризы и глупые истеричные ссоры, – мёртвый быт без событий. Только иногда и у некоторых вспыхивает желание дела и творчества и бежать – бежать из своей пустой жизни. Но куда? За чем? Идеала не знают.

Как же совершается такое потрясающее волшебство? Эти волшебники – **верные детали**, краткие, но вмиг узнаваемые и ярко озаряющие сознание. Чехов выработал художественно сильную позицию – намеренная авторская лаконичность, сдержанность и простота, беспардонность, без громких слов, когда в них давно не верят, даже сухость сюжетов и картин, зато сотканых из верных деталей. Эта сухость реалистичных деталей картины только обнажает и усиливает их собственную лирическую или обличительную выразительность, как и всего целого.

Такие его шедевры: “*Ионыч*”, “*Тоска*”, “*Не в духе*”, “*Счастье*”, “*Свирель*”, “*Учитель словесности*”, “*Архиерей*”, “*Анна на шее*”, 1895, “*На подводе*”, “*Дядя Ваня*” – только вершины в изображении этого настроения.

И это недовольство мелочностью своей жизни и собой наполняет людей тоской по идеалу: “*Скучная история*”, 1889. “*По делам службы*”, “*Жена*”, 1892, “*В ссылке*”, 1892, “*Моя жизнь*” (Технического прогресса мало, нужен гуманизм), 1896, “*Дом с мезонином*”, 1896. “*О любви*”, 1898, “*Дама с собачкой*”, 1899.

Чувствуется, что писал он в первую очередь *для себя*, как пишут поэты: последняя отрада – в уютной тишине, не спеша, изливать на бумагу свою грусть, свою безнадежность и свои мечты. И тем не менее его зрелое творчество пронзительно передаёт самосознание русской интеллигенции на рубеже веков и его эволюцию.

У позднего Чехова тоска по идеалу становится *предчувствием* и чуть-чуть верой в близость яркой великой жизни, скорого наступления иного мира, *прекрасного*: свободы, любимого труда, общего блага, ума, смелости, веселья. Этими мотивами исполнены и рас-

сказы: “Скучная история”, 1889, “Крыжовник”, 1898, “Невеста”, 1903, и пьесы: “Три сестры”, 1901, “Вишнёвый сад”, 1903.

Правда, их робкая вера в торжество науки и социальный прогресс не обоснуема и необъяснима, часто даже безотчётна. Чехов и сам не находит ей основания. И сознание этого погружало его в тягостный скептицизм, как в рассказах “Скучная история”, “Палата № 6”. Наивная мечта трёх сестёр о Москве вызывает у него снисходительную улыбку. Похоже, так же, как и ожидания Маши спасения от пустоты жизни, идеала в религии.

Аналогично построен открытый им *лирический театр*. Привычные в драматургии острые и сюжетно целеустремлённые диалоги Чехов заменяет обрывочными разговорами, совершенно бессюжетными и случайными. Каждый персонаж на протяжении пьесы раз пять повторяет на разные лады одну и ту же мысль, *своего характера*, часто пошлую, совершенно неуместную и бессмысленную, – и больше ни о чем не говорит, разве только спросит чаю или ответит на такую же излюбленную фразу соседа. Помолчат, кто-то размечтается вслух, опять пауза. Но **под** обыденностью этих сборов на завтрак, в отъезд и т. п. житейских мелочей и глупостей звучит драматический **поток настроений** гибели и надежды. И, казалось бы, невозможная скука вдруг потрясает зрителя и открывает глаза на его собственную жизнь – шутов на кладбище. И без всякой моралите.

Однако такой чеховский художественный ход бесцельных *драматических растабар* возможен именно и только потому, что сами представленные персонажи реально бесцельны. Как будто не трагедия борьбы, а лирика, однако лирика трагическая.

Русская предреволюционная история превратила чеховскую тоскующую мечту вырваться из пошлости в завершение старого реализма и в начало нового. Чехов стал самым влиятельным художником XX века. Подобной лирикой подтекстных настроений сделались серьёзная *авангардная* проза, драматургия и кинематография по всему миру.

Сологуб Фёд. Кузьм. (Тетерников), 1863 – 1927, Ленинград.

Сыну петербургского портного, скоро умершего, и служанки в захудалом дворянском доме, ему выпала злая судьба бедняка. За

счастье должен был считать учительский институт и десять лет провинциального учителя математики.

Полу реалист, полу чёрный декадент, живописец чудовищного.

Роман «*Тяжелые сны*», 1896. Нет неба, поэтизация смерти («смертяшкин», по Горькому). Наблюдательно дана мещанская жизнь в захолустье, без мысли, душная скука и эротические грёзы. Как угрызения совести.

«*Мелкий бес*», 1907 (СПб, 1913). Углубление темы «снов» Логина в Ардальона Борис-ча Передонова: учитель без общественных мечтаний, болезненно обидчивый, не терпящий шуток, как его наваждение – серая тварь “недотыкомка”, озлобленный завистник и садист - пакостник. Расширение “Человека в футляре”, но без лирики и внутренней свободы автора от персонажа. Неубедительно и часто скучно. Нет бытийных основ Передонова, отчего он предстает странным глупцом, а не социальным типом. Много от Гоголя, но без его остроумия. Мелкие карьерные интриги и обманы, мещанские склоки и скандалы, грязная брань. В порыве обиды вдруг полоснул столовым ножом по горлу насмешника.

Другие соч-я: эротический роман “*Слаще яда*” (СПб, 1913), стихи “*Очарование земли*” – вовсе банальная претенциозная безвкусица (“прекрасный кавалер”, “лиловый зной”, “выбираю смерть, как апельсин” и т. п.) и скучная пустота.

Увлечение Сологуба Достоевским и унылым Шопенгауэром и сближение с Мережковским и Гиппиус вылилось в декадентскую мистическую трилогию - полуфарс «*Творимая легенда*», 1905-13. Но и в ней в отличие от этих вещунов Сологуб не набожный смиренец, а сатирический богоборец, подавленный открытием: проклятым миром зло играет дьявол.

Однако в гражданских бурях и под диктатурой Советов стало не до мелочных чернот Сологуба – и скоро он перестал печататься.

В стихах он обходится ещё без мистики символизма, но его простота и шутовство уже давит декадентским упоением тишиной и утешением смерти – самоубийствам. Так сказать, стиховое резюме его прозы.

Найдёнов Серг. А-др. (Алексеев), 1868-1922, сын казанского купца, бросил семью и гимназию, ушел в провинциальные актеры. Толстовец, талантливый драматург.

«Дети Ванюшина», 1901, автобиографическая психологическая драма распада купеческой домостроевской семьи и разбитых мечтаний заурядных неудачников, непонимающих и слабохарактерных. Синтез печального Чехова с острым Островским.

«Номер 13-ый», «Богатый человек», 1903.

С 1909 лечил чахотку в Крыму и от реальности оторвался.

«Неугасимый свет», пьеса 1922 г. “Октябрьскую революцию” он встречает здесь с восторгом – притом *христианским* [!]. Еще один А. Блок? Даже в 1922 году. Ну и оракулы в России.

Неоромантика

Внутри реализма выступало иное направление – *фантазийное, неоромантики* – героической, глашатая обновления жизни, как у М. Горького, или романтики прекрасно мечтательной, как у А. Грина, или, наоборот, пессимизма: безобразия и мрака, и ухода от жизни, или даже из жизни: Сологуб, Л. Андреев, М. Арцыбашев...

Если критический реализм предстал миру русским **Возрождением** (эквивалентом Ренессансу), устремлением к новой прекрасной жизни, то этот мрачный отказ от жизни и от красоты, отчаяние и восторг гибели был явным социальным *вырождением* и тревожным предвестием близкой гибели уже не выдуманной. Увы, не замедлившим сбыться.

В этой рубежной прозе изображаются не столько события общественной действительности, сколько события *души* – её переходы, прозрения, озарения, настроения. Отсюда господство в ней “малых форм”: рассказы – повести.

Однако особенное влияние эта фантазийность набирала в поэзии, обычно *мечтательной*, так сказать, аутичной, – уход от безобразной реальности полунищего - полуиндустриального города в прошлое тихой дворянской усадьбы и упоение воображаемым миром славянофильской или средневековой старины или в зыбь мрачных кошмаров мистики. Эту-то антиреалистическую мечтательность тогда и клеймили презрительно *декадентством*.

Русская классическая поэзия Пушкина, Лермонтова, Некрасова выражала их собственные переживания, реальной жизни, личной и общественной, включая гражданскую. Но модернизм всех мастей питался неприятием гнетущей реальности и потому отвергал реализм. Именно из общей тогда неприязни к окружающему миру,

унылому и злему, декаденты противопоставляют ему впечатления *выдуманнные и вычитанные*.

Символисты, как старшие (Н.Минский, Д. Мережковский, З.Н. Гиппиус, В.Я. Брюсов, и др.), так и младшие (1900 гг.): уже молодой учёный Вяч. Иванов, молодые А.А.Блок, А. Белый, В. В. Гиппиус и др. обвиняли реализм в скольжении по поверхности вещей, без проникновения в их суть. Однако суть-то вещей они усматривали в мистике, то есть в зареальной фантазии, а настоящей поэзией считали прозрение за обычным миром людей и природы проявлений – “символов” потустороннего мира. Все вокруг: зори, леса, овраги, купола, вагоны – становилось символами, симптомами кануна грядущего конца эпохи и начала алого переворота истории. Впрочем, тогда это было общее ощущение - предчувствие – и пророческое. Оно выливалось в кабацко-цыганском тоскливом иступлении, в тоске Блока, в насильственной мертвецкой эротике Брюсова, в элегизме Бунина или Вертинского, в псевдо “безднах” Мережковского.

Обычно это были фантазии какие-нибудь ярко экзотические: тоска о милом прошлом или бурные волнения, странные люди, дикий вещи, события, времена и миры, путешествия, приключения, захватывающие, ужасные или героические и т. п., а то и вообще – волшебные или мистические: ведьмы, вампиры, змеи.

Такое переживание, конечно, бывает красиво и сладко, но, увы, оно лишь греза, *ложь, дурман*, заслоняющий реальность и отвлекающий от неё, сладкий яд и, как всякий наркотик, тем опасное и губительное. Оно означало праздное загнивание обреченных на гибель в близкой буре. И не в этих ли настроениях одна из причин грядущей гибели русской элиты?

Хотя, увы, даже сквозь это погружение в поэтизированное бездумье всё же то и дело прорываются тоска одиночества, грубой бедности и надрывность беспросветности.

Однако именно ради возможности “жить” в этих грёзах несуществующего декаденты и сосредоточились на эмоциональной красочности и звучности отображения своих впечатлений и мечтаний и достигли здесь, надо признать, блестящих успехов – как в стихах (Фофанов, ранний Брюсов, Бальмонт, Лохвицкая), так и в прозе (А. Ремизов, Б. Зайцев, И. Дымов).

Должно быть, за этот «импрессионизм» его поклонники и превознесли эту пору «серебряным веком» поэзии.

«Акмеизм». После подавления бури 905 г. пришла некоторая успокоенность. Н.Гумилёв, С.Городецкий, М.Кузмин Б. Садовский отказываются от мистики, предчувствий катастрофы и критики ради идеала жизнелюбия и ясности. Так историческая драма создала смешной парадокс: декаданс, упадок снискал имя цветущей вершины, греч. "ἀκμῆ", «акмеизм». Хотя даже у них истинные настроения прорываются в жалобах на грубость и убогость жизни, в поисках бога, в тоске по чуду, в надрывных нотах обреченности.

Соловьев Вл. С., 1853-1900. сын известного рус. историка.

В увлечении А.С. Хомяковым, Кантом и Гегелем ушел с физмата Московского у-та на истфил. Его спиритуалистская «Критика западной философии», 1874, т. е. позитивизма, за “эмпирическую ограниченность” и метафизики за рационализм и ещё более его мечтательные мистические стихи воодушевляли декадентских поэтов-символистов, хотя он сам их не любил – как свое зеркало.

Его “философия всеединства” – настоящее маниловское “парение этакое” мечтателя: *развитие* из минерального → к растительному → к животного → к челов-му и *божъему*; душа мира – София (мудрость) → теософия → к теократии ≡ общество справедливости. *Добро* есть особая субстанция, но в противоречие этому выводил *мораль* ← из стыда (отношение к плоти), жалости (отношение к другим людям) и благоговения (отношение к Богу).

Верно отмечал: Россия исполнена культа религии, совести и презрения к богатству, комфорту и порядку. Но без уточнения: таково старое в России, а силу новых настроений не замечал.

За объединение православия с католичеством под главенством римского папы + с иудаизмом (“Россия и Вселенская церковь”, 1889). Открывал угрозу Европе от исламизма и “панмонголизма”. Но не видел угрозы стране от растущего внутреннего раздора.

С него писался образ Алеши Карамазова.

Анненский, Иннок. Фёд., 1856-1909 – ещё предтеча рус. декадентов, гл. образом в критике. Директор гимназии.

От античной мифологии перешел к «*Тихим песням*» 1904 г.

Мережковский Дм. С., 1866-1941 и **Гиппиус** З.Н., 1869 - 1945. Оба росли в угрюмых семьях: он – в семье придворного чиновника, она – обрусевшего немца-прокурора, и оба были обделены родительской лаской, душевно одинокие. М. – молчаливый, низенький и сутуловатый, как часто у кабинетных писателей. Наоборот, Г. – длинная и худая, в 12 лет подхватила от отца туберкулёз. Оба бледные, застенчивые и задумчивые книжники, обожали себя, но были высокомерно холодны – до бессочувствия к другим, зато надуты набожны. Признание Мер-го в стих-и:

«И хочу, но не в силах любить я людей»,
«Сердцу ближе» звёзды, небо, леса...

Проницательные Достоевский и Чехов с первой встречи почувствовали в них это отсутствие простоты и сострадания, погруженность не в реальную жизнь, а в красиво придуманную религию и сторонились.

Гиппиус с 11 лет ударилась в претенциозные мрачные молитвенные стихи о смерти, проклятье скуке и побегание в фантазии с иронией над собой. Таковы же персонажи её прозы. Вызывающе кокетничала своим нищестем: “Люблю я себя, как Бога” (1895). Обожала осенять мужа своими дерзкими идеями, – часто непоследовательными: почему-то её служение плоти со скандальными любовниками, её сексуальное раскрепощение – свято, потому что “Христос сделал нас свободными”, а вот Пётр I – за подчинение религии мирской плоти и политике – Антихрист.

Или Петру недостает духа, а вот у неё – “*высокий дух*”?

В 1880-е годы оба выступали скорбными народолюбцами – как “народники”, по Н.К. Михайловскому и Г.И. Успенскому удрученные неудачей крестьянского просветительства, со стихами, близкими к Надсону: жалобы на одиночество и обманность жизни, страх смерти. Позже ушли в декадентский зов от “стонов нищеты” в “лазорево-грёзы” мечтаний.

М-ий: «*Символы*», 1892. Сб. стихов, доп-е переизд. 1909 г. – грёзы чего-то потустороннего, начало его символизма, “упаднического”, сколько автор от того ни открещивался.

«О причинах упадка и новых течениях в совр-ой рус. лит-ре», 1893. Лекция-эссе выводит свой мистический модернизм из Толстого, Гончарова, Достоевского. Вот уж субъек-зм так суб-зм.

Их оппозиция к царской бюрократии уже даже кадетского либерализма. Выход видели в культурном и либеральном **обновлении** православной церкви, давно бюрократической и неавторитетной, обновлении в духе протестантизма, но на основе панславизма и славянофильского патриархального **сектантства**. Они даже верили, что обновленная религия приведет к идеальному обществу без классовой вражды.

Осуждение царей за “освящение плоти” и подчинение церкви и осуждение казённой церкви за прислуживание гос. бюрократии. Манифестация этих идей в трилогии М. «Христос и Антихрист»:

Ч. 1. *Смерть богов. Юлиан Отступник*. 1895. О тщетной попытке римского императора IV в. вернуть греч. язычество. Смакование эротики и жестокостей. Так сказать, первый Антихрист?

Ч. 2. *Воскресшие боги. Леонардо да Винчи*. 1901. Второй?

Ч. 3. *Антихрист. Пётр и Алексей*. 1904-5.

И в трилогии «Царство Зверя»: ч.1 «Павел I», 1908, ч.2. «Александр I», 1912, ч.3. «14 декабря», 1918.

Его “исторических романы” похожи на длинные схематичные басни с прозрачным моралите. Местами не без красочности, но в целом скучны: без открытий, образы не из жизни, а вторичные, компиляции вычитанного на разных языках. Иносказательное иллюстративное осуждение царизма и церкви как Антихристов – по суевериям староверов. Искусственно притянутые аналогии: пирушка Петра вокруг той же скульптуры Венеры, которой поклонялся Юлиан, а разный историч-й смысл событий обойден.

«Л. Толстой и Достоевский», 1901-2. Трактует их по-своему. Одобрил церковное отлучение Толстого. Поглощен экзегезой Евангелий.

С 1900 гг. зреет их учение – “неохристианство” о «Царстве духа». В кн. Мережк-го «Иисус неизвестный», Белград, 1932-34.

По М. и Г., Ветхий Завет идёт от “отца”, несёт языческий закон плоти; Новый Завет, Евангелия – от сына (Христа) и несёт любовь. Антихрист – стена против синтеза духа и плоти. Но между Аграфом и Апокрифом есть еще сокровенный “Третий Завет” от Святого Духа, по их “правильному пониманию” ≡ божией матери,

заступнице (поскольку в арамейском *Rucha* – женского рода) и он несёт любовь ≡ свободу, “освящение плоти”, “обновление” христианства, грядущий синтез плоти и духа, религии и культуры - творчества, язычества и христианства, след., отрицание аскетизма ≡ монашества (Т. 1, М., 1914, с. VI) и право на бунт, “религиозную революцию” с отделением церкви от государства.

Дошли до затеи домашней церкви, с изобретением своих собственных обрядов, иногда зловещих, – с распятием и питьём крови.

Мережковский. *«Грядущий хам. Чехов и Горький»*, М., 1906. Статьи уже не аллегория, а открытые публицистические формулировки его богословских идей, но на языке Библии и в образах русской литературы.

У него “хам” есть пошлая посредственность. Почему? П. ч. без религии в душе? Но это только брань, а не социальное определение. Ещё хам – это “мещанство”. Но поскольку вслед за Герценом он считает мещанами не только европейцев, но и китайцев, то для него это не социальная страта: бюргеры – буржуазность, а всякий культ богатства и порядка, иначе – господство тела, плоти над духом, материализм (позитивизм, атеизм). Противопоставлено – по Вл. Соловьёву – русскому безразличию к комфорту.

Для него Пётр I – первый рус-й интеллигент, нигилист и безбожник.

Хама обличает в трёх ипостасях: “настоящий хам” – 1) царизм, поработивший церковь, и 2) царская казённая церковь, сервильная: она воздаёт “кесарю Божье”, благословляет гос. бюрократию и её “мирскую политику”, вплоть до благословления казней.

Приемлет революцию: по Библии, весь путь человечества – катастрофы: изгнание из рая, потоп, разрушение Вавилона, апокалипсис. По М., рус. революция является христианской, поскольку свергает антихристианское самодержавие и его угнетение церкви. (*«Революция и религия»* // Русская мысль, М., 1907).

Но ещё страшнее 3) “*грядущий хам*” ≡ “мещанство будущего” (у него синонимы): это Белинский, нигилист Базаров, “подпольный” человек, убийца Родион Раскольников, Смердяков и Иван Карамазов раскаявшегося петрашевца и эпилептика-каторжанина, народники и марксисты, готовые принести весь народ в жертву “железному закону эк-ой необходимости”, хулиганское “босячест-

во” из «*На дне*» Горького (с. 37) с их Ницше, бездуховная плоть, потом “воцарившийся раб” 1917 г.

Всё – литературные отражения, часто враждебно карикатурные, а реальных революционеров он не знал, даже не наблюдал, не говоря уж о соперечивании изнутри.

“Рус. интеллигенция” (д. б., это о такой, как они?) угнетена этими двумя гнётами, но чужда и царизму, и народу [?]; спасение – в её сближении с обновлённой церковью и с народом – в “революции религиозной” (мистической, духовной), а не политической.

В итоге революцию Мережковский выводил не из общественных потребностей, а просто из «хама», подразумевая мещанство и материализм-атеизм, хотя студентом и сам увлекался позитивизмом. А Гиппиус понимала мир и того проще: всё добро от бога, а зло – от Антихриста: революция – от «неуважения святынь».

В 1909 г. Мережковский публично высокомерно и обидно отхлестал “веховцев”, своих недавних единомышленников, легальных марксистов, философов А. Бердяева, И. Булгакова, С. Франка, В. Розанова – за их примирение с казенной церковью и отмежевание от революции – его “истинной”, не отличающейся от видимой аморальной.

Демократическое устройство русских протестантов – староверов общеизвестно и без М-го. Думаю, подобные идеи общинной религии (секты) вполне возможны были и среди декабристов. Отделение церкви от госуд-ва и её демократизация прогрессивны и необходимы, но это же только часть более широкого и важного – общей политической демократии. Разве свобода религии возможна без общей социальной революции в стране – демократии и аграрной реформы? Разве способна их заменить?

Как раз наоборот: в 17 году подмена претворения народных чаяний революции пустой болтовней (в частности, и религиозной), корыстная волокита Временного правительства, фактический саботаж социальной революции и сгубил страну. Кадеты восемь (!) месяцев тянули с демокр-ми выборами и реформами, давно перезревшими, и хотя бы временным выходом из войны, нагнетая общественное недовольство, и довели гос-ю власть до полного развала, дав тем самым оголтелым диктаторским утопистам (как раз его “*Хаму*”) шанс захватить власть, – и те его не упустили.

Сами М. и Г. уже в марте предвидели падение Керенского, слепого к опасности “слева”, и диктатуру Ленина с её безумной жестокостью и обращением обещаемых мира, хлеба и свободы в войну, голод и рабство.

Но преступной вины кадетов и эсеров за гибельное промедление с реформами не понимали. Хотя в 1914 г. сами М. и Г. стояли за выход из войны – и скорейший – ради минимизации потерь.

Да, похоже, это не поняли также и сами кадеты, и правые эсеры в целом. Не знаю, кто бы из них каялся.

В 17-м даже слышущие косными попы и те оказались оперативнее: уже в апреле объявили и летом провели епархиальные съезды и выборы епископов, а в августе – поместный собор, но реставрации патриархии до захвата власти большевиками не хотели.

Но без общей демократии в стране не могло быть никакой свободной церкви. 23 января 1918 СНК декларировал отделение церкви от государства и школы, но реально отделил её только от гос-го кошелька, но не от гос-го террора; наоборот, ОГПУ, его специально созданный секретный 6-ой отдел взял её под полный контроль, с арестами и расстрелами тысяч неугодных.

“Атлантида-Европа”, 1930, М., 1992. – такая же поучительная аналогия, как его “романы”, пророчество гибели Европы в мировой войне.

После катастрофы 1917 года Мережковский надеялся то на “третью революцию”, религиозную победу и над царизмом, и над хамом – в этом его “русская идея” и спасение мира, то на крестовые походы на большевистскую Россию иноземцев: то Пилсудского (“Царство Антихриста. Большевики. Европа и Россия”. München, 1921), то в 1941 г. даже на Гитлера, рассчитывая (д. б., как Черчилль), что большевизм и нацизм уничтожат друг друга.

Правда, после 22 июня, узнавая о зверствах гитлеровцев, очень раскаивался.

Мер-кий. “Россия и большевизм”. Сб. публицистики 1921-39 гг., включая рукопись 1939 г. “Тайна русской революции”. 1-е изд. М., Русский путь, 1998. Сразу понял главное: большевизм – не революция, а реакция (1921).

Но вместо её социально-философского анализа и объяснения какие-то религиозные ругательства и камлания над демонами “Бесов” Дост-го. Для него вся причина болш-зма – одержимость, “душевная болезнь” и точка. Прimitив. Куда ему хотя бы до презираемого им Бердяева. У того хотя бы острые психологические понимания.

Из праведной ненависти к больш-ам, к их жестокости, лжи и низости не видит в Советском Союзе реальных надежд – ни индустрию, ни собес, ни расширение школы и культуры, ни перерождение народа, а с ним – и самой бюрократии.

Как мелок уровень эмигрантской публицистики. Как было не погибнуть с такими “гениями” средневекового священного мышления. И это в 20 веке! Невероятно. Конечно, строже была философская (но не социальная) критика большевизма у П. Струве, но он абстрактен и сух. И не был столь влиятелен, а среди декадентов – вовсе без влияния.

Мер-кий был отвергнут всеми: для самодержавия он подрывник государства, для православной церкви – еретик, для науки – чуждый науке ретроград - декадент, для большевиков – реакционер, для белоэмигрантов – предатель родины. Только либеральные священники-обновленцы и сектанты-староверы, светлея лицом, считали его “своим”: «Совсем как мы».

Но мерещковские идеи замены кровавой “монгольской” революционной диктатуры “революцией духа” и сближения интеллигенции с патриархальной деревней – через обновлённую церковь, сектантство нравились “**младшим символистам**” (“левым”).

Начала своего мечтательно мистического символизма они открывали в «Пророке» и «Поэте» Пушкина, в петербургских повестях Гоголя, в “*Silentium*” Тютчева, в Достоевском. Поэтов мыслили провидцами и пророками, оттого были постоянно торжественны, даже в декламации стихов, тоскующие о прошлом в предчувствие впереди катастрофы, силились превратить театр в священную мистерию с античным хором и чтением от автора, грезили об обретении их мифотворческими художественными сочинениями “всемирного” религиозного статуса, как у греческих мифов, Библии или Корана, – да их метафорические символы понятны были слишком многим.

Только Блок шел всё же не от мечтаний, а в обратном порядке: от впечатлений окружающей печальной реальности к тоске о чем-то ином прекрасном. Этой своей исходной жизненностью он и трогает по-настоящему.

Иванов Вяч. Ив. , 1866-1949. Сын землемера, с гимназии утонул в Античности и Средневековье, филфак Московского у-та, философского – в Берлине, увлёкся мистикой Вл. Соловьева, русофилом А. Хомяковым, демонизмом Ницше, Блоком, Мережковским, Бальмонтом.

Но критиковал символистов – с позиций древности: нужны не их метафорические намеки одиночек, а мифы в декларации от «мы», в духе античных греков.

В 1921 – в Баку, с 1924 – в Италии.

Стихи мертвые, напыщенные перепевы древностей архивным языком. Самодовольный религиозник. Смешно: русскую рев-ю в 1917-18 гг. не принял за то, что она протекает «внерелигиозно».

Бальмонт Конст. Дм., 1867-1942

Из дворянской семьи уездного земского чинов-ка.

В усадебном рае мальчик запоем читал на разных языках и сочинял под читанное, воспевая цветочки, зарницы, фей, бесстыжих дерзких пиратов, палачей, ведьм, вампиров, скифов, опричников, красоты Испании, Индии и т. п. вторичную галиматью. Но с притязанием:

Я – изысканность русской медлительной речи,

Предо мною другие поэты – предтечи...

Фетовская мелодичность и импрессионистская яркость красок. И его щегольская волновая певучесть строф, почти без переломов (enjambments) строк, ассонансы, аллитерации, звукоподражания и смелые рифмы, были бы восхитительны, но за ними – скука: однообразные красоты экзотических или сельских идиллий; с проблесками гражданской скорби («Сб-к стихо-ий», 1890, «Под северным небом», 1894, «Горящие здания» (1900).

Эти сонные мертвотушные творения одинокого скучающего книжника – мечтателя с презрением к серым беднякам и с претензией на щекочущие («роковые») чувства шесть лет никого не при-

влекали, пока знакомый коммерсант (С.А. Поляков) в 1900 году не устроил ему модернистский журнал «Скорпион».

Далёкий от реального мира, Бальмонт имел успех, особенно у мечтательно-слезливых гимназисток. Вид у него провинциального надутого франта, с искусным коком на лбу и важностью, словно у Дон-Кихота Ламанчского. Хотя вообще-то был с людьми приветлив, но своим самодовольным нарциссизмом смешон.

Его первые «символизмы» – кроткая элегическая усталость (Сб. «Тишина» 1898, потом обостренная демонизмом Ницше, эпатаж вычурной красотой мерзости (Сб. «Злые чары»). Вершина – восторженный порыв сб-ка пророческой тревоги и оптимизма – «Будем как Солнце» и красивой эротики «Только любовь»(1903), («Она отдалась без упрека», «Хочу быть дерзким...»), «Литургия красоты», 1911, «Сонеты Солнца, Неба и Луны», 1917.

В 1905 г. Бальмонт воображал себя революционером – за револьвер, который он таскал в кармане, за свои сумбурные уличные речи с тумбы и сборник «Песни мстителя», Париж, 1907.

От Октябрьского переворота 17 года открестился и в 1920 г. уехал, но его заигрывание с Советами эмигранты не забыли и враждебно сторонились. Декадентство, приятное в усадьбах и в салонах, на унылой чужбине стало скучно. Его еще шесть книг публицистики и стихов, среди них – «Моё – Ей. Стихи о России» и «Северное сияние», 1923, «В раздвинутой дали», 1930, «Голубая подкова», 1937 встретило молчание. Денежная поддержка таяла. Много и хорошо переводил с разных языков. Старел, болел.

Брюсов, Вал. Як., 1873-1924, – обеспеченный сын делового купца, поэтому страшный книжник, воинственный ревнитель «чистого» искусства и начинатель русского декадентства.

И о чем только он не писал? Сверх сладко-дерзких стихов, скучный оккультный роман “Огненный ангел” (1908) – о блужданиях по средневековой Германии рыцаря Рупрехта и очарованной нечистыми силами девы Ренаты – среди ангелов, демонов, голых ведьм, черной магии и инквизиторов. И фантастические роман «Гора Звезды», рассказы «Восстание машин» (1908) и повесть “Первая междупланетная”, и антиутопия “Республика Южного Креста” (1905), и порнографический “Дневник женицины”.

И всё-то с увлечением книжными дивами, их знанием и умно, но как-то холодно, не трогая и не увлекая.

Он славил науку, «блаженство смерти», «эдем наркотиков и проституции», издавал декадентские журналы: «*Весы*», 1904-09, «*Русская мысль*» (Струве), 1910-14, где пестовал Бальмонта, А.Блока, Н. Гумилёва, А. Толстого, А. Грина, М. Волошина и др.

Но сам он так и не был признан, оставшись для декадентских «аристократов духа» «лабазником», пусть «демоническим», как они его просмеивала. В его ницшеанский аморализм и «демонизм», явно напускной, и предчувствия страшной революции мало верили; похоже, чувствовали, что всё его черти, иные миры и развраты – выдумки примерного супруга и трудяги - стилиста – рада «поэзии», «красивой» по тогдашним декадентским вкусам.

И не зря: никого, не одной иной женщины, кроме своей милой скромной супруги, он никогда не любил. Но вот не догадывались, что его увлечение наркотиками (не только поэтическими, но и природными) было реальным и гибельным.

Должно быть, поэтому он не захотел эмигрировать, а цинично вступил в большевики и даже сочинил оду Ленину, – по случаю смерти вождя.

Волошин Максимилиан А-др., 1877-1932. Сын киевского юриста, потомка казаков и обрусевшей немки, выпускницы Института благородных девиц Елены Оттобальдовны Глазер.

После разрыва родителей и смерти в 1881 г. отца 12 лет жил с матерью в Москве. Гимназия, моск-й ун-т, отчислен за участие в студ-х выступлениях, самообразование, путешествия, вольнослушатель в Сорбонне. С 1903 г дом в Крыму, в Коктебеле.

В стихах – с символистами. Поклонение Верхарну: «*Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы*». 1919. Увлечение антропософией, летом 1914 в Швейцарии, в Дорнах участвует в постройке Гётеанума, храма св. Иоанна, символа братства народов и религий. Пацифист, в 1914 г. отказался от службы в армии.

Книга избр-х статей о культуре «*Луки творчества*»; в [1915](#) – книга стихов против войны «*Anno mundi ardentis 1915*» («В год пылающего мира 1915»).

Ранние стихи сколочены в совершенстве в подражание античности, подобно Вяч. Иванову – красиво торжественны и сухи, –

даже когда о любви, а, когда о современности, похожи на иронию или пародию.

Напутствие Бальмонту

Мы в тюрьме изведанных пространств...
Старый мир давно стал духу тесен,
Жаждающему сказочных убранств.
О, поэт пленительнейших песен,
Ты опять бежишь на край земли...
Но и он - тебе ли неизвестен?
Как ни пенят волны корабли,
Как ни манят нас моря иные, -
Воды всех морей не те же ли?
Но, как ты, уже считаю дни я,
Зная, как торопит твой отъезд
Трижды древняя Океания.
Но не в темном небе Южный Крест,
Не морей пурпурные хламиды
Грезишь ты, не рассыпь новых звезд...
Чтоб подслушать древние обиды
В жалобах тоскующей волны,
Ты уж спал на мелях Атлантиды.
А теперь тебе не суждены

Лемурии огненной и древней
Наисокровеннейшие сны.
Голос пламени в тебе напевней,
Чем глухие всхлипы вод...
И не ты ль знойнее и полдневней?
Не столетий беглый хоровод -
Пред тобой стена тысячелетий
Из-за океана восстает:
"Эллины, вы перед нами дети"...
Говорил Солону древний жрец.
Но меж нас слова забыты эти...
Ты ж разъял глухую вязь колец,
И, мечту столетий обнимая,
Ты несешь утерянный венец.
Где вставала ночь времен немая,
Ты раздвинул яркий горизонт.
Лемурия... Атлантида... Майя
Ты пловец пучин времен, Бальмонт!
Париж, 1912

То ли восторгается его фантазиями, то ли укоряет за их тщету? Неясно. Двусмысленно. То ли и то, и другое? Но и сам мыслит чужими книжными фантазийными образами.

О войне и своей толстовско-есенинской позиции:

Россия

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.
Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смирненной и бедной -
Верной своей судьбе.
Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли [?],
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.
Люблю тебя в лике рабьем [?],
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим

Над трупами сыновей.
Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.
Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленную верой
Твои запеклись уста.
Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

17августа1915,Биарриц

Война народу не нужна – тут, конечно, прав; но умиление российским рабским смирением? – Неужели “мудрец” не понимал, что это юродство приведёт страну к поруганию и трагедии?

Так декадентски он начинал в дореволюционном «серебряном веке», но по-своему оригинально, смело и сильно он развернулся уже в большевистскую пору – и речь о нем уместней там.

Блок А-др А-др, 1880 - 1921.

Мать – дочь университетского ректора Бекетова сбежала с младенцем от его отца, немецкого профессора юстиции в Варшавском ун-те. Рос замкнутым, на 3 курсе СПб у-та увлекся Вл. Соловьёвым и с “самого лёгкого” юрфака ушел на истфил.

Сб. «*Стихи о Прекр-ой даме*», 1901- 2. Сб. «*Город*», 1904-8.

Не мистик (т.8, с.138); его религиозность “сказочная” (т.8, с.40), подражание и “лирическое” умиление. (Т.7, с.13, 29, т.8, с.138, 197). Потом его стало отталкивать религ-е разложение царской власти и аристократии (т.7, с. 134, 136). А. Белый злился на его “хулиганство”, святотатские насмешки над ним (с.199).

Прогремел поэзией повседневности. В пору, когда русские стихи затопили изящные штампы, Блок сразил читателя **истинно-стью будничных** фонарей, луж и ветра, но исполненных взбудораженной отрывочности, драматической тревоги и таинственности в интонации русских романсов. Виденья непонятной странности (как знаменитый “Рысак над пропастью”. Т.3 с. 162) превращают обыденное в неисчерпаемые символы иного.

Таков его восхитительный **сверхреализм**:

Сумерки, сумерки вешние,	Отзвуки, песня далёкая,
Хладные волны у ног,	Но различить - не могу,
В сердце - надежды нездешние,	Плачет душа одинокая
Волны бегут на песок.	Там, на другом берегу

... И чем узнаваемой обыденность, тем сильнее символ:

И каждый вечер, в час назначенный	И медленно, пройдя меж пьяными,
(Иль это только снится мне?)	Всегда без спутников, одна,
Девичий стан, шелками схваченный,	Дыша духами и туманами,
В туманном движется окне.	Она садится у окна...

Или знаменитое: ...Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Равносильно целому трагическому роману:

Под насыпью, во рву некошеном, В цветном платке, на косы брошенном,
Лежит и смотрит, как живая, Красивая и молодая...

Если б здесь и кончил. Зачем всё испортил пошлым гусаром?

Но дальше тут же равносильное зрелшей судьбе страны:

Вагоны шли привычной линией, Молчали желтые и синие;
Подрагивали и скрипели. В зелёных плакали и пели.

Равносильно напряжению с 1905 года гражданской войны:

Рожденные в года глухие Мы – дети страшных лет России –
Пути не помнят своего Забыть не в силах ничего...

И предчувствие «неслыханных перемен» и «невиданных мятежей», т. 3, с. 306.

Разве такие блоковские образы – СИМВОЛЫ *потустороннего?* Нет, сначала **боле**й истинной земной жизни. Этим он и берёт за душу. И поющая декламация ему шла.

В 1905 либерал (т.8, с.144), но сочувствовал соц-дем. (141), в мае 1917 на гор. выборах голосовал за блок эсеров и м-ков (497).

Сб. «*Родина*», 1907-16 – эсеровское представление Руси.

К сожалению, в ретроспективе, после страшного 20 века, для современного читателя этот свежий Блок теряется. И тем более, что как ни жаль, но преобладает в нём всё же какая-то холодная сонность, выдуманнные красоты, часто пошлые, и мрак увядания и безнадежности. Несмотря на собственное отвращение к этому: «Ненавижу своё декадентство» (1906 г. Т. 2, М., 1955, с. 566, т. 7, с.261). То же и не принимал и в других – за “нежизненность” (Т.8, с.227, 330, 412). Видел в декадентстве “возмездие” элите за угнетение страны.

В янв. 1918: «*Скифы*» – экспрессивно-фантазийная риторика старой идеи: русские дикари защищают культуру.

Но тогда же живая и жизненная поэма «*Двенадцать*».

За гиком уличных погромов услышал народную стихию, её тревогу и отчаянную решимость, и эту “музыку души”, мечту об очистительном «мировом пожаре» передал в гике блатной частушки. Странно ли здесь сходство с интонациями Маяковского?

Чуткий поэт, волшебник метафорического восприятия, и метафоричность дает силу стиху, но – *туманность* мысли, в “понимании эпохи” (т. 7, с. 476, 118), – вместо точности. Надо ж, впереди

солдатской банды увидеть Христа. Хотя: «...И идут без имени святого / Все двенадцать вдаль, / Ко всему готовы, / Ничего не жаль».

Но уже к 1919, измученный и опустошенный, прозрел узурпацию народной воли злой диктатурой; в феврале даже арестован ЧК; от перегрузки бюрократической суетой потерял душевный покой и способность писать стихи. Впал в депрессию, но доконали его истощение, сердце, астма, отказ ЦК выпустить пленника на лечение, после чего – его протестный отказ от приема лекарств.

Гумилев Ник. Степ., 1886-1921.

Еще один тип декадента. Если красивые грёзы Бальмонта рождены скукой обеспеченного уюта, то романтика Гумилева – тоской российской неустроенности и предчувствием общей катастрофы. Отсюда в нём иногда пронзительная лирическая сила. Тем не менее, хотя болезненный домашний книжный юноша провозглашал самоценность реальной жизни, но жил не реальной жизнью, не её проблемами, а тоже поэтизацией книжных *фантазий*: культом сверхличности, звериной жестокости и силы, презрения к черни, любви, смерти и романтических путешествий, капитализма в деревне, русского национализма.

Как в детстве он играл в индейцев и конкистадоров, так потом мечтательным подростком играл в отважных путешественников, потом – в железного офицера, верного присяге, хотя был равнодушен и к императору, и к церкви. «Он выдумал себя», – верно подметил в нем Г. Иванов.

Конечно, такие люди были обречены в катастрофические времена. Он так и умер, играя в романтический героизм. С 18-го года ребячески на публику демонстрировал себя монархистом. Он ехал на расстрел, зная, что его расстреляют, описал свою гибель в пророческом стихотворении «*Рабочий*» и красиво дал чекистам себя расстрелять. Фактически это самоубийство.

Как этот его смертельный жест характерен для оранжевых цветов, далёких от сурового бытия. Сколько было тогда на Руси таких гордых искренних и нелепо красивых великовозрастных деток! Суровая революция косила их рядами, как траву. Делать это ей было так легко.

Сегодня аналогичное, только детское фантазийное расстройство Дж. Толкина в «*Средиземье*» захватило уже миллионы подобных же оранжевых деток. Тревожный симптом.

Его стихи – те же перевоплощения, только литературные.

Стихи для него – технический инструмент таких мечтаний, чеканных и красочных. Отсюда в реакции на туманность символизма и вырос его «акмеизм», хотя и с забавной претензией на вершину, цвет («акме»), подумать только! земного «естества». Да и весь гумилевский «Цех поэтов» (1911) – мастерская для изощрения в стиховой выучке, где обитали такой же чудак О. Мандельштам, С Городецкий, Ф. Сологуб, Г. Адамович, музыкант, соч. романсов М. Кузмин, А. Ахматова.

Заглядывали сюда в целом-то чуждые им Н. Клюев и С. Есенин, а иногда и почтенный мэтр проклятого здесь символизма А. Блок с его непознаваемым потусторонним, – вся петербургская литературная богема.

Кстати до 1920-го года таким упоенным мечтателем был и В. Набоков, а трезветь начал только в мученьях эмиграции.

Северянин Игорь Вас. (Лотарев), 1887- 1941. Такой же далекий от злой реальности, но только с 4-мя классами ремесленного училища и бесподобно смешными вычурными «поэзами»: пошлые, грандиозно комические восхищения «*шикарной* жизнью» ресторанов, “ананасов в шампанском”, смокингов, адюльтера, кокоток, будуаров и рысаков, которые сам-то не едал, но видал только издали – у барина.

Возглавлял «эгофутуризм»: Олимпов, Широков.

Ввел в стихи экспрессы, рельсы, фетры, аэропланы, автомобили. Неологизмы: расшвирился, обукетить лиф твой девичий, ты вся – улыбка, одиночить в комнате. К этим изобретениям Маяковский добавил только “лесенку”.

Иванов Георгий Влад. (1894-1958)

Обеспеченный юноша, ученик престижного петербургского Кадетского корпуса, включился в литературную богему. В семнадцать лет под крылом Игоря Северянина он выпускает первую претенциозную книгу стихов «*Отплыть на о. Цитеру*» (1912) встреченную похвальными рецензиями патриарха В. Брюсова и «восходящей звезды» Н. Гумилева.

Но из кадетов Жорж отчислен. Увлечся эгофутуризмом, принят в Гумилевский акмеистский круг «Цеха поэтов», где получит

стиховую выучку и общение с поэтич. знаменитостями и встретит Ирину Одоевцеву, «*маленькую поэтессу с огромным бантом*», – свою будущую жену.

Следующие сборники «*Горница*» (1914), «*Вереск*» (1916), выдержаны в акмеистической манере: ясный язык, зрительность образов, безмятежные книжные красоты и стилизованная экзотика о саксонском фарфоре, живописи рококо и т. п.

Предостережение Блока о "холоде и мраке грядущих дней" акмеистам казалось только удачно найденными строками. "Дети страшных лет России" не верили ему. "Никогда еще жизнь не казалась такой восхитительной... – свидетельствовал Г. Иванов, – нигде не дышалось так упоительно, так сладостно-тревожно, как в обреченном, блистательном Санкт-Петербурге".

В 1917 г. эта изолированность и обернулось утратой государственного сознания и просто чувства самосохранения и

Не изнемог в бою Орел Двуглавый,
А жутко, унижительно издох.

В таком настроении покидал Жора Россию в 1922 году.

Горький итог: "Был целый мир – и нет его", "Мы жили тогда на планете другой". "Другая планета", погибший "целый мир".

"Это звон бубенцов издалека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег".

В 1918 г. затаился, в 1921 г. в НЭП выпускает спец. остранные «*Сады*». В 1922 – на пароходе отплыл в Германию.

Анна Ахматова (Горенко, 1889-1966) начинала такой девочкой, тоже играющей в мечту, девочкину, но не столь талантливо...

Антипод Чехова и Блока, которые просмеивали таких барышень, как она, – вульгарная жеманная "весёлая блудница", как она себя именвала в молодости. И стихи писала под стать – надменно бездумные. Но их разговорные интонации о любовных мелочах в десятые годы имели успех среди подобной молодежи. Хотя часты и ноты уныния... Уже в 1920 гг. она была совершенно забыта – и никто о ней бы и не вспомнил, если бы ...

По беззаботности близки к акмеистам, однако весёлы и реалистичны были прозаики – "*сатириконицы*":

Тэффи, Н. А. 1872-1952 (Лохвицкая Надежда А-др). Так ск., акмеизм в прозе: анекдотическая новелла. Самые знаменитые рассказы «*Семь огней*», 1910, «*Демоническая женщина*», «*Ке фер?*» (Que faire? – Что делать?). Выставка нелепостей мелочности и бездушия обывателя и «высшего общества», контраст фантазии детей и бытовой рассудочности взрослых. Остроумно о природе глупости: «Дурак всегда серьезен...». Косноязычно, изысканно или учёно рассказывает о *пережитых* неприятностях – и они становятся анекдотами. На неё похож Зощенко, д. б., учился у неё.

Ее беззлобный юмор бытовой, не политический и даже не социальный. Должно быть, поэтому он восхищал тогда всех: и Бунина, и Николая II, и Ленина. Популярна она была так, что её псевдонимом Тэффи именовали даже конфеты.

Аверченко Арк. Тимоф., 1881-1925, Прага. Сын купца и дочери солдата. Из-за плохого зрения учился дома. Работал конторщиком.

Беззаботно искромётный. Смешил шутливым или дурашливым фантазерским утрированием описываемой истории – до абсурда, совершенно неправдоподобного. Вроде веселых баек охотников и рыбаков. Но остроты натужные, лексика часто вычурная, то высокопарная, то пошлая. Скучновато. Притворный стиль. Кривлянье. Не столько юмор, сколько озорство и веселье.

С 1916 г. перешел к обличению властей и политиков. Октябрьский переворот обличал как обман рабочего человека.

Памфлеты «*Дюжина ножей в спину революции*», Париж, 1921 – глупы. Где его бывшее озорство? Умопомрачение от злобы? Но настроения в эмиграции переданы верно.

В этой практической и духовной изолированности русской до-революционной элиты от народа мне видится причина её крушения и страданий страны.

Серьёзная проза тогда по содержанию беднеет, но эмоционально накаляется.

Амфитеатров А-др. Вал., 1862-1938 (Италия). Сын калужск. протоиерея, юрфак Моск. у-та. С 1882 г. сотруд. в журналах: прозаик, памфлетист, лит. критик – и пел в опере. Сатиры на Романовых, аресты, ссылки, изгнание, с 1905 – масон. В 1917 г. ред. газету

«Вольность», Совета союза казачьих войск – против большевиков, 23 авг. 1921 на лодке бежал с семьей в Финляндию, жил в Праге, Италии, печатался в эмиг. журн. «Новая рус. жизнь», Финляндия, «Наш мир», Берлин, «За свободу», «Меч», Варшава, «Слово», «Сегодня», Прага, «Новое время», Белград, «Время», Шанхай.

Его главное произведение – «Концы и начала», вкл. историч. романы: «Восьмидесятники», СПб, 1907, «Девятидесятники», 1911, «Закат старого века», 1910, «Дрогнувшая ночь», СПб, 1914, в эмиграции «Вчерашние предки», Рига, 1928–1931. О судьбах русского общества, его духовные кризисы, искания и коллизии, деревню теснит город, дворянскую культуру – городская, народничество – позитивизм. Реалист, но как-то пёстро и поверхностно, наспех, с упрощенной публицистикой. Всё же познавательного интереса.

Особенно познавательны его исторически конкретные «Горестные заметы, очерки Красный Петроград», Берлин, 1922.

Это предреволюционные искусство и философия претенциозны, но едва ли отличались интеллектуализмом, хотя элитарностью – точно. Тиражи их были ничтожны. Большинству даже интеллигенции они были чужды, презирались и не читались. О других народных страдах и говорить нечего.

Поэтому неверно отождествлять с ними всю поэзию конца XIX – начала XX века.

На самом деле, были *лучше* и больше читались тогда как раз те поэты, которые были ближе к реальной жизни, то есть к классической реалистической традиции реализма: А. Блок и «независимые» В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, М.А. Волошин (особенно поздние) + крестьянская поэзия (Клюев, Есенин), “пролетарская”, сатирическая...

Поэтому серебряную медаль правильнее относить не столько к декадентам, сколько к характерному образу мышления того времени в целом, к художникам разным, которые при жизни враждовали между собой, а в сознании потомков слились в некую неразделимую плеяду, формировавшую ту специфическую атмосферу борьбы реалистов и модернистов – всех мастей и течений – под всего лишь общим именем «Серебряный век».

Особо стоят авторы, которые просто презирали этот модерн, а творили серьезную правду реализма. Среди них тогда – первый

Серафимович (Попов) А-др. Сераф., 1863-1949.

Из донских казаков, сын есаула, гимназия, физмат СПб. ун-та, был в марксистском кружке вместе с А.Ульяновым, ссылка в Архангельскую губернию, близок с народовольцами.

В русле Г.Успенского, Г. Короленко, Л. Толстого и с их благословением публиковал короткие сухо-сильные рассказы о страшной жизни бедноты: поморов («*На льдине*», 1889), рабочих Приазовья, куда он был сослан: «*Маленький шахтёр*», «*Стрелочник*», «*Сцепщик*», 1891, «*Машинист*», «*На заводе*». В 1905 – о революционных событиях в Москве: «*На Пресне*», «*Похоронный марш*».

Повести: «*Город в степи*», 1906, «*Пески*», 1908, – натуралистические картины отвратительного мира наживы и притонов.

С 1918 г. в больш-ках, лит. отдел «*Известий*», в 1926-29 гг. – глав. ред. журн. «*Октябрь*», где печатался «*Тихий Дон*».

«*Железный поток*», 1924. С обычной своей сдержанной простотой рисует трагедию гражданской войны, к сожалению, во многом забытую: о жестоком восстании кубанских казаков против передела земли с иногородними и о превращении таманцев из испуганной толпы в армию.

По-моему, очень правдоподобна догадка М. Аникина о том, что не обязательно Крюков или Голоушев, а скорее всего Серафимович – настоящий автор «*Тихого Дона*», а М. Шолохов – его внебрачный сын. Всё: и его обычная суховатая сдержанность стиля при сильном реализме картин – в эпопею очень похожи.

Этим объясняются внутренние противоречия эпопеи. Как безупречный *красный* комиссар М. Шолохов может видеть гражданскую войну глазами *белых* казаков и сочувствовать им? Откуда худож-ная беспомощность и лубочность других книг Шолохова?

Чириков Евг. Ник., 1864 – 1932. Из семьи безземельного дворянина, уездного чиновника. Казанский ун-т, крайняя нужда семьи, одни сапоги на двух братьев. За участие в студенческих протестах исключен из ун-та (вместе с Лениным), выслан в Ниж. Новгород под надзор полиции. Работал счетоводом, смотрителем керосиновой лавки. Народничество, социал-демократы.

После 1905 г. о страданиях и духовном кризисе интеллигенции – *«Инвалиды»*, *«Капитуляция»*, СПб, [1909]. *«Человек с прошлым»*. Про сдачу “свободолюбивых” интеллигентов чиновной подлости и бытовой пошлости.

«На поруках». Про студента, исключенного за беспорядки. Талантливый рассказ, просто и верно, с юмором и лирикой. Только сентиментальный конец нафантазировал: будто застрелился.

Повесть *«Иностранцы»*, 1910: как студенты навестили свой уездный городок, не понимающий их, – угадывается Царевококшайск. Наблюдательно быт и нравы провинциального “культурного общества”: генеральша, купец, поп, чиновники и дамы, а в стороне – бывшие студенты, художник, акушерка без практики, социалисты, народники и марксисты.

Роман *«Жизнь Тарханова»*. Ч.1-4.190? -25. Семейная хроника трех братьев Кудашевых, революц-х интеллигентов. О любви в тургеневском ключе, но бледнее и затянуто.

В чешской эмиграции он **честнее** и **глубже** всех изобразил трагическую картину белого движения и причины его провала. Не случайна обиженность на него тогдашних русских парижан.

Вересаев Виктор Вик., 1867-1945. Сын тульского врача-поляка Смодóвича, гимназия, истфил СПб ун-та, медфак Дерптск-го ун-та.

Зеркало общественных исканий русской интеллигенции. Бессюжетно, вяло и бледно, зато умно, реалистично и честно.

«Без дороги», 1894, повесть о разочаровании в слабом народничестве и поиске смысла жизни.

«Поветрие», 1897. Увлечение той же Наташи марксизмом: «от него веет надеждой и энергией».

«Записки врача», 1900. Искренне о сомнениях и бессилии молодого врача.

«На повороте», 1902. Страдания Вари от медлительности раб. движ-я. Сам В-в сблизился с П. Струве и др. лег-ми марксистами.

«Два конца», 1899, 1903. О питерских рабочих, их семьях. Без прикрас. Тяжелые сцены и бедности, и доброй душевности, и грязи, и пьянства. До того наблюдательно и честно, что в советское время книга замалчивалась.

Пугало узнаваемое сходство жизни?

М.Горький, 1868 – 1936 (Пешков А.М.). Предреволюц-ый.

Никакой не пролетарий. Сын вполне состоятельного управляющего пароходной компании, но рано умершего. Рос у деда Каширина – офицера, разжалованного за жестокость с подчиненными. Он и отправил уличного сорванца с 11 лет «в люди».

Без профессии одинокий сирота работал в магазине, в пекарне, в порту, маляром, батраком и т. д., бродяжил – “странствовал”. Рано узнал неласковую беспросветную изнанку жизни таких обездоленных, как он, и проникся мечтой об ином мире, прекрасном. Полуграмотного босяка спасала любовь к художественной книге.

Здесь и вырос его «реализм»: жалость к погибающим несчастным бродягам, грязным и неграмотным, но в душе добрым, серьезным и талантливым, и тяжелые сцены немотивированной жестокости, жадности и глупости скучающего сытого мещанства и крестьянства. Но и душевная доброта одних и жестокость других им явно преувеличены в идеализации или очернении и поэтому вызывают не только сострадание, но и недоумение.

Д. б., отсюда его если не презрение, то сомнение в расчетливой демократии, “демократии брюха” бездуховного и фальшивого мещанства. А «свежий ветер» юный страдалец искал в бродягах-босяках да еще в интеллигенции с её грёзами революции.

Мечта люмпен-маргинала была не сладкой мечтательностью, как у декадентов, а мучительной и требовала неотложного сокрушения несправедливой тоскливой реальности и сотворения новой.

Вот откуда его сказки – отвержение существующего мира и призыв к немедленному геройству – действию: крушить - ломать с верой в свой разум и возникновение прекрасной жизни.

Этой энергетикой и поразили ранние романтические фантазии изгоя, – такие как «*Макар Чудра*», 1892, вариация по пушкинским поэмам о “вольных цыганах”: гордые красавцы Рада и Лойку Зобар погибают, отвергая неволю любви. «*Челкаш*», 1895 – прославление портового вора за свободу от мещанской - крестьянской одержимости собственностью, “скопидомством”. «*Старуха Изергиль*», 1895 – легенды о казни гордеца одиночеством и о герое Данко, жертвующего собой ради спасения людей. «*Мальва*», 1897 – его версия Кармен, распутная красавица - кокетка, ласковая и злая. «*Песня о Соколе*», 1895, – гимн “безумству храбрых” и презрение к благогра-

зумию - мудрости прагматичного ужа. «*Песня о Буревестнике*», 1901 – восторг предстоящей общественной бури, «*Легенда о Марко*», 1902 и т. п.

Вместо обычного уныния реалистов – сверкающее лето и выбитые, но сильные люди, угрожающие и жаждущие красоты. Эти его открыто не реалистичные и художественно не яркие, коряво патетичные, но вдохновенные фантазии, тем не менее, в тогдашней предреволюционной экзальтации общества возбуждали недовольных пролетариев сильнее любых партийных прокламаций.

Таковы же настроения и его квазиреалистических и бледных сочинений о Коновалове, Фоме Гордееве, молодой Железновой, Павле Власове и других ломателях проклятого мира. Внешне известных ему революционеров в повести «*Мать*» он так идеализировал, что даже Ленин попенял ему на это («Ленин о литературе». М., 1967, с. 658). А недостаток внутреннего знания заменил своей риторической патетикой, всегда не убедительной.

Воспевание люмпенов (босяков) – это было тогда так удивительно: вот где, оказывается, прекрасные люди: свободные, смелые, гордые, презирающие богатство и власти. Не то, что эти жадные трудяги-мужики. Это и произвело небывалый взрыв славы раннего Горького. Тиражи в десятки и сотни тысяч экземпляров. Первое в литературе олицетворение исходной надежды Маркса – Энгельса на “пролетариев”, которым “нечего терять”.

Этот протестный романтизм и питал его личное знакомство с большевиками. Хотя марксистом он не был: экономика, полагал, только влияет на жизнь, – и свысока полемизировал с Лениным. Особый дух коллективизма и солидарности фабрично-заводских рабочих был ему совершенно не знаком.

Поэтому и в повести «*Мать*» центральным персонажем он выбрал похожую на него самую одинокую забитую жестоким миром женщину, а само рабочее движение остаётся за кулисами, почти не видимым ни ей, ни читателю. Даже когда Егор, Софья и другие кружковцы собираются в доме Ниловны, из их речей слышны только отдельные фразы, какие можно было прочесть в любой большевистской листовке, но хотя бы их восприятие людьми не видно. Всё показано как-то со стороны. И это очень характерно: присоединение к движению самого Горького было в общих чертах таким же и с таких же исходных позиций.

Почему Г. стал популярен среди несчастных изгоев – понятно. Свидетельство одного: «Разве же мы ценили [Горького] за мастерство? Нет, его ценят за его любовь к босякам, к дну, к самым пропавшим. Это самое дорогое в нём». (*Воронский А.* За живой и мертвой водой. М., 1929, с. 30)

Но тогдашняя интеллигенция разве не чувствовала фальши в его красивых фантазиях, когда неграмотный бродяга вроде Коновалова вдруг вещал книжным языком о «движении жизни» и красоте? Д. б., чувствовала, но левые отмахивались, потому что уж очень хотелось и окрыляло желание веры, что вот, оказывается, такая “романтика” живёт в “самом народе”.

За эти мифы идеализации она и поплатилась в революцию. Да и весь народ.

Что на редкость верно у Горького, так это имитация в диалогах и монологах персонажей строя *разговорной речи*. Этим он отличался с юности, д. б., п.ч. не муштровался школой правильным фразам. У него говорят осколками предложений, не продумывая всю фразу до конца, а как придёт в голову, обрывисто и вывихнуто: то сказуемого нет, то подлежащего и т. д. Придаточные предложения написаны как отдельные. Повторения главного слова: “Одна правда только. Одна”.

Из «Лета»: « – Может – недостижимо, но жить, веруя в такой мир, – это я понимаю, брат, хорошо с этим жить-то!»

Порядок слов совсем не книжный: все определяющие слова стоят *после* определяемых: прилагательные после существительных, сказуемые после обстоятельств времени и места и т. д. Хотя часто эти инверсии в ущерб образному потоку, но автор не замечает этот ущерб. Интонации поучительные – до надоедливости.

Раздумчивость: – Н-да? Слепыми, говоришь? Я понимаю его, что ж? То-сё, как же ему не жалеть? Ведь как трудно было, да! Прогнали его, а – зачем это? Как насмешка это, право. Богат. Ох, богат... Вишь ты. Не-ет! Он не пойдет. Он-то? Хм – никогда!

Но у него на один манер говорят все без изъятия: и бродяги, и купцы, и интеллигенты. *Однообразно*. В итоге это раздражает.

В авторской речи – страсть к «басовитым» словечкам, афоризмам и к сравнениям с бытовым: с комодами, тараканами и т. п. или с чем-нибудь нелепо фантастическим. Портреты любит оживлять какой-нибудь уродливой деталью.

Неистошим на выдумки разных сцен жестокости.

Из его пьес впечатляет только *«На дне»*, 1902. Но не в чтении, где целое тонет в сумбуре отрывочных разговоров и дешевых афоризмов, так что даже напряжение злого сюжета не слышно. Она впечатляет в зрелище, в исполнении хороших актеров. Только актёрский оркестр способен донести её рыдания жалости и отчаяния.

«На дне» открывает подлинную правду о тех же возлюбленных им люмпенах. Тем что сцена отсекает авторский текст и его восхищенные описания – и здесь босяки предстают не среди яркой природы: степей, моря, гор и выдуманных “вольных цыган”, свободолюбивые герои - бунтари, в душе талантливые, добрые, смелые и благородные защитники слабых, а в их реальной и **ОБЫЧНОЙ** обстановке, их любимой “свободы” - “воли” весёлой “лёгкой жизни”: в тёмной сырой ночлежке, подле кабака и тюрьмы, под приглядом полицейского, грязные и душистые оборванцы, презираемые, отверженные и отвергающие, в затаенной тоске, матерщине, вранье, хвастовстве, издевательствах, драках, грабежах, бешеных запоях и убийствах, циничные и злые, обреченно и трагически гибнущие, – как в народе говорят, “пропащие”.

И гибнущие не только по вине окружающего общества, но ещё и по своей собственной внутренней “свободе” от любых ограничений, бунту **против** **всякого порядка** и **труда** и в бесшабашной и беззаветной заброшенности себя в любую грязь, – известной отчаянной и злой яркой удали забулдыг, очертя голову:

– А-а! Пропадать – так с музыкой! Йи-их! Всё трын-трава! – оттого оскотению - озверению, аморализму: Человек – Бог, а вне человека нет ни бога, ни идеала.

Но сам Горький как будто не замечает, что у этих несчастных уже нет никакой веры ни в какой гуманизм или хотя бы в жалость и ничего святого. Они “jenseits von gut und böse” убежденно роняют: “Волк прав”, в жизни всё идёт от корысти, “от брюха”. Но тогда зачем жить честно? Совесть хороша только у соседа. Разговоры о человеколюбии им противны и вызывают презрительную насмешку и даже ненависть, как притворство, ложь. Смерть – “дело обыкновенное”. От убийства их удерживает только страх наказания – и стоило в 1917 году освободить их от этого страха – и они показали, на что способны.

Таких несчастных подонков, сломанных и ожесточенных, даже друг к другу, к таким же несчастным, как они сами, Горький в своих скитаниях посмотрелся – послушался, надо думать, предостаточно – и невольно отражает их здесь уже без былой идеализации, потрясающе. Подходящая увертюра к ужасам XX века.

Пожалуй, это самая **сильная** его вещь; недаром в свое время она прогремела на весь мир. Но ведь она звучит опровержением романтики его ранних мифических босяков.

Что это – кризис его раннего романтизма? Замечал ли он сам свои противоречия? Не от ощущения ли этого разлада в ночлежке вскипает патетический спор о его излюбленных идеях: о жестокости мира и роли *лживой мечты*. Авторские рупоры (Сатин, актер и др.) возводят его раннюю боевую романтику в идею спасительности для человечества «сна золотого», утешительной «красивой лжи». Получается, Сатин и Лука отчасти – сам Горький, его «новая религия» человека, свободного от бедности и культа денег. По сути, вариация «богостроительства» Мережковского, Луначарского, Богданова. Пусть за красивой ложью открывается духовная пустота: без сказок Луки правда для несчастных – “обух”.

Получается двусмысленно: или свои героические революционные романтизмы Горький сознаёт «ложью»? Следовательно, надежды на таких “героев” – авантюризм? А, значит, чреватые страшным крахом?

Видимо, сам Горький был-таки **не** в силах поверить в эти собственные грозные **открытия** “*На дне*” и **не** проникся страшной правдой своих несчастных «дна» и не проецировал их ожесточение на предстоящую революцию; нет ни единой мысли, какими ужасами она обернется в его «*бурю*», в их разгуле – “празднике” да ещё маскируемая в коварство «*красивой лжи*».

Не эта ли **бездумная идеализация** привела и самого Горького к самообману? Не за неё ли он и сам на склоне лет *поплатился трагически*? Не ею ли он обольстился, когда залетел в сталинскую позолоченную западню? Где вольно и невольно был сделан апологетом одержимых насильников, мучителей и убийц своего народа.

Самим фактом собственного существования ранний Горький свидетельствовал, что в России среди скучной грязи и жестокости уже существуют такие недалёкие мечтатели, как он, и, хотя они

сами не очень верят в свои мечты, но слепы к их дальним печальным следствиям.

Эти открытия “*На дне*” опровергают преувеличения Достоевского о благотворности страдания, его проповеди и присказки “Страдать надо!” Вовсе не всегда страдание облагораживает. Конечно, беспечальность делает баловня черствым эгоистом, весело равнодушным к чужим страданиям; но и страдание за какой-то чертой на стадии отчаяния превращает человека в чудовище мучительства, и еще более сладострастно ужасное.

Даром что грубое озлобление босяков Горького сродни ожесточению революционных бесов Достоевского. Это поразительное превращение *страдальцев в злодеев* показывал весь XX век тоталитарного торжества недавних несчастных и униженных.

Остальные пьесы Горького («*Мещане*» 1901, «*Дачники*» 1904, «*Варвары*» 1905, «*Враги*» 1906), как и проза, сделаны в подражание чеховской манере «драмы настроений»: бытовые растабары и чаепития, – и эту *внешнюю* сторону стиля они легко воспроизводят, но за этим внешним начисто нет главного – внутреннего драматизма жизненного раздора и духовных движений. Остается одна скука растабар, резонерства двуногих банальных идей, социальных типов, сразу ясных: вот отжившее старое поколение, упрямое и жестокое даже бескорыстно (это у корыстных-то? но тогда ради чего?), а вот молодые, благородные и отчаянно смелые.

Очевидно, обе эти среды антагонистов: как старого “мещанства”, так и благородных революционеров, – *изнутри* Горький не знает, в их шкуре не живал. Оттого здесь и провалился.

Уже к 1908 г. критика заговорила о “конце Горького”.

Юшкевич, Сем. Сол., 1868-1927, врач.

«*Пролог*», München, 1903. Повесть о приехавших в город на заработки. Впечатляют образы темноты и слабости этих подёнщиков, вчерашних мужиков, полубосяков. Картины верны, но опять со стороны, внешне, хотя автор и старается показать Никиту изнутри, его глазами, да получается слабо и растянуто. Вроде разжиженного “Челкаша”, хотя страшного здесь несравненно больше. Из того же материала, если выжать риторику и бледные повторения, можно бы спрессовать могучую вещь.

А о выходе Никиты к свету книг и любви совсем скучно и сентиментально.

В осмыслении чувствуется социалистическая литература.

«Евреи», Псс, т.2, Пг., 1917. Очерково и риторично, не показывает в типах, в событиях и сценах, а рассказывает общо, как живут, а Нахман – только пример. Как-то наивно.

Скиталец (Петров), Степ. Гавр., 1869 – 1941.

Сын столяра и бродячего певца-гусяра. Из Самарской учит-й семинарии исключен за неблагонадежность. Сблизился с революционерами, аресты, дружил с духовно родственным ему Горьким. Бывал в кружке «Среда» Н. Д. Телешова.

Стихи чудные, в народном стиле, реалистические рассказы о горькой жизни и о замечательных встречах с Л.Толстым, Чеховым, Серафимовичем, Шаляпиным и др. тогдашними худож-ми светилами.

Выделяются повести «Огарки», 1906, об униженных народных талантах-люмпенах: певчий, механик, кузнец. + «Этапы», 1908 – о своем, “плебея“, горьком одиночестве – рози как от народа, так и среди городских интеллигентов. Они очень задели Горького, который противился её публикации, призывая подняться над личным в радости революционного пробуждения страны.

«За тюремной стеной» (Собр. соч., т.2, Пг., 1917. Переиздание). Бледно, но видно, что списано с натуры: про босяков и добродушных тюремных надзирателей. Зеки ходят из камеры в камеру свободно, как в больнице, – только томительно. В сравнение с советской тюрьмой – санаторий.

В своё время популярен, теперь забыт.

Бунин Ив. А-кс. , 1870 – 1953, Париж. До 11 лет дома в скудном имении, три года в Елецкой уездной гимназии (а квартировал у мещан), потом снова самообразование, чтение.

Вот откуда его мир, так глубоко ему известный и прочувствованный. Уже в предреволюционных рассказах – провидческое грустное прощание с невозвратным поэтическим миром ветшающих усадеб и их нынешними жалкими обитателями, – и явно их *идеализация*, а рядом – их страшный могильщик, мрак несчастной деревни, явно им *очернённой*, где он с барской брезгливостью и страхом

отторгает духовное и физическое безобразие: нищету, запуганность, несчастье, лень, похабство, пьянство, кураж, злобу, спокойное убийство, жадность, завистливость, тупость.

Его повесть «*Деревня*» (1911), рассказы «*Будни*», «*Весенний ветер*» и мн. др., видно, что написаны по личным впечатлениям от встреч с деревенскими, д. б., враждебными к “молодому барину”, и в качестве его публичной реакции на страшный 905 год. К чему прикрасы? Все-то им изображаемое мрачное, конечно, было правдой, – и тогда, и позже. Но кто довел крестьян до такого состояния? И как не быть этому одичанию в людях, задавленных фискальной общиной и малоземельем до отчаяния? Но ведь было в деревне и иное – умное и светлое, что выражают народные песни, пословицы, Клюев и Есенин.

И в этом контрфорсе света и мрака всё замерло в жутком цепающем напряжении – в ожидании напалзающей катастрофы старой сельской России, неспособной к обновляющей реформе.

Его картина деревни ужаснула читателей. Её встретили ошеломлённо и возмущенно. Но Горький сочувственно: у него самого был страх и недоумение перед жестокостью русской жизни.

Может быть, эта отвращение Бунина к деревне и привлекала в нём Сталина так, что генсек всерьёз надеялся залучить писателя в свою коммунистическую Россию? Неожиданно открывается родственность неприязни к крестьянству и – шире – к буржуазности отвергаемого барина и отверженных люмпенов.

Удивительно тонкий психолог томления и глупостей любви, часто несчастной и не спасающей от одиночества.

«*Маленький роман*», 1909, «*Последнее свидание*», 1912, «*Личарда*», 1913, «*Митина любовь*», 1924, «*Солнечный удар*», 1925, «*Дело корнета Елагина*», 1925, «*Ида*», 1925, «*Лица*», 1933, «*Темные аллеи*», 1938, «*Руся*», 1940 и мн. другие воспоминания потерянной любви. Неоцененное, упущенное и невозвратное счастье. Читать их невыносимо больно. Мучитель.

Переход их в уже эмигрантскую ностальгию.

Два противоединных чувства одушевляют Бунина – элегическое прощание со своей любовью (к родине, к своему дому и к любимой) и страх, боль и отвращение к деревне, и – шире – к несчастной России. Эта узость его мировоззрения и настроений и ведет к некоторой однотонности картин.

В стихах есть сколько-то пронзительно лиричных и безупречно прекрасных – на те же мотивы, что и его проза: *«Родине»* (Они глумятся над тобою...), 1891; *«Соловьи»*, 1892; *«За рекой дуга зазеленели...»*, 1893; *«И снилось мне, что осеней порой... что всю ночь я ходил...»*, 1893; *«В поздний час мы с нею были в поле...»*, 1901; *«Чужая»*, ≈ 1903; *«Русская весна»*, 1910; *«Одиночество»* (И ветер, и дождь, и мгла...), 1910; *«Запустение»*, *«Свет незакатный»*, 1917 (Там, в полях, на погосте...); *«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...»*, 1922 ...

В своей прозе Бунин – элегический поэт. Как и в стихах той же тематики. Но прочая часть (и, похоже, бóльшая?) его стихов подражательны, написаны по книжным впечатлениям, поэтому бывают красивы, но холодны и сухи.

Впрочем, его проза своим невидимым ритмом, паузами и вздохами сожалений и волнами синтагм, удивительно соразмерным волнам души, оттого еще и мелодичней его стихов. Разве что рифм нет. Волшебник.

Куприн А-др Ив., 1870 - 1938. Сын мелкого уездного чиновника, с шести лет в Моск. сиротском пансионе, потом – в кадетском корпусе, в 1890-94 – в армии. От казарменной тоски ушел в бедную отставку.

Сильные очерки *«Яма»*, *«Юзовский завод»*, *«Молох»*, 1896, – о жестокости тогдашнего русского капитализма.

Молодая, психологически тонкая и реалистическая повесть *«Поединок»*, 1905 г. принесла успех.

После 1905 г. обличал пошлость и предательство среди революционеров: *«Морская жизнь»*, *«Река жизни»*, *«Жадное солнце»*. О скуке будущего заорганизованного общества: *«Королевский парк»*. Хотя не против социализма как идеала.

Здоров был, как бык. С мальчишеским озорным дурачеством исследовал жизнь и нравы. Писал легко, в любой обстановке, даже где-нибудь на людях на краешке стола – и какие-то светлые, словно детские рассказы о бесхитростных и жизнелюбивых актерах, циркачах, рыбаках, бродягах. Свежо и ярко, трогательно и наблюдательно. Однако та же торопливость в газетной подённости и портила его, много шаблонных рассказиков и риторики.

А богемная среда засасывала. Пьяный сидел в кабаке с распухшим неподвижным лицом. О нем острили:

– Если истина в вине, сколько истин в Куприне?

О “вечных вопросах” человечества: «*Суламифь*», 1912, «*Черная молния*», 1913.

«*Гранатовый браслет*» – баюкающе усталая красивая мечта о великой любви в роскошных красках, поднятая над тяжёлыми реалиями жизни и мелодрамой, обозначена только лёгкими штрихами – и эта воздушность сохраняет красоту и только намекает на понятную посвященным душераздирающую боль, которая должна быть за этим случаем. Аристократы здесь слишком чопорны – как они рисуются мещанам. Эпизод с английским биографом – явное намерение оправдаться перед зоилами.

После революции, в голод и террор новой бюрократии сник. В 1919 в нем уже не осталось прежней весёлости, исхудал, притих, неуверен, даже робок. И всё же имел смелость заступиться за гимназистов, арестованных ЧК за переписку эсеровской прокламации.

Крюков Фёд. Дм., 1870 – 1920. Сын казачьего урядника, атамана. В гимназии учился вместе с Ф. Мироновым, будущим командармом 2-й конармии и А. Поповым, будущим писателем Серафимовичем. После истфила СПб у-та – учитель истории в гимназии. В 1906 г. депутат Гос. Думы. За протесты против её разгона просидел три месяца в «Крестах». Идеолог «народных социалистов». С 1914 г. на фронте в санитарях. Политический активист белого казачьего движения. Умер от тифа.

В его очерковых рассказах покоряет яркий колорит Дона: быта, пейзажей, речи, нравов; не хватает только сюжетного движения. Но, может быть, гражданская трагедия 1914-20 гг. сама собой стала ему сюжетом – и с его рукописей делан «*Тихий Дон*»? – одна из первых версий разгадки происхождения эпопеи.

Л. Андреев (Леонид Ник.), 1871-1919, Финляндия.

Сын бедного землемера, с детства бедствовал, подрабатывая, чтобы кормить мать и сестер - братьев, и всё же осилил гимназию и юрфак Моск-го у-та. Так сложилась его страдающая душа, порывистая и разуверившаяся в разуме и добре, – душа потрясающего экспрессионистского сюрреалиста.

Но его язык *выспренне истёрт и однообразен, отчего его афоризмы нелепы*, словно из Кузьмы Пруткова. Но главное – нет неба. Его рассказы начала века один мрачнее другого. Ничего светлого. Как будто реалистичны, но гнетущие нагромождения *сплошных* уродств, кошмаров и жутью смерти невероятны и раздражают явной заданностью и ложностью.

«Ангелочек», 1899, озлобленный сын чахоточного отца впервые получил в гостях подарок – воскового ангелочка, а тот возле печки к утру растаял. «Большой шлем», 1899, инфаркт выигравшего картежника. «Молчание», 1900, вернувшаяся из города молодая дочь Вера бросается под поезд, почему? – родителям неизвестно. «Жили-были», 1901, воспоминания купца перед смертью. «Кусака», 1901, озлобленная бездомная собака полюбила приласкавших её дачников, а они, уезжая, её предали. «Рассказ о Сергее Петровиче», 1902, трус в жизни, только “ступенька для других”, смел умереть. «Бездна», 1902, грязный раб сексуальных инстинктов. «Красный смех», 1904, ужасы современной войны (русско-японской).

«Тьма», 1907, высшая правда бомбиста Алексея, запуганного, холодного к чужому страданию (проститутки) и упоенного своей “чистой”, бросаемой в мерзость. Как-то истерично и фальшиво. Неуклюжее подражание «Запискам из подполья» Достоевского.

Всё нагнетание им мрака обесмысливается неверием ему читателя: не верится в существование людей без надежды в душе и без борьбы за неё и всё же живущих. Как-то несерьезно. Слишком явна ложь *одностороннего и чрезмерного* мрака. Метко Л. Толстой о нем: пугает, а не страшно. Но когда читатель не верит, нет и не может быть ни катарсиса, ни трагедии.

Видимо, Л.Н.А. просто не знает, в чью надежду в окружающей реальности он может поверить, и силится изобрести собственные суррогаты, – сверхреальные, в религии, но получают пошлые, с кощунственным Антихристом – “Иуда Искариот”, “Тьма”. Среди апостолов Иуда – единственный влюблен в Христа.

Неприятно андреевское ущербное *внеисторическое* восприятие человеческого бытия вечно и *сплошь мрачным* и единственно возможным, без происхождения, развития и иного будущего. Вот откуда, по-моему, его глубочайший *пессимизм* и *биологизация* человеческой психики с преувеличением власти *подсознания*, в кото-

ром он видит не отражение сознательной практики, а нечто потустороннее и роковое.

В этом его глубинное отличие от Гарина, Короленко, Чехова, Горького и даже от страстной протестной линии Толстого и Достоевского, даже от отчаяния Гаршина. При всей их тоске у всех них светит мечта и порой даже вера.

Своим мраком Андреев родствен декадентам. Отличие только в том, что их мрак скрыт, они прячутся от тягостной реальности в красивые грёзы и мистику, а он *открыто мазохистски упивается страданием*.

Здесь он предтеча Кафки, уже вконец изуродованного ужасами 20 века, самого страшного в истории. Пока. Хотя что будет дальше? В 21 веке? Как знать? Тревога не отпускает. Почему-то с производственным прогрессом общества в нём усиливается не только добро, но и раздоры и зло.

Должно быть, в силу этого своего биологизма Андреев и не мог принять революции, ни эсерской, ни тем более большевистской.

Революции 5 года вначале сочувствовал: рассказы «Губернатор», 1906, убийство эсером великого князя Сергея Алек-др, «Иван Иванович», 1908, трусливый околоточный в плену у строителей баррикады, пьеса «К звёздам», 1906. Даже помогал большевикам, укрывал у себя дома подпольщиков.

Но в итоге разочаровался. К большевикам проникся ненавистью за их диктаторство, хотя тогда оно было ещё в основном моральным. «Рассказ о семи повешенных», 1908.

Шмелев Ив. Серг., 1873-1950. Из патриархально-православной купеческой семьи, отец держал плотницкую артель. Юрфак Московского ун-та, потом уездный чиновник.

Прославила его повесть «Человек из ресторана», 1911. Яркая и наблюдательная, хотя контраст глумливых кутил и униженного трудяги-официанта всё-таки какой-то нарочитый.

«Иностранец», наблюдательный роман об интеллигенции. «Гражданин Уклеikin», зачем-то начинает с непонятного кошмара. «Стена», купцы и артельщики описаны верно, но внешне, души не видно.

«Росстани», 1912-14. Именины благостно переходят в поминки. Его реализм портится примитивной назидательностью.

Ремизов, А-кс Мих., 1877-1957, из купеческой семьи, физмат. Моск. ун-та, по политическим взглядам близок к эсерам. Сутулый домосед, колючий взгляд из очков.

Последствие прозванный “парижским Лесковым”.

Явил другой вид упоения фэнтэзи – колоритные легенды.

«*Пруд*» (1905, 7, 1911). Сочные меткие образы человеческих типов и быта в обрывочных эпизодах и нагромождениях зловещих уродливых ужасов, – в контре между купцами-промышленниками и святым старцем. Но все люди написаны извне, не хватает их внутренних переживаний и стремлений. Разве что в крутой момент мелькнет их впечатление. Оттого-то картинные эпизоды теряют связь и не захватывают читателя. Пусто и скучно.

Напоминает музыку Стравинского: сверкающие и неистовые визги, чарующее волшебство и наползающая жуть народных сказок, но всё такое же детски наивное и далёкое от печальной реальности.

В России не имел успеха, но в эмиграции французам эти русские ужастики понравились. А чем еще поразить?

Арцыбашев Мих. Петр., 1878 – 1927, Варшава. Сын уездного начальника полиции. Харьковская гимназия.

Рассказ «*Один день*» – о кровавом воскресенье. «*Кровавое пятно*» – о баррикадных боях». «*Революционер*».

В революции не понял ничего, кроме удивления непонятым ужасам.

Роман «*Санин*», 1907. Нет неба, засасывает быт, погружение в психику, цинизм и тоска от него – безверие и жалостливость.

Первый “сексуальный революционер”: свобода пола от церковного гнёта. Увлечен описанием похоти (вместо любви), эгоизма, убийств, казней. Неприятный физиологист.

Но обвинен только в порнографии, так это было тогда диковинно.

Роман «*Миллионы*». Страдания миллионера Мижуева: ”свои” купцы, жирные и похабные, ему противны, а заискивающим рабочим и интеллигентам от него явно ничего не надо, кроме его денег. В тоске - отчаяние.

Белый Андр. (Борис Н. Бугаев), 1880-1934.

Сын проф. математики Моск. ун-та. Рано одряхлевший лобастый чудак-истерик увлечен В. Соловьевым, А.Блоком, оккультизмом, антропософией Р. Штейнера, синтезом математики и музыки с поэзией.

Ритмизированная проза фантазийных «*Симфоний*», 1902- 8 гг. Не сюжетное движение, а повторы образов с вариациями и контрами в подражание музыкальной композиции.

Сб. «*Пепел. Книга самосожжения*», 1908. Памяти Некрасова.

... Исчезни в пространстве,
исчезни, Россия, Россия моя...

С чего вдруг? В жертву новому?

Задорный сб. стихов «*Золото в лазури*», 1904 Явил свободу свободного стиха (под Рембо), но с рифмой.

Однако фантазийные образы бог знает чего, красочно “светозарные”, не из жизни, какие-то сусальные, как известные:

Он в малиново-ярком плясал,
прославляя лазурь.
Бородою взметал
Вихрь метельно-серебряных бурь.
Гласил
Низким басом.

В небеса запустил
Ананасом.
И дугу описав,
Озаря окрестность,
Ананас ниспадал, просяив,
В неизвестность

Тем не менее, Маяковский восхищался и перенимал.

Сб. «*Символизм*», «*Луг зелёный*», 1910 (где также полемиче статьи). Отвергает антихристовую индустрию и капиталистический город. Социализм через обновление религии, без “кровавого бунта и пролетарской диктатуры”. Д. б., по Мережковскому?

Рассказ «*Серебряный голубь*», 1909. Как деревенские хлысты похищают отдыхающего дачника, чтобы принести его в жертву.

Осторожная критика сектантских надежд Мережковского?

«*Петербург*», 1914. Неряшливая чепуха и надоедливое ерничество. Из перепевов русской классики строит фантазийный миф, сатиру на барственно прекрасный, но обреченный город сановников и террористов-революционеров. Скука. И недоумение перед доверчивостью простаков, подозревающих за этими видениями комнатного мальчика глубокие чудеса.

«*На перевале*», 1918 о кризисе культуры и Европы.

«*Москва под ударом*», М, 1926 (Ч. 2-я романа «*Москва*»).

Картины и сцены старой Москвы, тысячи раз описанные, но теперь вымученно корявым “новоязыком”: «...сверкнул сверкунами Кузнецкий, Тверская; Никольская сбавила свету; замерли все переулочки... Позвонился. В окне дозатор вскочил, примыкая к стеклу старобабым своим подбородком; взял лампу: пошел отворять...»

Да еще какой-то детективный шпион «фон Мандро».
Несерьёзно. Смешно даже. Точно пародии Ильфа и Петрова.

Сургучев Илья Дм., 1881 – 1956. Сын крестьянина – мелкого промышленника в Ставрополе. Духовная семинария, ун-т.

Реалистические рассказы. Внутренний эмоциональный драматизм. Похож на Куприна, но как-то площе. Повесть *«Торговый дом»*, 1912. Повесть *«Губернатор»*, 1912. Горькое сознание старым генералом духовного крушения империи.

«Осенние скрипки», 1915 – пьеса для МХТа. Успех.

«Реки вавилонские», 1922, Прага. Барак врангелевских беженцев – пародия на *«На дне»*. Тоже сборище несчастных “бывших”: чиновники, архиереи, проф-ра, купцы. Бодрятся в ностальгии и благодущии. *«Эмигрантские рассказы»*, 1927.

Зайцев Бор. Конст., 1881-1972. Дворянин, балованный сын директора завода. Много институтов и университетов бросил.

Уже в ранних рассказах внимание к тонким состояниям души – за что слыл начинателем русской “импрессионистской прозы”.

Идиллические перепевы Чехова.

Его самая крупная повесть *«Аграфена»*, 1908 – видно влияние ещё Л. Андреева и Ф. Сологуба. Ничего своего значительного.

Как видим, реалистические авторы были тогда в большинстве.

Не только эти, но и многие другие, разные по яркости и успеху, писали в духе Чехова, Л. Андреева, Е. Чирикова, с такой же приверженностью теме страданий, в особенности трудовой интеллигенции, мировоззренчески близкие к народникам и эсерам.

К примеру, такие, как **Елпатьевский** С. Я., 1854- 1933, сельский врач; **Тимковский** Ник. Ив., 1863-1922, толстовец: *«Место»*, *«Жалованье»*, *«Травля»*, *«Среди людей»*; **Телешов** Н.Д., 1867 - 1957, из купцов, известный своим лит-ым кружком и др.

Картины реалистов часто существенно противоречили марксистским социологическим схемам.

Так, Н.Д. **Телешов** («По Сибири»), врач С.С. **Юшкевич**, («Пролог») и **Муйжель** Викт. Вас., 1880-1924 («Пока»), В. **Шмелев** («Распад», «Стень», 1912-14) также как и В.**Вересаев** (повесть «*Два конца*») и А. **Куприн** («*Молох*») показали, какова реальность *присочиненного* Лениным русского «*пролетариата*», даже фабрично-заводского. На самом деле, в большинстве это были всего лишь сельские отходники - чернорабочие: грузчики, землекопы, строители, шахтеры. По своему полукрестьянскому положению отличались детской наивностью, долготерпением, неграмотностью и неорганизованностью, но доведенные до крайности, как встарь Пугачевы, взрывались страшным бунтом, с озверением.

Противоречия этих авторов ущербному большевизму, тогда только складывающемуся, как раз свидетельствует об их **реализме**, – которым они и интересны.

Но официозные советские «веды» за эту правду их не жаловали, иных зачисляли в *буржуазию* или клеймили феодальным словным термином – “*мещане*” (по существу, просто незнатные **горожане**: ремесленники, лавочники, конторщики, учителя, врачи и др. трудовая интеллигенция), а из реалистов переименовывали в «*натуралистов*». Будто Чехов не такой же.

И всё же достижения реализма русских классиков обычно, увы, преувеличивают.

При всём своем гуманизме тогдашний Толстой и Чехов в своих произведениях избегали углубляться в жизнь люмпенов, мало им знакомой. Тогда как многие другие реалисты искушались гуманистической темой и часто с сочувствием рисовали «дно»: Юшкевич («*Наши сестры*»), Елпатьевский («*Жиганы*»), Телешов («*Жулик*»), Куприн («*Яма*»), Чириков («*Марька из ям*»), «*Танино счастье*», «*Именинница*» и часто срывались в фальшивую слезливость и выпренность. Хотя обнаруживали в босяках не горьковское вольнолюбие, а косность и озлобление.

На крестьян, пожалуй, **все** старые реалисты показать глубоко **не** могли. Даже И.Тургенев, Л. Толстой, А.Чехов и И. Бунин.

Они видели крестьян только внешне и со стороны. Многое, конечно, замечали верно: их талантливость или поразительную разобщенность и забитость, но плохо их *понимали*, поэтому увязали в

избыточной бытописи и преувеличивали темноту и косность, мазили почти одним чёрным.

Что же получается? Оказывается, что до стихов Н.Клюева – С.Есенина и прозы А.С. Неверова, В.А.Смирнова («Открытие мира») и Ф.А. Абрамова достоверных крестьян русская литература не знала. Да и эти зеркала крестьян – уже *выходцы* из крестьян, то есть уже *иные*. Разве что Кольцов или Никитин? Да они же не совсем крестьяне. И это так мало.

Но тогда, получается, русская классика не знала *большинства* народа. У него не было собственного голоса. Народ описывали, исследовали, “постигали” – “понимали”, за него решали, что он хочет, как он мыслит, в чем его счастье и как ему для счастья надо жить; но его *самого* не слышали. Так повелось исстари. Народ крестили, просвещали, пропагандировали, призывали и т.д., а если он брыкался и «вёл себя неправильно», то заскорюзлого недоросля казнили, вразумляли и поучали.

Так по-барски и большевики относились к своему возлюбленному «*пролетариату*», не говоря уж о прочих стратах. Зачем партийным вождям собственное мнение рабочих? «Тонкий слой» вождей всё лучше понимает.

Таков общий тон предгрозового времени, – мрачный и дурманящий. Как же ослабла когда-то могучая струя трезвого анализа мира, исканий пути и изготровки к преобразованиям – себя и общества, – то, что воодушевляло классика.

А ведь перед бурей именно эта аналитическая струя была особенно **необходима**. Плохо знали и понимали, что происходило в глубине народа. Только в Париже стали догадываться о своей самообманной слепоте. И как жестока была расплата за неё.

Здесь, в исторической пропасти межстратого раскола народа видится начало нашей национальной трагедии 20 века.

Проза серебряной эмиграции

Первая волна эмиграции ~ более **двухсот (!)** литераторов (~ на 2 млн. русской диаспоры). Похоже, бежало большинство тогдашних именитых и знаменитостей и неизвестное множество, вероятно, еще больше сотен только начинающих молодых, мало известных или вовсе без имени.

Даже в 1927 г. Д. С. Мережковский величал рус. эмиграцию “мыслью и совестью отошедшей от неё России, суд над нею настоящей и пророчество о ней будущей”. Высокое предназначение.

А каков же итог зарубежья? Что они создали?

В альтернативе: родина или свобода, – они обрели за рубежом великое преимущество – свободу для откровенного творчества, но и великую потерю – родины, а это не только невозможность возвращения и муки ностальгии, часто утрата семьи, нужда или прямая нищета, отчаяние, необходимость вживаться в чуждую среду, идти в чернорабочие или таксисты, но главное – утрата родного быта и живого языка, массового читателя. Чужая страна, как признавался Ремизов (с.383), для них – «пустыня», где ничего не происходит, писать не о чем. Выживание на чужбине, среди людей чуждых и потому часто непонятных естественно ведёт к творческой гибели.

Пробиться пыталось десятка три - четыре молодых, главным образом – в стихах. А в прозе и того меньше.

Практически никто из младшего поколения писателей не мог заработать на жизнь литературным трудом: даже Газданов стал чернорабочим; Кнут, сын молдавского бакалейщика, развозил товары на велосипеде и держал с семьёй кофейню; многие перебивались грошовыми приработками.

Неудивительно, что главный мотив эмиграции – *ностальгия* по утраченной родине и, как естественно в таких случаях, – её *поэтизация*. Таковы тогда большинство их произведений:

Ив. Бунин, рассказы «*Сосед*», «*Митина любовь*», 1924, «*Мордовский сарафан*», «*Солнечный удар*», «*Дело корнета Елагина*», «*Ида*», 1925, роман «*Жизнь Арсеньева*», 1930, «*Лица*», 1933, Нобелевская премия 1933 г., «*Темные аллеи*», 1938, «*Руся*», 1940, «*В одной знакомой улице*», 1944 и мн. другие воспоминания любви и родины. Неоцененное, упущенное и невозвратное счастье.

А. Куприн, «*Новые повести и рассказы*» (1927), «*Елань*» (1929). Грусть о поэтизированном быте и милых мелочах былой русской жизни и её простых и благородных людях.

Роман «*Юнкера*», 1933 отличает автобиографическая точность, но и невольная поэтизация жизни юнкерского училища и старой Москвы.

Но истощение памяти повергло его в 1930-е годы в тяжкий творческий и душевный кризис и толкнуло в мае 1937 г. на возвращение, уже смертельно больного, в Советский Союз.

Сфабрикованы ли его тогдашние «покаянные» и разоблачительные статьи или подлинны?

Шмелёв Ив. С., «*Лето господне*». Живописует ярко, сочно, верно, но какие-то пустяки. Скучно. Или невольно идеализирует прекрасные души тогдашних рус. обывателей, хотя раньше-то, в 1905-14 г., писал без прикрас, печально, близко к А. Чехову и Л. Андрееву. Как в рассказе «*Человеке из ресторана*», 1910, – о трагедии официанта.

Кто из этих прекраснотушных предвидел, какой трагедией обернется их прекраснотушие в грядущей схватке с маргиналами?

Ремизов А. М. «*В розовом блеске*», 1922-1952, N.Y. - О прекрасной жертвенной жизни его жены Ольги других курсисток России, болезненных и горячих идеалисток.

А. Н. Толстой «*Детство Никиты*», 1922.

К. Бальмонт «*Под новым серпом*», 1923.

Таково и множество прямых **воспоминаний**: [Цветаева](#) («Мой Пушкин»), [Тэффи](#) (1931), [Шаяпин](#), [Мережковский](#), [З. Гиппиус](#) «*Живые лица*» и др.

Хотя часто мемуары замаскированы, идут от «третьего лица», в форме чьей-то «вымышленной автобиографии».

Зайцев Бор. Конст., *«Путешествие Глеба. Роман, хроника, поэма»*. Тетралогия: Ч.1. *«Заря»* – о детстве. Ч.4. *«Древо жизни»*, N.Y., 1953.

Имя дерева взято как символ вечного обновления и сохранения. Жгучая ностальгия. События то на чужбине – об эмигрантах, не понимающих и чужих чужбине, то в советской России, которую автор уже совсем не знает: советский московский быт пишет старым, каким он был до 1922 г. На могилу расстрелянного врача на панихиду знакомый «парень – комсомолец привез сноп овса, как раз была жатва» (с.163). [Ну и ну. Это когда за несколько колосков, подобранных голодным детям, мать отправляли в концлагерь. Так оторваться от реальности. Фантазер. Как такое читать?]

Лирическое умиротворенное прекраснодушие: для него революция и террор – от Бога, возмездие за прежние грехи, беззаботность и несправедность. Нужно покаяние и смирение. «Бесхитростные люди» спасут Россию. Голубино-кроличья блаженная дурь. Действительно, заяц.]

Выделялся демократич-й Евг. **Чириков**: эмигрантская часть его эпопеи *«Жизнь Тарханова»*, 1911-25, *«Отчий дом»*, 1929-31. Это уже *не* идеализация, а поиск корней революц-го озверения.

Но, как и у других, главным образом в 19 веке – в цинизме народовольцев и больш-ков. А там откуда?

Многих отчаявшихся утешала надежда на воскресение родины религией: И.С. **Шмелев** (*«Лето Господне»*, *«Богомолье»*), Б. **Зайцев** (в том же *«Путешествии Глеба»*, *«Преподобный Сергей Радонежский»*), **Мережковский** *«Иисус Неизвестный»*, **Мать Мария** (*«Жатва духа»* - жития святых, беспредельная любовь к человеку, вплоть до готовности принять на себя чужие грехи).

Но собственная жизнь *самой* первой эмиграции в её литературе долгое время отражалась скудно. Разве что повесть Куприна *«Колесо времени»*, 1929.

Только юмор, ироническая сатира Тэффи, А.Т. Аверченко, Дон Аминадо, Саши Черного.

У **Тэффи** ранние зарубежные сборники: «*Так жили*» (1921) – печально о мещанском прошлом, безнадега чужбины, «*Рысь*» (1923), «*Вечерний день*» (1924), «*Городок*» (1927) и др.

Сатирическое изображение пошлости эмигрантских будней: жалкие и нелепые попытки скрыть бедность, трагикомическая абсурдность потуг на европейский размах. Сочетание сарказма и сентиментальности. Их с удовольствием перепечатавали даже в Советской России большевики: так-то вам, баре!

«*Passiflora*» (1923). Контраст земного и вечного. Видно усиление религиозных настроений: земное бытие – мираж и подготовка к иной жизни, вечной.

«*Воспоминания*» (1931). Фантасмагорический путь русских беженцев. Включает и себя: уехала, потому что не в силах была переступить на мостовой через струйки крови, текущие от здания ЧК и «устала от злобных харь». Но причин трагедии, конечно, не видит.

Поздние сборники: «*О нежности*» (1938), «*Все о любви*» (1946), «*Земная радуга*» (1952) и др. Убеждение в радости жизни. Даже в изгнании и в старости сохранила-таки свою отрезвляющую веселость.

Аверченко Арк. Тимоф., 1881-1925, Прага.

Памфлеты «*Дюжина ножей в спину революции*», Париж, 1921 – обозлены до глупости. Умопомрачение от злобы? Где его бывшее озорство? Но эмигрантский быт и настроения переданы верно.

Или собственные исповедания в восприятии иноземности, как у Куприна в повести «*Колесо времени*», 1929 и «*Жанетте*». Здесь воскресает типичный дореволюционный Куприн, но теперь в эмиграции, душа в напряжении переломов. Тонкие наблюдения различий между женским, мужским и национальным в восприятии мира. Прославление любви и раздумья о причинах гибели её одухотворенности и целомудрия.

Но такие сочинения редки. Это и понятно: трудно глубоко писать о чужой стране, естественно, иностранцу мало понятной.

Берберова Нина Ник. 1901-93, жена Ходасевича до 1932 г. «*Последние и первые*». «*Роман из эмигрантской жизни*». «*Курсив мой*», 1972, где удивила резкими оценками известных эмигрантов.

И поэзия их – о том же: приютившая чужбина предстает мачехой, а избавлением от её холода видится смерть. Безнадёжно жалобные исповеди более молодых, начинающих литераторов – так наз. «*парижская нота*» и в стихах **И. Кнорринг** «*Стихи о себе*», **Д. Кнут**, 1900-55, «*Парижские ночи*», **Ник. Оцуп**, 1894-1959 «*В дыму*», **Б. Поплавский**, стихи «*Флаги*», роман «*Аполлон Безобразов*», «*Домой с небес*», **Присманова** «*Тень и тело*», Смоленский «*Наедине*», Штейгер, Анат. Серг. 1907-44, «*Эта жизнь*», «*Дважды два – четыре*», Червинская А. «*Приближение*»,

Не говоря о скандальном Агееве, чей «*Роман с кокаином*» был популярен в унылой среде, склонной к наркомании и суициду. И др.

Хотя зарождалась и заграничная бытовая проза:

Одоевцев «*Ангел смерти*», «*Изольда*», «*Зеркало*».

На этом печальном фоне выигрывает **проза молодых**, начинающих литераторов В. Набокова и Г. Газданова, завоевавших со временем славу, один – мировую, а другой – общеевропейскую.

И оба они выводят замкнутых одиночек-эгоистов, может быть, неудачников, но по крайней мере не пошлых оранжерейных слюнтяев, а стойких бойцов в жизни.

Набоков Влад. Влад. (1899, СПб – 1977, Лозанна)

Его дед был царский сенатор и министр, но отец – уже проф., юрист, англоман, антимоноархист и кадет.

С 1919 г. В.В. в эмиграции. Воспитанный гражданином мира, он сравнительно легко вошел в новую среду, учился в Кембридже, а с 1940 г. в США перешел в творчестве на английский язык.

Со старо барским неверием в моральные учительские притязания русской литературы он, исходя из приоритета экзистенциального и эстетического, толкует её как словесное искусство феноменом не идей, а всего лишь языка, хитроумную бесполезную игру и плетение приемов. Но такая эстетика – должно быть, вызов кадетско - эсерскому интеллигентскому поучительству, из протеста, для эпатажа.

В ранних поэтических сборниках *«Гроздь»*, 1923, *«Горный путь»* запечатлена его память о России. И что же там? Пленительные пейзажи, безмятежность – и всё. Подлинной страны он не знал. Его утерянный рай – это не Россия, а идиллия баловня.

Его ранняя русскоязычная проза, построенная в форме «игры в автобиографию», – своеобразный метароман об исключительном герое, интеллигенте, свободном от внешней жизни и противом окружающим. Но и сам автор разыгрывал из себя брезгливого и капризного эстета и сноба, презирающего и рус-ю грязь и вонь, и «общественные интересы», и эмигрантов. Из убеждения в их обреченности он никогда не даёт счастливых концов. И даже месяцу на небе находит неприятное сравнение – с обрезком ногтя.

И презрение Набокова к русской эмигрантской интеллигенции не лишено оснований – сродни большевистскому презрению к безвольным бездеятельным мечтателям и болтунам, всяким Зайцевым, проповедникам гнилого смирения, из-за которых Россия не смогла противостоять захватчикам - узурпаторам и погибла.

«Машенька» (1926) – самый русский роман Набокова. Пансион эмигрантов представлен сатирически с реминисценциями старой России и её литературы. Сама его теснота и статичность быта оттеняют духовную истощенность эмигрантского мира, словно иллюзорного.

Сухой, недобрый одиночка Ганин разрывается между двух времен, без конца перескакивая из унылого настоящего в милое прошлое, очищаемое воображением, – в ожидание возвращения Машеньки – символа его юности, России и любви. А в финале его якобы неординарность вдруг разоблачается: его бегством от встре-

чи – из слабости, эгоизма и боязни потерять хотя бы мечтательные воспоминания о мире, увы, невозвратном.

Какая тоска!

Но это сильное сочинение, пожалуй, всё же лучшее у Набокова. На нём ему и кончить бы своё писательство. Лучшего у него никогда не получилось.

«*Защита Лужина*» (1930). Такой же герой под другим именем и занятием, – попытка техницистской вариации конфликта романтического героя и толпы. И вышло скучно надуманно.

Лужин манифестирован двойным: гений в шахматах, но изгой в обыденности. Агрессия шахматных образов по всему тексту призвана демонстрировать одержимость его гениальности, но искусственно преувеличена: контраст черного и белого повсеместен, – так, будто он уже не различает других цветов; персонажи уподобляются шахматным фигурам и их ролям – опциям ходов; и вся жизнь выставляется серией запутанных шахматных ходов и т. п. Даже сама композиция романа строится в подобие шахматной партии (обратный мат). Столь же навязчиво обыгрывание многозначности слова «игра»: в шахматы, в куклы, актерская, внутренняя ложь, подыгрывание окружающим, исполнение музыки, поединок с силами судьбы и т.д. Это безжизненно скучно и только обнажает пустоту его несчастного существования, одинокого и беспочвенного, где жизнь подменяют сочетания бирюлек.

А к чему то же «переключение времен» было – будет, до неуловимости настоящего? Словно его и нет. Должно быть, потому что «настоящего настоящего» у Лужина и в самом деле нет. Не из этой ли комбинаторики выводится мотив какой-то мистической предопределенности? Будто слово властвует над человеком и его имя определяет его судьбу. Как повесть Лужина - старшего. И такая же якобы «загадочная» открытость финала. Столь же фаталистична прозрачная двузначность заглавия: гениальная шахматная композиция в качестве защиты личности от мира толпы из кукол.

Какая тоска! Несчастный Набоков. Ему хочется посочувствовать, но если б он сам был человечней для сочувствия.

И это мистико-техническое умничанье превозносят? Неужели не царапает его скучная ущербность?

С конца 1920-х его «Подвиг», «Соглядатай», «Отчаяние» вообще отворачиваются от солнечного мира во тьму и затхлость. Похож и следующий роман «Камера обскура», 1931.

«Дар», 1933 – 1935. Здесь падший аристократ сводит счеты с русской классической литературой – главной героиней романа.

Всё построено на снобистской антитезе вдохновенного гения и посредственности и критике сознания русского интеллигента, впитавшего богатство мировой культуры, но терзаемого разочарованием в ней. Будто в этом дело. Какое узкое понимание. Круги сюжета призваны нагнетать это ощущение разрушения гармонии.

Набоковская барская неприязнь к бедняцкому вкусу Некрасова и Чернышевского и общая брезгливость к разночинцам естественны. И что говорить? Недостаточность образования и воспитания этих предтечей большевиков очевидны, их неряшливость, безалаберность, дурные манеры, неуклюжесть, упрощенный материализм и глухота к высокой поэзии, грубость, суконный язык и, как следствие, сумасбродные социальные и научные проекты и апология нравственного цинизма в политике.

Но далёкий от более народа: горькой бедности и забитости крепостных, солдатчины, барского и чиновного произвола и отчаяния угнетенных, Набоков не мог чувствовать их идеалов, – разночинцев: культа труда и пользы, равенства и конечной свободы, – и их жертвенности ради них. Вроде бы и знает о них, но они проходят мимо его сердца, зато его раздражает их ненависть к барам, – и в своей душевной глухоте к достоинствам и в раздражении пороками маргиналов он доходит до карикатуры на них. Даже не в силах сдержать радости всяким “возмездиям судьбы”, которые обрушиваются на борцов.

Да и в гоголевской «Шинели» его увлекает загадочная бессвязность и нелепость фантазий Башмачкина, но не волнует его трагедия унижения, хотя, разумеется, он стократно слышал о ней.

Не странно, что как литературный критик Набоков оказывается ничтожен. Его придирки к стилистическим, психологическим и описательным промахам в русской классике часто точны; но на *таком* основании вообще пренебрежительно отрицать одних авторов и превозносить других? Всего лишь за какую-нибудь неудачную или удачную метафору? Этот произвол вкусовщины кажется просто невероятным. Если не замечать здесь классовости вкуса.

«*Приглашение на казнь*» (1938). Роман построен в обычных жанровых канонах антиутопии: традиционный конфликт личности и диктаторского государства, и сюрреалистический мир, предстающий то ли маскарадом, то ли игрой, то ли бредом, – в иронии, пародии, гротеске и прочих красках Достоевского, Замятина и Кафки, а ограниченность его времени и пространства – знаками небытия.

Так существование теряет смысл: красота и любовь выхолены, дар бесполезен, а смерть – метаморфоза и раскрытие этой гибели реальности. Какой мрак! Что это? Протест против тоталитаризма? – Да. Но где здесь «блистательные герои-победители, торжествующие в самых убогих и в самых сложных и драматичных обстоятельствах», – как толкуют Набокова иные его восхвалители? Они разве что стоически противостоят им. И то, конечно, немало.

И здесь у нашего ученика Пруста, Джойса, Д. Лойренса, Кафки тоже нет ни страстей, ни действий. Один «*поток сознания*», нагромождение из яви и грёз, настоящего и прошлого, настроений и порывов, и, пожалуй, самое противное – убедительно реалистичных. Сознатель почти не действует, но с ним что-то происходит, обычно неприятное, – основание для подробных описаний тошных комнат и вещей, иногда по декадентски ярких, но чаще безжизненно многословных и скучных. Бесцельно и вяло мир плывет перед его глазами, как видение, а соглядатай – вне его и чужой ему, не включен, не участник, а посторонний, отчего и мир бессмыслен и только неприятен. Тягомотина пустоты.

В 1940 году из воюющей Европы Набоков бежал в США.

В «англоязычный» период он занялся преподаванием и благи-ми переводами русской классики. Но в сочинительстве продолжал старое, прежние мотивы на американском быте. Публикует много нитья – унылых книг, не имевших ни малейшего успеха и в стране практиков обреченных на провал: *«Истинная жизнь Себастьяна Найта»*, *«Под знаком незаконнорожденных»*, *«Пнин»*, *«Бледное пламя»*, *«Ада, или Страсть. Семейная хроника»*, *«Прозрачные вещи»*, *«Посмотри на арлекинов»* и другие. *«Король, дама, валет»* и др. Кому в штатах было охота такое читать? И кто теперь у нас их читает? Разве что соблазнятся на рассказы сб. *«Весна в Фиальте»*?

В конце концов, должно быть, отчаявшись, из подвернувшегося под руку своего старого парижского рассказа *«Волшебник»* (об отчаянии одиночества) Набоков ради хотя бы коммерческого успеха, пусть недолгого и скандального, вместо мирового шедевра расчетливо состряпал мировой бестселлер – *«Лолита»*, 1955, на чём творить и кончил, наконец-то.

Как у него обычно, композиция повествования необычно перевернута: на тюремную исповедь героя изначально ложится мрачное знание о его скорой смерти. Здесь уже нет никакой антиномии героя и толпы. Набросанная, как попало, небрежная и томительно длинная повесть о тусклом прозябании рядовой пустой души. Скучно до зевоты. Хотя местами брезгливая сатира на самодовольное западное мещанство и психология его девиата просвечивают очень талантливо. Даже с пониманием несчастного, мучительно ползущего в ночи своего одиночества и кошмара и обезумевшего в неодолимо зверином сладострастии к своему миру, девичке-нимфоманке. Автор явно пытается даже его оправдать. А жестокость аномального к своему двойнику - сопернику являет всю силу его отвращения и ненависти к самому себе.

И вокруг такой пустышки столько шумихи? Едва ли не по всему миру? Должно быть, благодаря скандальности описываемого порока. Славу ему создал высокоморальный ужас рецензентов.

При всей истинности романа в нем уже нет никакого ни поэтического, ни трагического дара, хотя мудрственники усматрива-

ют в этой коммерческой бульварной пошлятине судьбы роковые и даже, господа, «трагедию современного человека». Впрочем, это неожиданно и верно, если под “современным человеком” подразумевать пустое мещанство. Мещанская трагедия.

Бедный Набоков, он всю жизнь оставался иностранцем - соглядатаем и томился заключенным в своём затхлом узком мирке. Всюду – и в России, и в зарубежье. На родине его изолировала барская оранжерея, а на чужбине было уже поздно и вдвойне трудно вживаться в глубь чужих реалий. И только в конце удалось.

Не диво, что материально устроившись, в 1960 г. он уехал в Швейцарию. Здесь между ловлей бабочек написал книгу мемуаров «*Другие берега*», где еще раз подтвердил, как далеки были от жизни страны такие высокомерные баловни, как он. Это надо же, в 1917-18-ом годах не замечать никакой революции. Только красоты дачного лета, зимнего Петербурга и своей Тамары.

Не в этом ли одна из причин крушения в России демократической революции? Жаль слепцов, но поделом же им досталось. Вот народ-то пострадал пострашнее и не без вины “элиты”, господствующих верхов, равнодушно беспечных. Пожалуй, это самая главная правда о русской революции, показанная здесь умолчанием её автором, и никем не сказанная. Похоже, даже не замеченная.

Впрочем, скорей всего и эти Набоковские «мемуары» – очередная стилизованная выдумка мифологизатора. Выросший в мертвящих апартаментах, уже с гимназии замкнутый одиночка, этот позёр просто прикидывался совсем не знающим никакой настоящей России. Видел и знал, но так, будто не видел, потому что видел равнодушно. В этом и есть страшная правда его «берегов».

Говорят, в 1972 г. его выдвигали на Нобелевскую премию?

Своей печальной судьбой и почти целиком неудачным творчеством Набоков подтвердил давно известную истину, как тосклива и отчаянна жизнь одинокая и внеобщественная. Пусть самая благополучная, но без родины, без родных, без друзей и без любви, без детей и семьи, без любимого дела, труда, нужного людям, без коллег – товарищей по делу. Сколько бы несчастный не корчил высо-

комерное презрение ко всем этим человеческим радостям. В них смысл человеческой жизни. А мудрствуют в поиске “смысла жизни” как раз те *беспочвенники*, чья “экзистенция” его лишена.

Его пример – другим наука. Или пример асоциальной позы его и его героев? Ведь сам-то он писал как-никак для людей. Но именно такие типажи. Разве что этой поучительной моралью его творчество и полезно людям. Позитивный негатив.

А что же смысл жизни и развития человечества? Вот это второй вопрос и, в самом деле, грандиозная проблема, – и я не вижу, когда она будет удовлетворительно решена. Должно быть, потому что люди не способны удовлетвориться полностью и окончательно? Но возможно, это и хорошо? Или в этом их беда?

Западные и русские декаденты вообразили, что “*поток сознания*” + (подсознания) передаст саму правду жизни, но, исключив отличие человеческого сознания – разум, получили *неправду*: неосмысленные и бессвязные отрывки – сумбурные эпизоды. Впрочем, здесь есть и правда – одиноких и несчастных, для которых жизнь утратила смысл и распалась. Только таким распавшимся такая проза и привлекательна, остальным – скука.

Газданов Гайто (Георгий) Ив, 1903, СПб – 1971, Мюнхен.

Худенький, быстрый, глаза весёлые, из семьи всего лишь лесничего. В Полтаве 1912-18 г. кадетский корпус, потом в Харькове гимназия, откуда в 16 лет сбежал добровольцем – рядовым на бронепоезд Врангеля и вынужден был эмигрировать.

Несравнимо ближе к трудягам. В 1922 г. окончил гимназию; дальше – самообразование, чтение русской и мировой классики и философии, учеба в Сорбонне, – не смотря на трудную жизнь мойщика паровозов, портового грузчика, заводского слесаря, чернорабочего, зимой 1925-26 г. даже жил на улице. Более 20 лет подрабатывал ночным таксистом, даже став известным писателем. Это обогатило его знанием людей разных социальных типов.

В своих первых романах «*Вечер у Клэр*», «*Ночные дороги*», отчасти даже в «*Призраке Александра Вольфа*» Газданов дал свое-

образный поворот традиционной в эмигрантской литературе темы ностальгии по утраченному – пассивному отчаянию он противопоставил героический стоицизм.

В 1926 г. литературный дебют, участие в литературных конкурсах. Ранние рассказы выразили его боль от безумности и низости реальности в сравнении с романтическим идеалом. В энергичном ритме явно влияние Пильняка и Бабея.

Позже перенятым от Пруста «медитативным» стилем «магического реализма» силится гипнотизировать читателя, но только наводит скуку, отбивая охоту читать.

«*Вечер у Клэр*» (1929-30) – его первый и самый серьёзный социально значимый роман.

Повествование от лица рассказчика, в форме его исповеди, но дополняемой разным восприятием тех же событий другими лицами. В экзистенциалистской бесфабульности, без завязки, без интриги и четкого сюжета. Принципиальный отказ от всякого членения текста. Композиция – «*поток сознания*», подвижного духовным поиском и случаем, с неожиданными скачками и связью настоящего и прошлого и с такой же парадоксальной развязкой.

Начинает почти с конца, с парижской встречи эмигранта с девушкой, с детства обожаемой, но тут же по-прустовски уходит в воспоминания, «транспутешествие» в прошлое. Без иллюзий предстают нравы трущоб и богемы, страшные ситуации, проверки на прочность, то жестокие сцены встреч с человеческой падалью, как будто сухо, и все же с кокетливом, то бунинская романтическая лирика, то гоголевские реальные фантазии, то явно автобиографические картины гражданской войны и эмиграции. И всюду раздвоенность героя, его безверие и отстранение от чуждого мира.

«*Ночные дороги*» (1941). Автобиографическое. В жанре путевых заметок, мозаичные зарисовки и переживания абсурда «страшного мира» ночного Парижа.

В 1942 году участвует в движении Сопротивления.

«*Призрак Александра Вольфа*» (1947).

От лица русского журналиста (Имени нет). Его тягостные воспоминания о застреленном им в гражданку целившимся в него всаднике. Но австриец, оказывается, выжил. Журналист читает его воспоминания того боя, случайно встретился с ним, и, спасая от него свою возлюбленную, всё же застреливает.

Тоже детективный сюжет, но искусственный, сделан под идею фаталистской предрешенности. Частый в Средневековье ход. Одиночество, эмоциональное омертвление и поиск душевного воскресения в любви, но ненадолго. Нагнетает тоску и отчаяние, жалеешь его, но не веришь в его обобщение.

«Возвращение Будды», 1949.

Воспоминания от лица загадочно умершего и обрыв их без завершения. Студента подозревают в убийстве разбогатевшего нищего (Щербакова), поскольку тот завещал ему свое состояние.

Бытовая сюрреалистическая фантазмагория, изложенная с внешним бесстрашием и напускной таинственностью. Какая-то скучная игра.

Бессмысленность слова «смысл», релятивистское неверие в истину: «Все правы, и белые, и красные, и зеленые». И он честен. В самом деле, они не понимают, почему и зачем живут.

Должно быть, его «Пилигримы» (1954), «Пробуждение» (1965), «Эвелина и ее друзья» (1969) такие же. Неохота даже заглядывать.

В 1953-1971 гг. журналист и литредактор на радио «Свобода».

Увы, ни Набоков, особенно с Америки, ни Газданов – это уже не русские писатели. Ни по темам, ни по миросознанию современного бытия родины, ни по персонажам, ни даже по языку. Русского происхождения – да, с *остатками* русской души – да, но оторванные от *родной почвы*, они просто не могли быть русскими. Закон природы.

Отражение главного события – русской революции

Из эмигрантских прозаиков в обходе этой центральной темы века можно упрекнуть разве одного Набокова, хотя косвенно как раз он, сам не понимая, сказал о ней больше и глубже всех.

Но у других есть известные публикации:

Прежде всего это дневниковые заметки «*Окаянные дни*» И.А. Бунина и «*Черная книжка. Серый блокнот*» (о 1918) З. Н. Гиппиус, «*Очерки*» П.Н. Краснова, «*Петроград*» А. В. Амфитеатрова.

Но все же это не цельные художественные осмысления жизни, а **публицистика** или очерки, или даже дневниковые заметки.

Каков даже в Бунине контраст между пронзительным образным виденьем революции: злорадная разнузданность черни, – и хилым её осмыслением: всего лишь защита «синайских заповедей» России.

Не для объяснения ли или оправдания этой бедности в русской эмиграции так много говорилось об «умирании искусства», «кризисе романа», когда автор теряет способность к вымыслу, заменяя худож-ое произведение документом? Не потому ли сегодня эти сочинения фигурируют в одних библиографических списках с *документами* и записками о гражданской войне Арсеньева, Врангеля, Деникина, Дроздовского. Конечно, документы мастеров слова намного выразительней и образней мемуаров, но ведь и у исторических деятелей они нередко очень яркие, как, к примеру, у Г. Венуса.

Мемуары белых предводителей поражают одним и тем же: я был хорош, но вот условия плохи: всего нехватка, народ не понимает и не поддерживает, а больш-ки коварны и жестоки. И ведь все пишут честно: так и было. Но из этой правды явно одно: они ничего не понимали. Ни почему нехватка, ни почему народ не поддерживает, и что они должны были сделать, что обрести недостающее и поддержку.

Почему ни одна из этих публикаций не поднимается до новой и цельной художественной мысли о русском катаклизме?

Хотя иные из них исполнены такими сильными личными впечатлениями, что звучат как обвинительные свидетельства: «*Шес-*

тое Чувство», «Купол Святого Исаакия Далматского» А.И. Куприна, «Про одну старуху», «На пеньках», «Поле Куликово», «Каменный век», «Солнце мертвых» И. С. Шмелева, «Взвихренная Русь» А. М. Ремизова.

Шмелев Ив. С. «Как это было», 1919. «Чужая кровь», 1918-23. О гражд-й войне.

«*Солнце мертвых*», 1923. Автобиографическое, но сдержанное элегическое повествование: среди бесстрастной красоты, ослепительного солнца и кипарисов Крыма ужасы гражданской бойни, массовый «красный террор», расстрел больного сына писателя, голод, нищие, грабежи, убийства, всеобщее озверение, истощение чувств и душевных сил людей.

Это рассказ, воспоминания, размышления, лирический «плач о России» и стремление постичь смысл этого ада – и никакого понимания. Потрясённый Т. Манн назвал его «кошмарным, окутанным в поэтический блеск документом эпохи». Но всё же «документом».

Ремизов А-кс. Мих. «*Взвихренная Русь*» (1918-27). Роман? Скорее, очерковая хроника, обрывочные мимолётные образы. Слабый сюжет теряется в побочных линиях и бытовых мелочах, возводимых в эпические символы. Мешанина дневника, воспоминаний, рассказов, легенд, летописи, лирического плача, молитвы, анекдотов. Должно быть, этот сумбур призван быть композиционным проявлением драматического распада жизни, но скорее, как в «Пруде», проявляет *распад понимания* происходящего. Разве что только заготовки - сырьё для иного произведения, выношенного.

Мать Мария. «*Равнина русская* (Хроника наших дней)» (Кузьмина Е., Издана под псевдонимом Ю. Данилов) (1924). Автобиографический роман поэтессы о революции и гражданской войне. Что там? Такое же? Надо почитать.

Осоргин М. А. (Ильин, 1878-1942) «*Сивцев Вражек*», 1928. Роман о жизни интеллигенции Москвы перед войной и в годы войны и революции. Скучновато. По-обывательски сидят в углу, на

отшибе от решающих событий, и ворчат. Да и что ждать от высокомерного дворянина-юриста и эсера, а потом – масона?

Лучшее отображение революции дали другие:

Чириков Евг. «*Опущенная душа*», повесть, 1922. «*Зверь из бездны*». Поэма страшных лет, 1923, «*Записки беженок*» 1926, рассказы «*Красный паяц*», 1928.

По-моему, это лучшее *изображение* рус. провинциальной интеллигенции и гражданской войны. И реализм, и психологическая подлинность, и критичность как к красным, так и к белым. Притом к своим, к белым, писатель даже требовательней, строже, рисуя картины их морального разложения, – за что те парижане его не чествовали. А стоило бы благодарить. Апокалипсический хаос, вседозволенность, страх и массовое озверение – разрушение человеческой души между двух террористических диктатур. И для обеих сторон нет граждан, а только смиренные или строптивые.

В народе большевиков ещё не знали и страх перед «возвратом бар» был сильнее. Это и давало перевес красным.

Куприн А-др Ив. (1870 – 1938, Ленинград)

«*Купол святого Исаакия Далматского*» (1928). Воспоминания и документы о вступлении в Гатчину частей Юденича – «Северо-Западной армии» осенью 1919, а потом её отступлении. Прекрасна психологическая глубина и точность наблюдений и вместе с тем выразительность. Душа человека «на переломе» истории и собственной жизни. Неведение красноармейцами происходящего и голодная «летаргия» населения. Революция предстает бессознательной стихией, разрушающей нравственность, в контрасте её романтического идеала и «сладоастрания насилия».

Возвращение памяти к событиям войны и революции 1914 – 1918 гг., к тогдашним переменам своих настроений и политических симпатий: мечты о демократической и сильной России, попытки сотрудничества с Горьковским издательством «Всемирная литература» и хлопоты с проектом народной газеты «Земля»; унылое «измельчания» жизни в Петрограде, споры с большевиками, угасание веры в демократию, даже арестован ЧК, голод в Гатчине, вынужденное сотрудничество в белой газете «Принеvский край» и бегство с родины.

Думы о перспективах и вечности. Какое-то приделанное утешение надеждой на будущее воскресение в России покоя, разума и красоты жизни, а церковный купол в солнечном свете – её символ.

Гуль, Роман Бор. (1896 - 1989). *Ледяной поход*. Тоже добросовестное, но только очерковое отчетное воспоминание.

Публицист, мемуарист, с 1920 – сменовеховец.

Цельное художественное постижение революции десятилетиями вынашивал Алданов. Что же получилось?

Алданов (Ландау) Марк: А-др., 1876-1957

Сын богатого сахарозаводчика. Киевский ун-т, масон. Но, уехав в марте 1919 г. с делегацией эсеров в Париж, гражданки почти не видел.

Начал с философской *публицистики* о войне и революции: «**Армагеддон**» (Пг., 1917-18), «**Ленин**» (1919), «**Две революции**» (1920).

Потом повернулся к тетралогии исторических романов о *французской* революции, Наполеоне и т.д., что, конечно, перекликалось с современностью и позволяло мыслить также и о ней: – историософская рефлексия на материале прошлого, возможности их памяти, понимания их мифов, нравственности, смысла и бессмысленности, расхожих понятий прогресса, революции, гуманизма и т.д. Этому служит свободная форма романа: смешение прозы, поэзии, драмы, публицистики, размышлений.

Оригинальный сюжет увлекателен: так сказать, *интеллектуальный детектив* – загадка и движение мысли, показаны на судьбе заурядного молодого человека, личность которого формируется в жестокое время, в ироническом отстранении автора, в снижающих деталях, безобразии смерти и т.д.

И только после этой подготовки Алданов, наконец, отважился на трилогию о современной России. Так её было ему трудно осмыслить художественно.

«**Ключ**» (1929). Мрачный сюжет об антибольшевистском заговоре 1918 г., замкнутость героя на себе, обреченность.

«**Бегство**» (1932). О бегстве после провала заговора,

«*Пещера*» (т.1, 2, 1934- 6) – об эмигрантском замыкании в своем настоящем и прошлом.

Его полотна – поразительно верный образ восприятия исторических событий теми, кому они непонятны. Исторический пессимизм: будто бы непредсказуемость [?] революции, словно грандиозного театрального спектакля: всеобщее лицедейство на пороге гибели, случай, роковая обреченность страны и беззащитность людей перед поворотами истории, вина и беда.

Стремление понять личность революционера и непонимание. Подмечает в нём только догматизм цели, откуда здравый вывод: интеллектуальная свобода – высшая обязанность интеллигенции. Но природа этого догматизма ему непонятна.

Публицистика «*Начало конца*» (1939), в связи с началом гражданской войны в Испании – крах эмигр-х надежд.

«*Истоки*» (1945): об истоках катастрофы в России. Тоже видит их в настроениях второй половины 19 века.

«*Самобуйство*» (1956). О Ленине. Начало (приезд Рихтера в Брюссель на съезд) – хорошо, пронизательно и вдумчиво: презрительный прищур, издевательские прозвища, искры бешенства в зрачках, но к нужным людям вдруг чарующе мил.

Но дальше подаёт свою лениниану через пустую болтовню окружающих, и ничего, кроме историкам известного. Скука.

Почему у белых писателей не оказывается понимания русской революции, её настроений и мотивов? Только ужасаются да негодуют. И всё исключительно с той стороны, какой она обернулась для них. Откуда тут было взяться открытию **раздорной глубины** народной трагедии?

А не потому ли белые потерпели военное поражение, что не чувствовали и не понимали происходящего? А оттого ничего не предвидели. Хотя после пронизательности Достоевского должны бы знать о бесовщине стихийной погромщины и большевизма.

Их поражение было прежде политическое, даже духовное, а поэтому и потом уже военное. Не могли привлечь на свою сторону колеблющееся большинство: крестьян, рабочих, даже интеллиген-

цию и офицеров. Ведь половина её была с красными, пусть подневольно.

Есть сильные *обличения* жестокости красных – И. Шмелев и обличение безидеальности и жестокости белых – Е. Чиликов и эмигрантский А.Голстой. Но где художественное *понимание* современности? Разве что невольное и не замечаемое ими самими объяснение – своим непониманием современности.

Тем более где *вдохновение* новой зовущей идеей?

У эмигрантов-прозаиков первой волны – не оказывается никакого *художественного открытия*, необходимого и востребованного родиной. Пустыня. Одни ностальгические мемуары да очерковые или лирические зарисовки увиденных кусков гражданской войны, да страдания чужбины. Как ни горько, но допуская немногие осторожные исключения, приходится итожить кратко и грубо: творилось нытьё да молитвы, – и больше почти ничего.

Почему? Уж не потому же, что сотни признанных талантов враз лишились своего таланта? Остается одно: причина бесплодия их литературы – в утрате ею своего русского мира и русского читателя.

Да и что значительного могло родиться без родной почвы? В свое время даже Гоголь в прекрасном далеке Рима опустел.

Где-то к середине века классическая русская литература на Западе угасла естественной смертью. Эмигрантская литература была талантлива и красива душой и отточенной старинной стилистикой, но среди чужого общества каждый из них был одинок и оторван от народа и не понимал ни чужбины, ни происшедшего с родиной. Она жила одной памятью об уже не существующем и невозвратном. Поэтому она печально угасала, всё так же прекрасная, но бесплодная, как Антеи, обессиленные в отрыве от почвы.

И *послевоенная* эмиграция её не воскресила, потому что это были уже *иные* люди иного опыта, оттого иная литература.

Среди её писателей – Ирина Одоевцева, Иван Елагин, Ник. Нароков, Ник. Моршен, Ю. Иваск, Б. Нарциссов, В. Сенкевич, С. Максимов, В. Марков, Б. Ширяев, Л. Ржевский, В. Юрасов и др.

Между прозаиками первой и второй волн явна отчужденность. Новые литераторы они уже не видели в родине «утраченный рай». Почти у всех за плечами был страшный опыт жизни в тоталитарной стране, пережитые репрессии: аресты, заключения и лагеря, ссылки или жизнь на полулегальном положении. Даже в эмиграции они чувствовали «руку Москвы» и многие из них прятались под псевдонимами.

Отсюда они принесли с собой новые темы: сталинские лагеря, невиданная по своей жестокости вторая мировая война, мучительный выбор между коммунистической властью и врагами России, немецкий плен. Показательны их «идеологические романы»: «Мнимые величины» Н. Нарокова, «Предатель» Р. Редлиха, «Кресты и перекрестки» Б. Филиппова, «Две строчки времени» Л. Ржевского, – развенчание идеологии и практики тоталитарного насилия и утверждение философии свободы. Тем более лагерная проза: «Соловецкие острова» Г. Андреева, «Соловецкие фактории» М. Розанова, «Неугасимая лампада» Б. Ширяева.

Нароков (Марченко) Ник. Влад. 1887-1969, инженер, в 1918 в Казани вступил в белую армию, в 1942 г. из оккупированного Киева эмигрировал в Германию.

«Мнимые величины», США, 1982. Роман о сталинском времени. Образ циника-чекиста, упоённого сведением людей к нулю.

Ширяев Б.Н. (1887-1959, Италия). Из помещиков, Московский и Геттингентский ун-ты. Монархист, в 1914 – штабс-капитан.

И никакие аресты и лагеря ошалевшего не могли переделать, только закоренили. В 1942 - 43 гг. на Ставрополье, издавая газету, сотрудничал с Вермахтом, потом – в РОА Власова.

Поэты эмиграции

"Мы жили тогда на планете другой..."

Среди поэтов, чье творчество сложилось ещё в России, уехали И. Бунин, Саша Черный, К.Бальмонт, Вяч. Иванов. Д. Бурлюк, И. Северянин, З. Гиппиус, Дон-Аминадо...

Бунин, Иван Алексеевич 1870-1953

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой! 25 июня 1922

* * *

В полночный час я встану и взгляну
На бледную высокую луну,
И на залив под нею, и на горы,
Мерцающие снегом вдалеке...
Внизу вода чуть блещет на песке,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океан...

Познал я, как ничтожно и не ново
Пустое человеческое слово,
Познал надежд и радостей обман,
Тщету любви и терпкую разлуку
С последними, немногими, кто мил,
Кто близостью своею облегчил
Ненужную для мира боль и муку,
И эти одинокие часы
Безмолвного полуночного бденья,
Презрения к земле и отчужденья
От всей земной бессмысленной красоты. 1922

Саша Чёрный (Ал-др Мих. Гликберг) (1880-1932)

Тех, кто страдает гордо и угрюмо,
Не видим мы на наших площадях:
Задавлены случайною работой,

Таятся по мансардам и молчат...
Не спекулируют, не пишут манифестов,
Не прокурорствуют с партийной высоты
И из своей больной любви к России
Не делают профессии лихой...
Их мало? Что ж... Но только ими рдеют
Последние огни родной мечты.
Я узнаю их на спектаклях русских
И у витрин с рядами русских книг -
По строгому, холодному обличью,
По сдержанной печали жутких глаз...
В Америке, в Каире и в Берлине
Они одни и те же: боль и стыд.
Они - Россия. Остальное - плесень:
Валюта, декламация и ложь,
Развязная, заносчивая наглость,
Удобный символ безразличных - "наплевать",
Помойка сплетен, купля и продажа.
Построчная истерика тоски
И два десятка эмигрантских анекдотов... Между 1920 и 1923

Северянин, Игорь Вас. (Лотарев) (1887-1941)

Без нас

От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...

Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена всё ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь!

И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст. Март 1936

Но старые декаденты из гнезда Брюсова – Гумилева в зарубежье скоро обнаружили свою книжную декоративную безжизненность, лишились своего привилегированного тепличного читателя и угасли. Их лепта в поэзию зарубежья была незначительной. Иссякли с отрезвлением своих оранжерейных читателей.

В Париже старшие поэты уступили первенство молодым, на родине только начинавшим – В. Ходасевичу, Г. Адамовичу, Г. Иванову, М. Цветаевой, Б. Поплавскому, А. Штейгеру.

Ходасевич (1886, Москва – 1939, Париж), Владислав Фелициан-ч. Непомерно худой, длинный и болезненный.

2-го ноября 1917

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь - и, обессилев, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. Так, переждав ненастье,
На задний двор, к широкой луже, крысы
Опасливой выходят вереницей
И прочь бегут, когда вблизи на камень
Последняя спадает с крыши капля...
К полудню стали собираться кучки.
Глазели на пробоины в домах,
На сбитые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользнувших пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лавок. Проволок обрывки висли
Над улицами. Битое стекло

Хрустело под ногами. Желтым оком
Ноябрьское негреющее солнце
Смотрело вниз, на постаревших женщин
И на мужчин небритых. И не кровью,
Но горькой желчью пахло это утро.
А между тем уж из конца в конец,
От Пресненской заставы до Рогожской
И с Балчуга в Лефортово, брели,
Теснясь на тротуарах, люди. Шли проведать
Родных, знакомых, близких: живы ль, нет ли?
Иные узелки несли подмышкой.

.
Дома я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни "Моцарт и Сальери", ни "Цыганы"
В тот день моей не уголили жажды.
20 мая - 1 июня 1918

С 1918 работал в театральном отделе Наркомпроса и вел занятия в лит-ой студии Пролеткульта, тяжело переживая разрушения культуры и разочарование в своих надеждах на просвещение пролетарских писателей русской классикой. В 1922 г. выехал с Н. Берберовой за границу для поправки здоровья, да там и остался. В Берлине часто жил у Горького. С 1925 – в Париже.

Обвинен в сотрудничестве с белогвардейцами, хотя он сторонился пошлого эмигрантского большинства, да и французов, и, не находя дружеского товарищества, жил в одиночестве и неприкаянности. Дружил разве что с Набоковым.

В эмиграции издал свои вершинные сб-ки *«Тяжелая лира»*, 1922 и *«Европейская ночь»* (1927), исполненные классической строгости и верности стиха и проникнутые трагическим ощущением гнетущего абсурда времени. Первоклассные стихи. Зримые картины в скольжении света и тени, холода и мрачной обыденности. Чехов в стихах, но без его света надежды и юмора. Печальный реализм. Однако будто сугубо личный. А гибель гуманизма – трагедия общества его гнетет, но непонятная и неотвратимая, а потому отчужденная, как землетрясение.

С 1928 г. поэтическое вдохновение редко. Д. б., не хотел повторения? Перешел на публицистику, литературные рецензии и обзоры зарубежной и советской литературы. Сотни статей и рецензий (в газете «Возрождение»). Холодно, наблюдательно, точно.

Разочарован в пророческом предназначении поэта («Памятник», 1928). В искусстве видел только спасение от вечной ночи, в писательстве – смирение со своим социальным бессилием, но высокое духовное призвание, требующее высокой поэтической культуры, профессионализма и строгости – дисциплины. Звал молодых авторов к наследованию достижений классиков.

Стал признанным наставником молодых поэтов из группы - журнала «Перекресток»: Г. Раевский, И. Голенищев-Кутузов, Ю. Терапиано, Ю. Мандельштам, В. Смоленский, К. Халафов, Е. Таубер, Д. Кнут.

Ранее написанные некрологи собрал в единый цикл «Некрополь» (1939) как свидетельство и реквием по утраченной русской культуре великой эпохи. Но работу над книгой о Пушкине не завершил – из-за «журналистской поденщины».

Адамович Георгий Виктор, 1892, Москва – 1972, Ницца

Поэт, эссеист, литературный критик, переводчик. Трогательно искренне: «Когда мы в Россию вернёмся...»

Когда мы в Россию вернемся... о Гамлет восточный, когда?
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредем...
Больница. Когда мы в Россию... колышется счастье в бреду,
Как будто "Коль славен" играют в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле
Колышится тонкие свечи в морозном и спящем Кремле.
Когда мы... довольно, довольно. Он болен, измучен и наг
Над нами трехцветным позором полощется нищенский флаг.
И слишком здесь пахнет эфиром, и душно и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернемся... Но снегом её замело.
Пора собираться. Светает. Пора бы и трогаться в путь.
Две медных монеты на веки. Скрещенные руки на грудь.

1921

Что там было? Ширь закатов блеклых,
Золоченых шпилей лёгкий взлёт,
Ледяные розаны на стеклах,
Лед на улицах и в душах лёд.

Разговоры будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Тысяча пройдет, не повторится,
Не вернется это никогда.
На земле была одна столица,
Все другое - просто города.

За всё, за всё спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь “влачим существование”....

Но по-настоящему прекрасных стихов за границей создал мало, большинство – бледные халтурки. В лирике дневника одиночество, беспомощность, безверие, полусон, невнятное бормотание в подобие потока сознания, эмоц-я сдержанность.

Но как учитель молодежи выпускал программные сборники «*На Западе*» (1939), «*Единство*» (1967), сб-к литературной критики «*Одиночество и свобода*» (1955), известную книгу блестящих эссе «*Комментарии*» (1967). Требования к поэзии высокие до богоподобия, но лирически туманные.

Иванов, Георгий Влад. (1894-1958)

Даже за рубежом, счастьем обеспеченный, он не сразу осознал грозный холод предостережений Блока. И его мемуары «*Петербургские зимы*» (1928), верно отражая беспечную предреволюционную атмосферу богемы и аристократии, теперь среди несчастных парижских изгнанников вызвали скандал, хотя дали ему статус первого поэта старшей эмиграции.

«*Закат над Петербургом*», «*Розы*» (1931) еще занимает пошлая философия – банальности: мир – только смена образов, казалось, незыблемых, а на деле недолговечных. Превращает в поэзию заурядные вещи.

Но со временем катастрофа достала и его и разбудила от снов былой дури. Сюрреалистическая бессмыслица. «*Распад атома*» (1938). (“Поэма в прозе”) – натуралистические картины попойных уродств, разложения и безнадежности.

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.

Хорошо, что бога нет.
Только желтая заря,

Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,

Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может...
Что никто нам не поможет...
И не надо помогать.
1930.

После войны сб. *«Портрет без сходства»*, 1950, – халтура, обрывочная риторическая публицистика.

А через несколько месяцев после смерти Иванова в Нью-Йорке вышла самая большая его книга: «1943–1958. *Стихи*». Мучительная боль старого мечтателя в мирской пустоте и уродстве. Прекрасные строки о России «Я тебя не вспоминаю».

Я тебя не вспоминаю,
Для чего мне вспоминать?
Это только то, что знаю,
Только то, что можно знать.
Край земли. Полоска дыма
Тянет в небо не спеша.
Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа...

...Если я скажу, что знаю,
Ты согласишься. Я солгу.
Я тебя не вспоминаю,
Не хочу и не могу.
Но люблю тебя, как прежде,
Может быть, еще нежней,
Бессердечней, безнадежней
В пустоте, в тумане дней.

Прозаически дневниковая лирика страшного, уже надоевшего отчаяния, нигилизма и разъедающей иронии, в одиночестве и бессилии понять историю – мистические прозрения. «Думаю о Боге», но не верю, а нателный крест ношу, как револьвер в кармане. Здесь та же горечь, но – в утешение – «красивая»:

Туман. Тамань... Пустыня внемлет Богу.
Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Экзистенциалистский цикл *«Посмертный дневник»* (1958) тягостен: тоска по родине и молодости и по чему-то несбывшемуся. Грязь вперемешку с нежностью, тихое, таинственное, немеркнувшее сияние грусти, переходящей в издевательство, а надо всем этим – ужас человеческой жизни и полной ее бессмыслицы.

Несмелов, Арсений Ив. (Митропольский) (1889 – 1945)

Принадлежит тоже к старшим, но совсем иной, участник первой мировой и гражданской войн.

С 1924 г. самый ярко романтический поэт русского Харбина. Сюжетные лиро-эпическим: «*Стихи*» (1921), «*Уступы*» (1924), «*Кровавый отблеск*» (1929), «*Без России*» (1931), «*Через океан*» (1934), «*Полустанок*» (1938), «*Белая флотилия*» (1942).

Певец белого движения, как отверженных и обреченных, но мужественных героев, даже поэтизация “Царственного Мученика”, горькой судьбы русской диаспоры, неизбежной утраты ею духовного единства и равнодушия будущих поколений к печальной гибели предков. Символические образы затонувшей субмарины, размытого водами поселения, пустого ледяного неба. Религиозные мотивы: вина, страшный суд и страдания.

В 1945 г. арестован советскими войсками, репатриирован и погиб в пересыльной тюрьме близ Владивостока.

Мать Мария, (1891, Рига – 1945) Поэтесса.

(Кузьмина-Караваева Елизав. Юрьевна, урож. Пилипенко).

С 1919 г. в эмиграции, в религиозно-философском кружке Н. Бердяева, религ-й публицист, с 1932 г. монашка, учеба в Православном богословском институте (у о. С. Булгакова), руководство организацией «Православное дело», центром социальной помощи в Париже: создание общежитий, мастерских, санатория для туберкулезных, церкви (собственноручная роспись стен и стекол, вышивка панно гладью).

Её «*Стихи*» (1937) – продолжение религиозной деятельности. Материнская любовь ко всему миру, огонь – символ самопожертвования. Несовершенство и греховность мира и человека; упреки богу за «дурно созданный мир»; признание собственного ничтожества и вины. Поиск святости в простых и бесхитростных поступках, подвижничество. Аскетизм стиха. Главная идея: с Богом не страшны грядущие мучения и смерть.

В 1943 арест за укрывательство евреев и гибель в концлагере.

Цветаева Мар. Ив., 1894-1941, дочь унив-го проф. филол. и дир. Музея из. иск.. Стихи с 6 лет на рус., фр., немецком. Гимназия + нем. пансионаты + Сорбонна.

Милая хрупкая женщина сломана страш-и катаклизмами XX в.

Первый сб. “*Вечер. альбом*” - 1910 сблизил ей с символистами. Но несчастья и голод гражд-ой войны несколько отрезвили и по-

вернули к реальности. Тем не менее, поэма «*Лебединый стан*» с сочувствием белым ещё абстрактна, как и её другие «монументальные» поэмы, сочиненные с 1922 г. в эмиграции в Чехии, а затем в Париже, где она душой оставалась в России: *Царь-девица*, *Поэма Горы*, *Поэма Конца*, *Поэма воздуха*, *Крысолов*, *Лестница*, *Новогоднее*, *Попытка комнаты*. Но воодушевляет их не столько реальность, сколько фольклорные полёты фантазии.

Но некоторые стихи, навеянные повседневностью, прекрасны. Но как же она была далека от реальности, как притом горда этой отрешенностью и как за свою наивность поплатилась.

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно -
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что - мой,
Как госпиталь или казарма.
* * * * *
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я - до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,

Оставшееся от аллеи,
Мне все - равны, мне всё - равно,
И, может быть, всего равнее -
Роднее бывшее - всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты - как рукой сняло:
Душа, родившаяся - где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей - поперек!
Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне
пуст,
И всё - равно, и всё - едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина ...
1934

Оцуп, Ник. Авд., 1894-1959. В 1918 у Горького в изд. «Всемирной лит.», после расстрела Гумилева в 1922 уехал в Берлин, потом в Париж. В стихах довлеет рассудок.

* * * * *
...Человек, случайно не убитый,
То есть каждый современник наш...
* * * * *

Не говорите о поэзии,
Как говорят о пустяках,
Она приходит как возмездие,
Она отчаянье и страх.

Сойдя с ума от одиночества,
Застонешь – муза тут как тут.
Поэзия – сестра пророчества,
Она при жизни вечный суд.

Раевский (брат Оцупа), Георг. Авд., 1898-1963. Учился в Ц-с. лицее и в Германии, поклонник Пушкина, Гёте и Тютчева.

Глубоко горькую нераздельность добра и зла: «Ты думаешь, в твоё жилище...»:

Ты думаешь: в твоё жилище
Судьба клюкой не постучит?..
И что тебе до этой нищей,
Что там на улице стоит!
Но грозной круговой порукой
Мы связаны, и не дано

Одним томиться смертной мукой,
Другим пить радости вино.
Мы - те, кто падает и стонет,
И те, чьё нынче торжество;
Мы - тот корабль, который тонет,
И тот, что потопил его.

Божнев Борис Бор. 1898-1969. Сын уч-ля лит-ры, с 1920 в Париже, богема. Сб. «*Борьба за суц-е*», 1925. Эпатаж «низкими темами» и языком. И в след-х сб. – *игра*: то поэтизмы, то цинизмы. Несерьезен.

По кладбищу хожу веселый,
С улыбкой светлой на губах,
Смотря как быстро новоселы
Устроились в своих гробах.
На кладбище всегда веселье -
Ко всем, кто бесприютно жил,
Пришел на праздник новоселья
Живущий выше старожил.

1925

* * *

Как утомлённый почтальон,
Идущий в тихом переулке,
Как церемонный котильон,
Звнящий в дедовской шкатулке.

Как солнечный пушистый снег,
Ногами загрязнённый очень,
Как лошади усталый бег,
Когда ей путь не укорочен.

Как женщина среди детей,
Не захотевшая ребёнка,
Как радостнее всех вестей
С любимым волосом грёбёнка.

Как холодеющий тюфяк
Под неокоченевшим телом,

Как одинокий холостяк
В публичном доме оголтелом.

Как разорвавшийся носок,
Заштопанный неторопливо,
Как юноша, что невысок,
И девушка, что некрасива.

Как проволочные венки
На торопливом катафалке,
Как телефонные звонки
И в чёрной трубке голос жалкий.

Как улыбающийся врач,
Болеющий неизлечимо,
Как утешение – не плачь,
Когда печаль необлегчима.

Как ангел Александр Блок,
Задумчиво смотрящий с неба,

Как полумёртвый голубок,
Мечтающий о крошках хлеба...
* * *

Вл. Набоков, 1899-1977

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Всё реже, реже влажный звон;
кой-где светлеет небосклон;
отходят тучи грозовые,
жемчужным краем бороздя
просветы пышно-голубые,
и падают лучи косые
сквозь золотую сеть дождя. 1918
Что нужно сердцу моему,
чтоб быть счастливым? Так немного...
Люблю зверей, деревья, Бога,
и в полдень луч, и в полночь тьму.
И на краю небытия
скажу: где были огорченья?
Я пел, а если плакал я –
так лишь слезами восхищенья... 1919

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, -
вот-вот сейчас пальнёт в меня!-

я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснётся тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг!

* * *

Кнут, Довид, 1900-55, сын бакалейщика, поэт, в 1920 из Молдавии переехал в Париж. («Парижские ночи»)

Смоленский А-кс. А-кс. (1901, Луганск – 1961, Париж). Поэт. Неприятие жестокости гражданской войны и гибели старой России. В 1920 г. уходит за рубеж с армией Врангеля.

Сборники «Закат», 1931, «Наедине», 1938, «Собрание стихотворений», 1957, «Стихи», 1963. В трагедии родины видит свою личную трагедию. Публицистика по сталинской теме. Отчаяние и обреченность, терзания между религиозной верой и богоборчеством.

Поплавский Бор. Юл., 1903-35, с 1919 г. эмиграция, единственный професс-льный (≡ нищий) литератор среди «лит-рной молодежи», символ «незамеченного поколения». Умер от наркотиков.

От рус. символизма перешел к философии и мистике теософии и сюрреализма. 1928 год – первые публикации. Единственный прижизненный сборник – «Флаги» (1931); посмертно опубликованы «Снежный час» (1936), «В венке из воска» (1938), «Дирижабль неизвестного направления» (1965). «Белое сияние»:

В серый день у железной дороги
Низкорослые ветви висят.

Души мёртвых стоят на пороге,
Время медленно падает в сад.

Где-то слышен на низкой плотине
Шум минут, разлетевшихся в прах.

Солнце низко купается в тине,
Жизнь деревьев грустит на горах.

Осень. В белом сиянии неба
Всё молчит, всё устало, всё ждёт.

Только птица вздыхает без дела

В синих ветках с туманных высот.

Шум воды голоса заглушает,
Наклоняется берег к воде.

Замирает душа, отдыхает,
Забывает сама о себе.

Здесь привольнее думать уроду,
Здесь не видят, в мученьях, его.

Возвращается сердце в природу
И не хочет судить никого.

* * *

Видны перепевы Блока, Рембо, Аполлинера, Бодлера. Как и они, осмысливает поэзию воплощением духовного опыта, следовательно, реальностью и документом. Отожествляет факты культуры и жизни, поэзию и правду.

Но жизни для него – бесконечное монотонное прозябание, карнавал вседневных мучений и бесплодный поиск веры и возвращения домой, к человеческой жалости и любви, а в смерти – освобождение от этого холода бытия. Его отчаяние так безмерно, что от практического окружения и тем более от политических тем он вообще отворачивается, ища рождение поэзии из философии, живописи и музыки, то есть не из жизни, естественно, у

него получается какой-то абстрактный сюрреалистической туман, «антиномий ужаса и надежды, любви и равнодушия».

Сложные и туманные образы плывут, определенность разрушается невозможными оксиморонами красивого и безобразного и намеренной «неточностью» «небрежного» стиля.

Роман «Аполлон Безобразов» (1926 – 1932) – смешение эпоса и лирики, вымысла и исповеди, яви и сна, внутренних чудовищ демонической бездны в человеке.

«Домой с небес» (1934 – 1935) – автобиографическое повествование, поиск спасения от одиночества в любви. Не закончено. Загадка гибели несчастного разгадывается этим сумасшествием.

Кнорринг, Ирина Ник. 1906-43, дочь известного русского педагога, писателя и музыканта, профессора истории Н.Н. Кнорринга, из потомственных дворян, поволжских немцев, принявших православие. Детство и отрочество в Харькове. Там же ее первые стихи. С 11 лет вела дневник – издано два тома.

В 1919 семья бежала с Добрармией. В 1920 — в трюме военного корабля - в Константинополь. Жили в Тунисе, в Бизерте, где стояла русская эскадра. Там и закончила гимназию.

С 1925 в Париже. Искала с мамой работу в швейных и вышивальных мастерских. Не лучше было и у отца. Но посещала вечера, устраиваемые «Союзом молодых поэтов и писателей Франции». Здесь она познакомилась с М. Цветаевой, Куприным, Ходасевичем, Адамовичем, Георгием Ивановым, Ю. Б. Бек-Софиевым. Стала его женой. Умерла от прогрессирующего диабета. Похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Баллада о двадцатом годе

(Отрывок)

Стучали колёса...
«Мы там... мы тут»...
Прицепят ли, бросят?
Куда везут?
Тяжёлые вещи
В тёмных углах...
На холод зловеший
Судьба взяла.
Тела вповалку

На чемоданах...
И не было жалко,
И не было странно.
Как омут бездонный –
Здание вокзала,
Когда по перрону
Толпа бежала.
В парадных залах
Валялись солдаты...

Со стен вокзала
Дразнили плакаты...
На сердце стоны:
Возьмут? Прицепят!..
Вагоны, вагоны —
Красные цепи.

Глухие зарницы
Тревожных боёв.
Тифозные лица
Красных гробов.
Свистки паровозов.
Грязь на путях.
Берут, увозят —
Кого хотят.

Куда-то увозят
Танки и пушки...
Кругом паровозы,
Теплушки, теплушки.
Широкие двери
Вдоль красной стены.
Не люди, а звери
Там спасены.

Тревожные вести
Издалека.
Безумие мести
В сжатых руках.

Лишь тихие стоны.

Лишь взгляд несмелый,
Когда за вагоном
Толпа ревела.
Сжимала сильнее
На шее крестик.
О, только б скорее,
О, только б вместе!

Вдали канонада.
- Догонят? Да?
Не надо, не надо!
О, никогда!
Прощальная ласка
Весёлого детства —
Весь ужас Батайска,
Безумие бегства.

.
Тянулись с Дона обозы,
И не было им конца.
Звучали чьи-то угрозы
У белого крыльца
Стучали, стонали, скрипели
Колеса пыльных телег.
Тревожные две недели
Решили новый побег.

.

* * *

Стучались волны в корабли глухие,
Впивались в ночь молящие глаза.
Вы помните - шесть лет тому назад
Мы отошли от берегов России.

И всё смогу забыть: и боль стыда,
И эти годы тёмных бездорожий,
Но страшных слов: "Да утопи их, Боже!" -
Я в жизни не забуду никогда.

1926

Я не смотрела в заревое небо,
Не спрашивала — почему? зачем?
И для простого, для земного хлеба
Вставала рано, не спала ночей.
Я никогда, должно быть, не смеялась.
Со мной всегда и всюду на земле -

Замызанное платье и усталость,
Немытая посуда на столе.
Я никогда не понимала страсти,
Благих чудес на свете не ждала
И самого безрадостного счастья
Я никому с собой не принесла

* * *

Окно в столовой

Снова - ночь. И лето снова.
(Сколько грустных лет!)
Я в накуренной столовой
Потушила свет.
Папироса. Пламя спички.
Мрак и тишина.
И покорно, по привычке
Встала у окна.
Сколько здесь минут усталых
Молча протекло:
Сколько боли отражало
Тёмное стекло.
Сколько слов и строчек чётких
И ночей без сна
Умирало у решетки
Этого окна...
В отдаленье – гул Парижа
(По ночам – слышной).
Я ведь только мир и вижу,

Что в моем окне.
Видю улицу ночную,
Скучные дома,
Жизнь бесцветную, пустую,
Как и я сама.
И когда тоски суровой
Мне не превозмочь, -
Я люблю окно в столовой,
Тишину и ночь.
Прислонюсь к оконной раме
В темноте ночной,
Бестолковыми стихами
Говорю с тобой.
И всегда тепло и просто
Отвечают мне
Наши камни, наши звезды
И цветы в окне.

* * *

Россия! Печальное слово,
Потерянное навсегда
В скитаньях напрасно-суровых,
В пустых и ненужных годах.
Туда – никогда не поеду,
Но жить без нее не могу.

* * *

Я – человек второго сорта,
Без широты и глубины.
И для чего, какого черта,
Такие люди рождены?
Зачем? Чтоб нищенкой унылой
Топтаться на чужом пути?

* * *

И снова настойчивым бредом
Сверлит в разъяренном мозгу:
– Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли!

От колыбели до могилы
Себе приюта не найти?
Всегда никчемной и забитой
Всего бояться, всё терпеть,
Чтоб у разбитого корыта
Последней дурой умереть.

Из цикла «Тебе» (Сыну)

Еще до рожденья

Я брошу все стихи, слова и строки,
Мечты о том, чего на свете нет,
И матовый, встревоженный рассвет,
Такой любимый и такой далёкий.
И все мои печали и упреки
Пустых, тяжелых и напрасных лет.
И стыд за все пророческие строки,

И прозвище надменное – «поэт».
Мне ничего не жаль. И я готова
Закрыть навек заветную тетрадь.
Чтоб больше никогда не раскрывать
Дневник существования пустого.
За тихое, коротенькое слово,
За самое простое слово – мать.

1928.

* * *

Шепчет ночь, колдунья и пророчица,
Шепчет ночь тревожные слова.
Больше думать ни о чем не хочется,
Но от дум пылает голова.
Синий сумрак в незнакомой комнате.
Смесь теней и шорохов глухих.
И всю жизнь, должно быть,
буду помнить я
Эти ночи, мысли и стихи.

Шепчет ночь слова такие странные,
Припадает к синему окну.
– Вот оно – хорошее, желанное,
Свято окрылившее весну.
Только это сердце не устало бы,
Если б только жизнь не солгала!
Вторит ночи тоненький и жалобный
Детский плач из темного угла.

27. IV. 1929. *Matar nite*

Награда

За то, что нет у меня друзей
И с детства я была одинокой, –
За то, что за морем, в стране далёкой
Осталось так много ненужных дней, –
За то, что нечего мне терять, –
За то, что звонкий смех разлюбила, –
За то, что днём валюсь на кровать
Без мыслей, без слов, без слёз, без силы, –
За больные стихи, – за эту тетрадь, –
За сжатые губы и взгляд унылый, –
За горечь длинных, пустых недель, –
За сердце холодное в терпкой злобе, –
Дана мне тихая колыбель,
Глаза голубые и детский лобик.

4.09.1929

* * *

Вечерами в комнате отельной,
Всю ее внезапно полюбя,
Я ласкаю песней колыбельной
Слабого и нежного тебя.
Я спую о том, как дни скользили,
Как мелькали мутные года.
Расскажу большие сказки-были
Про зверей, поля и города.
Расскажу о море темно-синем,

Под маленькой иконкой,
В мигании зарниц –
Высокий лоб ребенка
И щеточки ресниц.
За зло и за ошибки,
За неизбывный страх –

* * *

Я знаю, как печальны звёзды
В тоске бессонной по ночам.
И как многопудовый воздух
Тяжел для слабого плеча.
Я знаю, что в тоске слабея,
Мне тёмных сил не одолеть.
Что жить во много раз труднее,
Чем добровольно умереть.
И в счастье, призрачном и зыбком,
Когда в тумане голова,

* * *

Все это – я напополам,
Я, но без моего лица.
Я неродившемуся сыну
Уже дала черты лица.
Зачем? Как странно и как дико,
Когда он – мой; и только – мой.
Ведь жизнь ему с последним криком
Давала я, а не другой.
И все любимое, родное,
Всю душу темную мою.

* * *

О большой и путаной судьбе,
О какой-то сказочной России,
Никогда не ведомой тебе.
И под гнётом прежних слёз и бедствий,
Опустив на лампу абажур,
Про свое оборванное детство
Колыбельной песней расскажу...

* * *

Спокойная улыбка
На пухленьких губах.
Ни зла и ни тревоги,
Черты, как день, ясны.
Теперь его не трогай,
Он спит и видит сны.. 7.09.1930

Я знаю цену всем улыбкам
И обещающим словам.
Я знаю, что не греют блески
Чужого яркого огня.
Что холодок, сухой и жесткий,
Всегда преследует меня...
Но мир таинственно светлеет,
И жизнь становится легка,
Когда, скользя, обхватит шею
Худая детская рука.

9.X1. 1932

Все несодеянное мною
Ему сейчас передаю.
Все, чем жила, чего хотела,
Всю жизнь, без завтрашнего дня.
И это маленькое тело –
Все – продолжение меня.
А я? А. все – мои – затеи?
О чем грустить? О чем молчать?
Чем старше сын, чем он сильнее, –
Тем больше умирает мать.

В деревне

Пробежимся со мной до распряты,
Вдоль сухих, оголенных полей.
На ветру мое пестрое платье
Замелькает еще веселей.
Я сгрызу недозревшую грушу,
Ты – хрустящий, сухой шоколад.
И в твою нерасцветшую душу
Перельётся широкий закат.
А обратно мы наперегонки
Побежим без оглядки домой.
Будет голос твой тонкий и звонкий

* * *

Мы опять с тобой одни остались,
К нам никто сегодня не придет.
Вновь дневная, грубая усталость,
Тишина (уже который год?)
Ты устал, – набежался не мало.
Спать тебя в кроватку уложу,
Заверну пушистым одеялом,
Сказку про медведей расскажу.
Хорошо, что ты не понимаешь
Этой бедной жизни. Ведь и ты
Никогда, должно быть, не узнаешь
Жизненной счастливой полноты.
Никогда! А сердце жадно бредит

* * *

Мне приснится опять ряд больничных кроватей.
И на башне – большие часы.
Безнадежная боль о последней утрате
И навеки оставшийся сын.
Где-то жизнь волновала, томила, шумела.
Только стала жестоко чужой.
И сиделка в халате безжизненно-белом
Приносила мне вечный покой.
Не боюсь я пустой, одинокой кончины,
(Ведь и жизнь веселей не была!)
Только мысль о беспомощном брошенном сыне...
Только... и я всю ночь не спала.
Все смотрела на пухлые детские губы,
Суеверно крестила кровать.
Нет, сейчас – в этой жизни, и стыдной, и грубой,
Не хочу, не могу умирать!

25. 04. 1933

Разрезать предвечерний покой.
И завидя наш маленький домик,
Ты забьешься в густую траву,
Ну совсем белобрысенький гномик,
Чудом сбывшийся сон наяву.
А потом, опуская ресницы,
Ты задремлешь в кроватке своей.
И тебе непременно приснится
Белый зайчик с колочих полей.
30.V III. 1932. *Bouyele*

Только этим, – долгие года.
Ты во сне увидишь трех медведей,
Я – тупое слово: «никогда».
Никогда... а вечер длинный, длинный.
Тишина придёт меня пытаться.
В лампе нет, наверно, керосина
И придется свечку зажигать.
И под пламенем белесоватым
Стану я опять сама собой –
Слабой, одинокой, виноватой,
С жалкой и обиженной душой.
5.III. 1933

* * *

Я люблю заводные игрушки
И протяжное пенье волчка.
Пряди русых волос на подушке
И спокойный огонь камелька.
Я люблю в этом тихом покое
После бешеной суетки дня
Свое сердце, совсем ледяное,
Хоть немножко согреть у огня.
Я люблю, когда лоб мой горячий

Тронет ласково чья-то ладонь.
А в углу – закотившийся мячик
И бесхвостый, облупленный конь.
Позабыв и тоску, и усталость,
Так легко обо всем говорить...
Это все, что мне в жизни осталось,
Все, что я научилась любить.
1.XI. 1934.

* * *

Что скажу я маленькому сыну?
Чем себя посмею оправдать?
– Если я сейчас тебя покину,
Значит, я была плохая мать.
Значит, сердцу было очень больно.
Значит, силы не хватает жить.
Значит, сердце стукнуло: довольно.
Как же быть?

Я оставлю не большую память
(Жизнь моя большою не была).
Вспоминая о покойной маме,
Будешь думать: «мама не могла».
Не сломись от раннего страданья,
(Еще много горя впереди!)
А когда большим и сильным станешь,
Слабую меня не осуди.

* * *

С каждым годом – всё дальше и дальше
Так и будет – больней и больней.
Сероглазый, беспомощный мальчик
Скоро выйдет из жизни моей.
Станет скоро большим, своенравным.
Плох. хорош ли – не все ли равно?
Будет брать он у жизни по праву
Все, что только ему суждено.
Расшибется ли, – или добьется, –
Загорится ли ярким огнем, –
Но уже никогда не вернется
В свой задорно покинутый дом.
В дом холодный, безмолвный, пустынный,
Где осталась навеки молчать
Ничего не принеся сыну,
Ничего не сумевшая мать.
2.V.1939

* * *

Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?
Сбываются сны роковые,

Как видно уж мне суждено.
Америка или Россия –
О Боже, не все ли равно?
За счастьем? Какое там счастье!
Ведь молодость вся прожита.

Разбилась на мелкие части
О маленьком счастье мечта.
Так кончилось все. Неужели
Сначала весь нищенский путь?
Без веры, без смысла, без цели,
С последней мечтой – отдохнуть.
От голода, тюрем и стонов,
От холода бледной зимы,
От грузных ночных авионов
Среди напряженнейшей тьмы...

Сначала, дорогой унылой,
Как гонит нужда и тоска,
Сгребая последние силы
Для третьего материка.
А там (это время настанет)
За эту невольную ложь,
За годы бездомных скитаний
Ты так же меня упрекнешь.
17. X. 1940

* * *

Жизнь прошла, отошла, отшумела,
Все куда-то напрасно спеша.
Безнадёжно измучено тело
И совсем поседела душа.
Больше нет ни желанья, ни силы...
Значит – кончено все. Ну, – и что ж?
– А когда-нибудь, мальчик мой милый,
Ты стихи мои все перечтёшь.
После радости, и катастрофы, –
После гибели, – после всего,
Весь мой опыт – в беспомощных строфах.
Я тебе завещаю его.

21. X. 1940, *Paris*

* * *

Юрию Софиеву (мужу)

Веди меня по бездорожью,
Куда-нибудь, когда-нибудь.
И пусть восторгом невозможным
Тревожно захлебнётся грудь.
Сломай положенные сроки,
Сломай размеренные дни!
Запутай мысли, рифмы. строки,
Перемешай! Переверни!
Так. чтоб в душе, где было пусто,
Хотя бы раз, на зло всему,
Рванулись бешеные чувства,
Не подчинённые уму.

1929

* * *

Ночью слишком натянуты нервы

Проступают виденья и лица.

Дорогой, отчего ты не первый
В этой смутной, немой веренице?
Слишком много рассказано было,
Много брошено ласки на ветер.
Был ты первый, второй или третий
Я не знаю. Не помню. Забыла.
Много нежных растратила слов я,
Притворяясь влюбленной и нежной,
Называя печаль – неутешной,
Называя влюбленность – любовью.

Отчего же тебя не нашла я
В эти годы тревоги и скуки?
Взял бы ты мои слабые руки
И сказал мне: Родная...
Ты один – на других не похожий
Не уйдешь, не отдашь, не обманешь.
Что сказать тебе, милому, что же,
Если все уже сказано раньше?
* * *

Не километры разделяют нас,
Не темные парижские предместья.
Страшнее блеск полузакрытых глаз,
И то, что никогда не будем вместе.
Ты на меня ни капли не похож.
Ты весь другой и жизнь твоя другая.
Ты что-то думаешь, чего-то ждешь.
Тоскуешь, может быть, — а я не знаю.
Какой же силой в сердце удержать
То нежное, что ускользает мимо?
Я не могу тебя поцеловать.
Я даже не могу назвать любимым.
* * *

Просто, без слёз и проклятий,
С горстью наивных стихов,
В стареньком ситцевом платье,
В тёмной тоске вечеров,
В кухонном едком чаду –
Женщиной слабой и глупой
Тихо к тебе подойду
И без упрека и стона

Острую боль заглушу.
Снов твоих страшных не трону
И ни о чем не спрошу.
Всё, что копила годами,
Молча отдам навсегда.
И заструятся над нами
Незолотые года... 1931

* * *

**Ты мечтаешь: «Вот вернусь домой,
Будет чай с малиновым вареньем,
На террасе — дрогнувшие тени,
Синий, вечеряющий покой.
Ты с мальчонкой ласково сидишь...
Занят я наукой и искусством...
Вспомним мы с таким хорошим чувством
Про большой и бедственный Париж.
Про неповторимое изгнание,
Про пустые мертвенные дни...»**

**Загорятся ранние огни
В тонком, нарастающем тумане...
Синий вечер затенит окно,
А над лампой — бабочки ночные»...
— Глупый друг, ты упустил одно:
Что не будет главного — России.**

* * *

В этом старом, убогом отеле,
В никому ненужных трудах,
За неделей скользит неделя,
За годами скользят года.
Здесь мы медленно забываем,
Что вся жизнь могла быть иной.
Никогда не обещанным раем
Не смущаем наш сон и покой.
Здесь мы плачем, смеемся, стонем.

Здесь мы старимся — я и ты,
В этом старом, ненужном доме,
В безысходности пустоты.
Вот луна поднялась на крыши...
Как печален вечерний час!
Оттого, что и Бога не слышит,
Никогда не услышит нас.

* * *

И вовсе не высокая печаль,
И не отчаянье сдвигало брови...
— Весь вечер ныли, долго пили чай,
И долго спорили о Гумилеве.
Бросали столько безответных слов,
— Мы ссорились с азартом, и без толку.
Потом искали белый том стихов
Повсюду — на столе, в шкафу. на полках.
И не нашла. И спорили опять.
Стихи читали. Мыкались без дела.
И почему-то не ложились спать,
Хоть спать с утра мучительно хотелось.
День изо дня, — и до каких же пор?
Все так обычно, так совсем не ново,
И этот чай, и этот нудный спор
О Блоке и таланте Гумилева.

* * *

Юрию

Тебе – без упрёка и лести,
Тебе, мой доверчивый друг,
За наше усталое “вместе”,
За лед не протянутых рук,
За ночи у детской кровати
(Покорное тельце в огне),

За ночи в больничной палате,
В пустой, в неживой тишине,
За то, что по-разному верим
И разное видим вокруг,
За радости и за потери –
Тебе, мой обманутый друг,

Мое непрощённое счастье,
Мое поражение в борьбе...
Без боли, без гнева, без страсти,

* * *

Последнее слово – тебе

Я покину мой печальный город,
Мой холодный, неуютный дом.
От бесцельных дел и разговоров.
Скоро мы с тобою отдохнём.
Я тебя не трону, не встревожу.
Дни пойдут привычной чередой.
Знаю я, как мы с тобой несхожи,
Как тебе нерадостно со мной.
Станет дома тихо и прилично,
Ни тоски, ни крика, ни ворчли...
Станут скоро горестно-привычны.
Без меня кружащиеся дни...
И стараясь не грустить о старом,
Рассчитав все дни в календаре,
Ты один поедешь на Луару
В призрачно-прозрачном сентябре.
И вдали от горестной могилы,
Где-то там, в пути, на склоне дня,
Вдруг почувствуешь с внезапной силой,
Как легко и вольно без меня.

1936

* * *

Прекрасные стихи. Не смотря на краткость и простоту или, как раз наоборот, благодаря этой своей сдержанности, отсутствию декораций и риторики, стихи пронзают и своей тоской, и светом, и безоглядной искренностью – истинностью.

Её необыкновенность, отличие от других эмигрантских страдалцев бессмысленности жизни – она и в этих, кажется, безнадежных обстоятельствах нашла свой смысл и счастье – в женской жертвенной **любви** к сыну и мужу. И эти чувства сливаются её не придуманные, по-есенински *честные* стихи в единую поэму, точно в великую симфонию, которая и трогает, и потрясает, и воодушевляет. Оказывается, и в полной безнадёжности и слабости человек может открыть себе смысл и счастье в **творении** чего-то **доброго** другим, хотя бы в таком общедоступном доброделии, как любовь. И оно поднимает человека над его несчастьями и даже над смер-

тью. Такое счастье нашла и Мать Мария и пронесла его даже через концлагерь. Оказывается, секрет человеческого счастья – в земном деле любви, а его религиозное облачение необязательно.

Лучший поэт из всей эмиграции. Удивительно: её смыслом самые прозаические переживания и бытовые детали поднимаются в поэзию и придают ей убедительность. Есенин с женской душой¹.

Хотя её унижения себя: «*Я – человек второго сорта*», «*Мои беспомощные строфы*», «*Ты меня упрекнешь...*», «*Я покину мой печальный город...*» – едва ли вполне искренни. И тем не менее верны: обиженные любят прибежаться и плакаться – для наслаждения жалостливостью к себе. Достоевский их верно уличал.

В русской поэзии, как в литературной, так и в народной песне и романсе, это очень распространено. Жалость – как ни как утешает. Но именно этим и утишает энергию к действию. Пусть без гарантии от неудачи. Вопреки всему. Эта жалостливость и питает русское фаталистическое смирение. Или наоборот?

Штейгер Анат. Серг., 1907- 44, род. в Киев. губ., умер от туберкулёза на лечении в Швейцарии.

С 1920 г. по болезни в эмиграция, репутация одного из самых молодых поэтов нытья, «парижской ноты». Трагичность мироощущения: ужас перед жизнью, торжеством несправедливости в ней, ощущение странности и катастрофичности бытия. Лирический герой – «подстреленная птица», по-детски обиженный и беспомощный, в обреченности неизлечимо больного поэта.

Сборники «*Этот день*» (1928), «*Эта жизнь*» (1932), «*Неблагодарность*» (1936), «*Дважды два четыре*» (1950).

Как и у Поплавского, поэзия для него – это свой жизненный опыт и «документ», отсюда дневниковые интонации, исповедаль-

¹ Издания: «*Стихи о себе*», Париж, 1931.

«*Окна на Север*», 2-я кн., Париж, 1939.

«*После всего*», Париж, 1949.

«*Сборник стихов*», Алма-Ата, 1963 (издано Ю. Б. Софиевым).

«*Новые стихи*», предисл. А.Жовтиса, Алма-Ата, 1967. С. 225
Жизнеописание и творчество Игоря Софиева (сына Ю. Б. Софиева): Алматы, 2000 г.

ность. Печальные миниатюры, аскетические, метафоры редки – как проявление безыскусности и искренности.

Червинская Лидия Давыд. (1907, ? - 88, Париж). Поэтесса.

Эмигрировала в 1922 г., формировалась как поэт под влиянием Г.Адамовича.

Сб-ки *«Приближения»* (1934), *«Рассветы»* (1937) – дневниковая интимная поэзия, последняя правда о себе, о горькой неразделенной любви, тоска и слезы. Нарочитое нарушение границ строфы, синтаксическая незавершенность, риторические вопросы. Сдержанность выражения чувств и афористичность.

«Двенадцать месяцев», 1956. Усиление трагизма, воспоминания о войне, тоска об утраченных друзьях.

Господи, один печальнее другого.

Их счастье – свобода в своих духовных и эстетических исканиях.

Но судьба их, младшего, «незамеченного поколения» незавидна: преждевременная смерть от тяжелых болезней и невыносимости эмигрантского быта (И. Кнорринг, В. Булич, А. Штейгер), трагическая гибель в юном возрасте (Н. Гронский, В. Диксон, Б. Новосадов, Б. Поплавский), расстрел гитлеровцами (Б. Вильде, Б. Кац), гибель в фашистских концлагерях (Р. Блох, Е. Гессен, Ю. Мандельштам, Н. Фельден). А сколько вынужденно оставило литературу? Или загадочно исчезли, как Михаил Агеев?

Понятно у них упоение своим умиранием.

Конечно, младшее поколение тоже отдало дань ностальгической мемуаристике: Набоков *«Другие берега»*, Н. Берберова *«Курсив мой»*, Ю.Терапиано *«Встречи»*, В. Варшавский *«Незамеченное поколение»*, В. Яновский *«Поля Елисейские»*, Одоевцева *«На берегах Невы»*, *«На берегах Сены»*, Г. Кузнецова *«Грасский дневник»*.

Если в начале 1920 гг. публикации молодых авторов в *«Современных записках»*, *«Звене»*, *«Воле России»* были эпизодическими, то во второй период центрами объединения становились периодические журналы.

Одним из объединяющих событий в жизни русской эмиграции (1927- 37) была полемика Ходасевича (газ. «*Возрождение*»), защитника учебы мастерству у классики и Адамовича (газ. «*Последние новости*»): главное – простота и правдивость в эмигрантской **жизни как выживании**, – так наз. «*парижская нота*». Её культивировал основанный Н.А.Оцупом (из купцов) журнал «*Числа*» (1930 - 34), где печатались Г. Иванов, Адамович, Б. Поплавский, Л. Червинская, Одоевцева, Б.Божнев, Ю. Софиев, А.Штейгер и др.

Вторая волна эмиграции – в войну.

За 1945 год в Союз было репатрировано 5,5 млн. человек. Ничего себе! Но на Западе осталось ещё свыше миллиона. В 1952 в Европе насчитывали 452 тысячи бывших граждан СССР, 548 тысяч русских эмигрантов к 1950 прибыло в Америку.

Эти **послевоенные** поэты-эмигранты – ровесники довоенных и близки к ним по настроениям, но, хватив лиха на родине, были довольнее.

Кленовский (Крачковский) Дм. Иосиф., 1893, СПб – 1976.

Выпускник Царскосельского лицея и СПГ ун-та, из поколения серебряного века. Но до революции успел издать единственный сб. «*Палитра*», 1917. Потом – «внутренний эмигрант», вынужден отказать от стихов и работать журналистом и переводчиком.

В 1942 г. бежал из оккупированного Харькова в Австрию, где, уже с лагеря, – взлет творчества: «*След жизни*» (1950) – о своем пути в беспощадное время, пленника родной страны. Часто усталая печаль («На кладбище»), но не приемлет нигилизма, верит в правоту жизни и милосердие.

На кладбище

Мы уже всюду были,
Хочешь – зайдём сюда?
Тесно нас обступили
Холмики в два ряда.
Каждый из них украшен
Лилиями в цвету.
Ласточка пьёт из чаши
Каменной на лету.

В церкви звонят к вечерне...
Надпись везде одна:
Золотом или чернью –
Сроки да имена.
Видишь, как мало надо
Времени и пути,
Чтоб до простой ограды
С жизнью вдвоём дойти!

Тени кругом сгустились,
Даль в предвечерней мгле.
Может быть, загостились
Мы на своей земле?
В мире о нас забыли,

Дома давно не ждут...
Мы уже всюду были!
Хочешь остаться тут?
1948

«Навстречу небу» (1952), «Неуловимый спутник» (1956), «Уходящие паруса» (1962), «Разрозненная тайна» (1965), «Певучая ноша» (1969), «Теплый вечер» (1975), «Последнее» (1977) и др. сб. стихов – целых 11 книг.

В поэзии видит откровение неуловимой тайны бытия.

Иваск Юрий Павлович, 1907, Москва - 1986, США. В 1944 г. бежал из Эстонии в Германию. Проф. рус. лит-ры. Акмеизм.

Нет, не родина, родной язык
Счастья одинокого дороже;
Узок, тих и бледен, я понику
Этой ночью на пустое ложе;

В пустоте великой - что же, что же,
Кроме русских песен и стихов?
И все ближе и прекрасней - строже
Тайна сказанных когда то слов.

1938.

БОЛДИНО

Друзья дорогие, милые,
Не добрый ли это знак?
Не красный, ярко-малиновый
Уже полощется стяг.
Мы все говорим без умолку
И без толку, вперебой,
Слова заглушает колокол —
Воздвигнутый, вечевоу.
Глупею, и все мне нравится,
Другой не знаю страны!
Свобода, братство, неравенство
Уже провозглашены.

Идут одетые в белое,
А выше — голубизна.
Где правая и где левая
Не знаю я — сторона.
Стихи бормочу от радости,
Бессмысленные стихи:
Рябина-Радуга-Радонеж,
Прощаются все грехи.
Ее узнаю я, родину,
Утраченную вчера.
Сегодня же съездим в Болдино,
Прощеному жить пора. 1960

Чиннов Игорь Влад., 1909-96. До 1944 года жил в Латвии («случайный эмигрант»). В 1944 г. депортирован из Риги в Германию на принудительные работы, после освобождения зачислен в американскую армию, служил во Франции.

С 1953 – в Мюнхене на радио «Свобода». С 1962 – в США, проф.
рус. лит. А поэт слабый.

Что-то вроде России,
Что-то вроде печали...
(Мы о большем просили,
А потом перестали).
Чем-то нежным и русским
Пахнет поле гречихи.

Утешением грустным
День становится тихий.
Пахнет чуть кисловато
Бузина у колодца...
Это было когда-то
И едва ли вернется.

.

В землице Франции они лежат.
Они писали русские стихи.
Они из-за кладбищенских оград
Кивают мне: – Хотелось бы, собрат,
В Россию... А? Да где ж: дела – плохи.
В землице русской? У березок, в ряд?
Нет, вряд ли. И мечтать напрасный труд...

.

А вот стихи – дойдут. Стихи – дойдут.

Последнее стихотворение

Весной на подмосковную дорогу
(Всю в лужах, листьях, мокрых воробьях)
Я выйду с палкой. Здравствуйте, березы!
Скучал без вас. Ах, радостные слезы!
Еще я жив, я не холодный прах.

Весна 1996

Ранняя поэзия: *«Монолог»* 1950, *«Линии»* 1960, *«Метаморфозы»*, 1968. Перепев «парижской ноты»: о бренности мира, зыбкости ускользающего мгновения, неизбежности смерти, неуловимости смысла жизни и т.п. Впрочем, печаль светла.

Поздняя поэзия: *«Партитура»* (1970), *«Композиция»* (1972), *«Пасторали»* (1976), *«Антитеза»* (1979), *«Автограф»* (1984).

Неверие в разум. Мир раздроблен в парадоксы, гротеск, шаржи, ирония. И тут же экзотические впечатления от путешествий по Америке и Африке. Словесные усовершенствования.

Елагин (Матвеев) Иван Венедик-ч, 1918-1987. Опасаясь расстрела за “сотрудничество с немцами” (работал в окуп. Киеве в роддоме), бежал в 1943 г. в Мюнхен, потом – в США.

Мне не знакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей - давно оставленной - России
Мне не хватает русского окна.

Оно мне вспоминается доньне,
Когда в душе становится темно -
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

* * *

Бонгарт Серг. Ром., 1918-85. Художник и поэт. В 1943 г бежал из окуп. Киева в США

Береза

У шоссе – за первым километром,
Где дорога круто рвётся вниз,
Извиваясь под осенним ветром,
Исполняет дерево стриптиз.

Сбросив наземь все свои одёжки –
Всё дотла, не сыщешь и листок.
Лишь остался на точёной ножке
Белый ослепительный чулок.
Как в тяжёлом приступе психоза.
В голубом бензиновом дыму –
Пляшет обнажённая берёза
У машин проезжих на виду.
Плавлен выгиб тоненького стана,

Нежен веток дымчатый плюмаж:
Ей бы на холсте у Левитана
Украшать какой-нибудь пейзаж.
Или в русской выситься деревне,
Где растут поэты от сохи,
Где берёзы, стройные издревле.
Попадали в песни и стихи.
Я стою, как будто бы на тризне,
У шоссе, где смрад и визг колёс...
Горько мне, что не сложились жизни
Так как надо – даже у берёз!

Синкевич Валентина Алексеевна, 1926, Киев. В 1942 г. депортирована в Германию “остарайтбартером”. С 1950 – в США, работала библиографом. Поэт, переводчик.

А я боюсь Нью-Йорка. Боюсь
Его высоты, шума, блеска, кипенья.
Если вживусь в него, если вольюсь,
Не напишу ни одного стихотворенья.

• • • • •

Мы уходим с земли. А земля иностранная.
А своя жестока. И на тысячи вёрст
разметала судьба нас,
одарила случайными странами.
Знайте, путь наш был – ох как не прост.

• • • • •

На вечере поэзии

Филадельфийские в тяжёлых рамах окна
И занавеси веером на стёклах,
дубовые полы, ковры, полотна –
от них ослепла и оглохла
я в этот вечер. Тяжелели веки
и была большая и больная
шла через горы, через реки
в забытый мир, как в море окуная
меня. И голос тонкого поэта
неумолимо неся
в другую зиму и другое лето.
И ветер выл в снегах и колыхал колосья.
Под монотонный звук знакомой речи
и взгляд чужих тяжёлых окон...
Проходит прошлое. И нечем
На память у него отрезать локон.

* * *

Литература в Советской России

Поэты в Советской России

Расположение авторов ~ по возрасту.

В условиях хозяйственной разрухи, голода и нехватки бумаги о романах не мечтали, преобладали стихи, споры и декламации в кафе, на вечерах, эстраде и улице.

В первые же послеокт-ие годы большинство известных поэтов эмигрировало. Остались, кто был ближе к народу и надеялся на умиротворение и расцвет страны. Но судьба их была печальна.

А-др Блок видел в «революции» святое возмездие, а впереди ничего светлого, кроме Христа.

За три года Блок ничего не написал и в 1921 г. умер от голодного истощения, цинги и невроза. Хотя Горький и Луначарский ходатайствовали об отпуске его на лечение за границу, например, в санаторий в Финляндию, но Политбюро было против. Его не выпускали, боясь, что он там наговорит неприятное большевикам.

А, может быть, как допускал Г.Иванов, Блок умер еще и от подавленного сознания своей трагически непоправимой ошибки в «*Двенадцати*»: впереди погромного загула солдатской банды ничего подобного светлому Христу в жизни Иванову не просматривалось.

Вик. Хлебников – тоже фантазер не от мира сего, в революции приветствовал возмездие за старые барские злодеяния («*Ржаное слово*», 1919 – «*Настенька*», «*Прачка*», «*Ночь перед советами*», «*Ладомир*»), улетел в словотворчество и грёзовиденья России и тоже умер от голодного истощения.

В. Брюсов, всегда во власть влюбленный: в 1904 г. – в царя, в 1905 г. – в революцию, в 1914 г. – ура-патриот, в 1919 вступил в ВКП(б), сочинил гимн «ослепительному Октябрю» и Ленину, стал чиновником Госиздата и проф. МГУ и в 1924 умер от воспаления лёгких и передозировки наркотиков, к которым пристрастился, открылось, давно.

Волошин М. А. в гражданскую войну ставит себя над схваткой. У себя в Коктебеле прячет от преследований то белых, то – красных от власти Врангеля (их “вождя” Бела Куна, будущего крымского палача).

У него гостят писатели – от Брюсова и Цветаевой до Ходасевича, Горького и А. Толстого. Дом и завещал Союзу писателей.

Его новые стихи редко о каком-то переживаемом событии, как обычно у поэтов; чаще – обобщенные описания и свободные раздумья. Такие в советской печати были уже давно задушены и забыты. Смелая, умная и глубокая стиховая *публицистика*, на уровне Герцена, Достоевского, Бердяева, – о грязных и бессмысленных ужасах большевистского террора и трагической судьбе России.

Должно быть, благодаря покровительству Куна, Горького и др. его не тронули, но с 1923 г. запретили не то, что его публиковать, но даже упоминать имя.

Его понимание реалий “октябрьской революции”:

Святая Русь

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко -
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самою желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любви -
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть царевой ты не захотела -
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развеи да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть - холопам, силу - супостатам,
Смердам - честь, изменникам - ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Яль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, -
Ты - бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917 Коктебель

А ведь верно: юродство жило даже в эсерах и сгубило их. Но какое юродство в большевиках? Сам же – о “буйном пламени”. В Руси жило и рабье смирение, и разбойный посвист.

Для него революция – дело бесноватых:

Демоны глухонемые

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.
Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы - это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.
29 декабря 1917 <Коктебель>

Это верно: как обычно, и большевики хотели, как лучше, и не понимали, чем вся их озлобленная мечта кончится. Но их христиански благословлять?

Из бездны

Полночные вздулись воды,
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого восхода.
Пусть бесы земных разрух

Клубятся смерчем огромным -
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы -
Распятые серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны - со дна паденья
Благословляю цветенье
Твое - всестрастной свет!
15 января 1918 <Коктебель>

Та же христова надежда, что у А.Блока в «Двенадцати».

Красногвардеец

Скакать на красном параде
С кокардой на голове
В расплавленном Петрограде,
В революционной Москве.
В бреду и в хмельном азарте
Отдаться лихой игре,
Стоять за Родзянку в марте,
За большевиков в октябре.
Толпиться по коридорам
Таврического дворца,

Не видя буржуйным спорам
Ни выхода, ни конца.
Оборотиться к собранью,
Рукою поправить ус,
Хлестнуть площадною бранью,
На ухо заломив картуз.
И, показавшись толковым, -
Ввиду особых заслуг
Быть посланным с Муравьевым
Для пропаганды на юг.

Идти запущенным садом.
Щупать замок штыком.
Высаживать дверь прикладом.
Толпою врывать в дом.
У бочек выломав днища,
В подвал выпускать вино,
Потом подпалить горище
Да выбить плечом окно.
В Раздельной, под Красным Рогом
Громить поместья и прочь
В степях по грязным дорогам
Скакать в осеннюю ночь.
Забравши весь хлеб, о "свободах"

Его понимание истории и назначения России:

Русская революция

Во имя грозного закона
Братоубийственной войны
И воспаленны, и красны
Пылают гневные! знамена.
Но жизнь и русская судьба
Смешала клички, стерла грани:
Наш "пролетарий" - голытьба,
А наши "буржуа" - мещане.
А грозный демон "Капитал" -
Властитель фабрик. Князь заботы,
Сущность отстойной работы,
Преображенная в кристалл, -
Был нам неведом: нерадивы
И нищи среди богатств земли,
Мы чрез столетья пронесли,
Сохою ковыряя нивы,
К земле нежадную любовь...
России душу омрачая,
Враждуют призраки!, но кровь
Из ран ее течет живая.
Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить

Это глубоко и провидчески.

Гражданская война

Одни восстали из подполий,
Из сылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей

Размазывать мужикам.
Искать лошадей в комодах
Да пушек по коробкам.
Палить из пулеметов:
Кто? С кем? Да не всё ль равно?
Петлюра, Григорьев, Котов,
Таранов или Махно...
Слоняться буйной оравой.
Стать всем своим невтерпеж.
И умереть под канавой
Расстрелянным за грабеж.

16 июня 1919 Коктебель

Ее гибельные тропы.
Пусть бунт наш - бред, пусть дом наш
пуст,
Пусть боль от наших ран не наша,
Но да не минет эта чаша
Чужих страданий - наших уст.
И если встали между нами
Все бреды будущих времен -
Мы всё же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.
Тончайшей изо всех зараз,
Мечтой врачует мир Россия -
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.

Как некогда святой Франциск
Видал: разверзся солнца диск
И пясти рук и ног Распятый
Ему лучом пронзил трикраты -
Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла [?]
Кровоточащие стигматы.

12 июня 1919

И горьким дымом городов.
Другие - из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,

Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгудный дух
И Разиных, и Кудяров.

В других - лишенных всех корней -
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский -
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет и гниль империй,
Всё золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию!,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:
Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытопанных жнив.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
"Кто не за нас - тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами".
А я стою один [?] меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

21 ноября 1919 Коктебель

Волошин воображает себя каким-то нейтральным богом. Но, на самом деле, вовсе не он “один” был в душе не с белыми и не с красными. Против и белых, и красных было большинство народа, но выразившие его волю зелёные и эсеры оказались размазней. А отдельным людям в этом молчащем большинстве откровенность и непокорность никому не прощали не белые и не красные, казнили всякого, “кто не с нами”, – и застращенные люди таились. Да и Волошин свои стиховые думы открывал только доверенным друзьям.

Но этого большинства народа он, оторванный от него, не знал и чувствовал себя одиноко. Д. б., потому и “молился” за злодеев, тех и других, вместо проклятья тем и другим.

Террор

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.
С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.
Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штывком.
Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней

Возвращались в город домой.
А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть .
26 апреля 1921 Симферополь

О таких ужасах стихи оказались невозможны. Развалились.

Бойня

Отчего, встречаясь, бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?
Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахивают ворота?
Сегодня сколько? полтора? сто?
Куда их гонят вдоль черных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвет и крутит восточный ветер,
И жжет, и режет, и бьет плетьюми!
Отчего за Чумной, по дороге к свалкам
Брошен скомканый кружевной платок?
Зачем уронен клочок бумаги?
Перчатка, нательный крестик, чулок?
Чье имя написано карандашом на камне?
Что нацарапано гвоздем на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?

Почему так сразу стихли шаги?
Что хлестнуло во мраке так резко и четко?
Что делали торопливо и молча потом?
Зачем, уходя, затаили песню?
Кто стонал так долго, а после стих?
Чье ухо вслушивалось в шорохи ночи?
Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чья-нибудь дверь перед ним?

... ..

Кто у часовни Ильи-Пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
- "Не реви - собакам собачья смерть!"
А она не уходит, а всё плачет и плачет
И отвечает солдату, глядя в глаза:
- "Разве я плачу о тех, кто умер?"
Плачу о тех, кому долго жить..."
18 июня 1921 Коктебель

Красная пасха

Зимую вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Вьедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулеметы,
Свистя, как бич, по мясу обнаженных
Мужских и женских тел.
Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.

Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали точно свечи.
Фиалки пахли гнилью. Ландыш - тленьем.
Стволы деревьев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом. А души вырванных
Насильственно из жизни вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем

Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мшенье, панику, заразу...
Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,

Голод

Хлеб от земли, а голод от людей:
Засеяли расстрелянными - всходы
Могильными крестами проросли:
Земля иных побегов не взрастила.

Крестьяне сеять выезжали ночью.
Голодные и поползни червями
По осени вдоль улиц поползли.
Толпа на хлеб палилась по базарам.
Вора валили на землю и били
Ногами по лицу. А он краюху,
В грязь пряча голову, старался проглотить.
Как в воробьев, стреляли по мальчишкам,
Сбиравшим просыпь зерен на путях,
И угличские отроки валялись
С орешками в окоченелой горстке.
Землю тошнило трупами, - лежали
На улицах, смердели у мертвецких,
В разверстых ямах гнили на кладбищах.
В оврагах и по свалкам костяки
С обрезанною мякотью валялись.
Глодали псы оторванные руки

Только крымская бойня 1920-23 г. *проняла* его идеализм - и он, наконец, *невольно* осудил злейшую сторону.

Россия – (Отрывки) ,

... ..
Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опрочь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.
... ..
Минует век, и мрачная фигура ... -
... ..
Земли российской *первый коммунист*
Граф Алексей Андреич Аракчеев.
[Казармы для крестьян - солдат]

Но в ту весну Христос не воскресал.
21 апреля 1921

Снедь прятали, скупали, отымали,
Налоги брали хлебом, отбирали
Домашний скот, посевное зерно:

И головы. На рынке торговали
Дешевым студнем, тошной колбасой.
Баранина была в продаже - триста,
А человечина - по сорока.
Душа была давно дешевле мяса.
И матери, зарезавши детей,
Засаливали впрок. "Сама родила -
Сама и съем. Еще других рожу" ...
Голодные любились и рожали
Багровые оружие куски
Бессмысленного мяса: без суставов,
Без пола и без глаз. Из смрада - язвы,
Из ужаса поветрия рождались.
Но бред больных был менее безумен,
Чем обыденщина постелей и котлов.
13 января 1923 Коктебель
... ..

Его познал, вознес и всолил Павел.
...Раздерганный и полоумный...
...Автомат в мундире
... ..
Его посев взлелеял Николай,
Десятки лет удавками глазами
Медузивший засеченную Русь.
... ..
Отвергнутый царями *разночинец*
Унес с собой рабочий пыл Петра
И утаенный пламень революций:
Книголюбивый новиковский дух,
Горячку и озноб Виссарiona.
От их корней пошел *интеллигент*.

Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто,
Сутулым, бледным, с рваной бородкой,
Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
Отиснутым, как точный **негатив**,
По профилю **самодержавья**: шишка,
Где у того кулак, где штык - дыра,
На месте утвержденья - отрицанье,
Идеи, чувства - **всё наоборот**,
Всё "под углом гражданского протеста".
Он верил в Божие небытие,
В прогресс и в конституцию, в науку,
Что "человек рожден от обезьяны,
А потому - нет больших любви,
Как положить свою за ближних душу".

... ..

Что направлял топор и мысль Петра,
Что вынудил мужицкую Россию
За три столетья сделать перегон
От берегов Ливонских до Аляски.
И тот же дух ведет большевиков
И новизны рыгают стариною.

... ..

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья,
Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революций.

... ..

Никто не делал более кровавой -
И страшной революции, чем мы.
При всем упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв - никто
С такой хулой не потрошил святыни,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьев, -
Мы шли путем не их, а Смердякова -
Через Азефа, через Брестский мир.
В России нет сыновнего преемства
И нет ответственности за отцов.
Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены.

На дне души мы презираем Запад,
Но мы оттуда в поисках богов
Выкрадываем Гегелей и Марксов,
Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп,
Куриль в их честь стиракосою и серой
И головы рубить родным богам,
А год спустя - заморского болвана
Тащить к реке привязанным к хвосту.
Зато в нас есть бродило духа - совесть -
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, - рядом
С любимым из европейцев - человек.

... ..

У нас в душе некошеные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, быльем да своевольем.
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлетами - Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии всё творчество России:
Европа шла культурой огня,
А мы в себе несем культуру взрыва.
Огню нужны [?]- машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, -
Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда - тяж советских обручей
[Нужна диктатура? Оправданье?]
И тугоплавкость колб самодержавья.
Бакунину потребен Николай,
[Для повторения его бесплодия?]
Как Петр - стрелцу, как Аввакуму - Никон.
Поэтому так непомерна Русь
И в своеволии, и в самодержавьи.
И нет истории темней, страшней,
Безумней, чем история России.

6 февр. 24 Коктебель

Не оригинален. Давние наблюдения – ещё 19 века + *смена
vex?* От гостившего А. Толстого?

Встает вопрос: входят ли эти его запрещенные и мало кому известные публицистические стихи и поэмы в “литературу” (“советскую”) как общественное явление? Разве только часть их, опубликованные в сб-х *«Демоны глухонемые»*, Харьков, 1919; *«Усобища: Стихи о революции»*. Львов, 1923 и *«Стихи о терроре»*, Берлин, 1923. После них и началось его замалчивание и запрет + *Волошин М. Пути России: Стихотворения*. Регенсбург, 1946. Но ведь эти *зарубежные* и запрещенные издания в России и сегодня доступны единицам.

А его замалчивание и непечатанье для него лично было к лучшему. Не вписался бы он в советскую печать. Только затравили бы. Остался цел, но и не стал известен, не “вошел в процесс”.

С. Есенин семь лет продержался на родине, то уезжая, то возвращаясь, ища отраду в крестьянско-богемно-кабацком народе и тоже надеясь на преобразование осветлённой страны, но в итоге то ли сам убил себя, то ли был убит.

В. Маяковский продержался еще на пять лет дольше, «наступая на горло собственной песне» ради политических агиток во славу то побед в гражданской войне, то НЭПа (*«Хорошо!»*), то пятiletки и публицистических рифмованных од большевикам («поэм» и гимнов) и сатир на чиновников и неревол-ных «мещан».

Демьян Бедный, (*Придворов* Ефим А-кс, 1883-1945), в 1896-1900 воен. фельдшер, 1904-8 филфак СПб ун-та. С 1899 монархич-патр. стихи и романсы. В 1909 *«О Д.Бедном, мужике вредном»* – смутьяне. С 1912 больш-к: в *«Правде»* сатирич. басни и частушки в народном стиле. Популярен в 1918-20 гг.: *«Проводы»*.

Другой рифмач газет, соперник Маяковского, льстец, 1923 орден от Троцкого, 1933 – орден от Сталина.

Но дома ругал за лень и прочее и рус. мужиков, и кремлевцев. Да и о своем таланте не заблуждался.

Клюев Ник. А-кс, 1884-1937, из крестьян олонекской деревни, отец – урядник, сиделец в казенной винной лавке, мать – плачя и сказительница. Церк-прих. шк. в г. Вытегра и фельдш-я в Петрозаводске. В 1905-6 аресты за рев. агитацию среди крестьян.

С 1908 переписка с Блоком, сказки о своих скитаниях по Соловкам и скитам. Блок увидел в кр. самородке единство двух Россией: мистич. + крест-бунт-й, и помог изд. в Москве сб. «*Сосен перезвон*», 1911, «*Братские песни*», 1912, «*Лесные были*», 1913.

Символизм в религ. - мужиц-х образах раскольничьих песнопений, духовных стихов, апокрифов и обличений Аввакума.

В 1918-20 даже в РКП (б), но хотел сохранить «дедовскую веру»: «*Избяные песни*», 1920; «*Земля и железо*» (в левозэсер. сб. «*Скифы*»), «*Мать-Суббота*», 1922, ст. «*Ленин*», М.-Пг, 1924 (Но льстивые стихи ему не помогли), поэмы «*Плач по Есенину*», 1927, «*Деревня*», 1927, «*Изба и поле*», 1928.

1905. Общие рев-ые фразы:

Где вы, порывы кипучие,
Чувств безграничный простор,
Речи проклятия жгучие,
Гневный насилью укор?

Где вы, невинные, чистые,
Смелые духом борцы,
Родины звезды лучистые,
Доли народной певцы?...

1910. Ал-дру Блоку.

Верить ли песням твоим -
Птицам морского рассвета,-
Будто туманом глухим
Водная зыбь не одета?
Вышли из хижины мы,
Смотрим в морозные дали:

Духи метели и тьмы
Взморье снегами сковали.
Тщетно тоскующий взгляд
Скал испытует граниты,-
В них лишь родимый фрегат
Грудью зияет разбитой...

Но чаще вместо конкретного образа незримые зыбкие схемы из символов: сосны, тоска, квашня, молебники, схимники... Для доброго барина силится соединить символизм и апокрифы. Как можно всерьез веровать сразу и в то, и в другое? Но обольстил Блока, тот и увидел за своими 12-ю погромщиками Христа – и страшно поплатился.

А Клюев скоро, видно, уже к 1911 г., почти начисто забыл Блоковский символизм и часто стал *по-своему* образно конкретен и по-земному лиричен: поэзия дремы, избы, опасений города.

1911: На песню, на сказку **рассудок** молчит,

Но **сердце** так странно правдиво,-

И плачет оно, непонятно грустит,

О чем? - знают ветер да ивы.

О том ли, что юность бесследно прошла,

Что поле заплаканно-нище?

Вон серые избы родного села,

Луга, перелески, кладбище.

Вглядись в листопадную странничью даль,

В болот и оврагов пологость,

И сердцу-дитяти утешной едва ль
Почуеться правды суровость.
Потянет к загадке, к свирельной мечте,
Вздохнуть, улыбнуться украдкой
Задумчиво-нежной небес высоте
И ивам, лепечущим сладко.
Примнится чертогом - покров шалаша,
Колдуньей лесной - незабудка,
и горько в себе посмеется душа
Над правдой слепого рассудка.

1912:

Осенью могильною иконкой,
Накормлю малиновок кутьей
И с клюкой, с дорожною котомкой,
Закачусь в туман вечеровой.
На распустьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,

Соберу певучие сказанья
И тебе, родимый, принесу.
В глубине народной незабытым
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленным, сгибнувшим, убитым,
Всем покой за дверью гробовой.

1913:

Теплятся звезды-лучинки,
В воздухе марь и теплынь,-
Веселы будут отжинки,
В скирдах духмяна полынь.
Спят за омежками риги,
Роща - пристанище мглы,
Будут пахучи ковриги,
Зимние избы теплы.

Минет пора обмолота,
Пуща развихрит листы,-
Будет добычна охота,
Носки на слищах холсты.
Месяц засветит лучинкой,
Скрипнет под лаптем снежок...
Колобы будут с начинкой,
Парень матёр и высок.

1913. Изредка есть и такие просветления:

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горным, неведомым градом.
Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась

И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.
Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори – не ласка твоя
И лучи – не твои поцелуи?

1915:

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!
Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду

К ногам березы седовласой,
Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.
На мху, как в зыбке, задремать
Под "баю-бай" осиплой ели...

О, пуша-матерь, тучки прядь,
Тумаң, пушистее кудели,
Как сладко брагою лучей

1915:

...Осина смотрит старовойрой,
Как четки, листья обронив,
Забыв хомут, пасется Серко
На глади сонных, сжатых нив.
В лесной избе покой часовни -
Труда и светлой скорби след...

На вашей вечере упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

Как Ной ковчег, готовит дровни
К веселым заморозкам дед.
И вечеру, под дождик сыпкий,
Знать, заплутав в пустом бору,
Зайчонок-луч, прокравшись к зыбке,
Заводит с первенцем игру.

1915: . . Хорошо вечеру при лампадке

Погрустить и поплакать втишок,
Из резной низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок...
... Лишь чулок - как на отмели верши,
И с котом раздружился клубок.
Есть примета: где милый умерший,
Там пустует кольцо иль чулок,
Там божничные сумерки строже,
Дед безмолвен, провидя судьбу,
Глубже взор и морщины... О, Боже -
Завтра год, как родная в гробу!

1916:

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.
В хвойный ладан дохнул папирисой
И плевком незабудку обжѐг.
Зарябило слезинками плѐсо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок - лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.
Заломила черѐмуха руки,
К норке пугает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

1918. Вот какая ему нужна революция – демократическая:

Революцию и Матерь света
В песнях возвеличим
И семирогие кометы
На пир бессмертия закличем!
Ура, осанна, – два ветра-брата
В плащах багряных трубят, поют...
Завод железный, степная хата

Из ураганов знамена ткут
Убийца красной святей потира,
Убить – воскреснуть, и пасть – ожить...
Браду морскую, волосья мира
Коммуна-пряха спрядает в нить.

1918. Вот что он воображал в Коммуне и Советах:

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в "Поморских ответах".

Мужицкая ныне земля,
И церковь - не наймит казенный,
Народный испод шеvelя,
Несется глагол красноречивый...

1919, *«Гимн Великой Красной армии»*:

... Мы — красные солдаты.
Священные штывки,
За трудовые хаты
Сомкнулися в полки.
От Ладоги до Волги
Взывает львиный гром...
Товарищи, недолго
Нам мериться с врагом!...

Да здравствует Коммуны
Багряная звезда:
Не оборвутся струны
Певучего труда!
Да здравствуют Советы,
Социализма строй!
Орлиные рассветы
Трепещут над землей.

1919: И горькое прозрение:

... Не найдется в целой Коммуне
Безутешной моих зрачков
В октябре, как в смуглом июне,
Много алых жгучих цветов.
Польхают они на знаменах,
На товарищеских губах...
В листопадных, предзимних звонах
Притаился холодный страх.
В «Марсельезе» коршуна крики,
И в плакатах буйственный лев.

Генеральским смехом Деникин
Покрывает борьбы напев.
Оттого в опустелом доме
Ненавистна песня сестры...
Мы очнемся в Красном Содоме,
Где из струн и песен шатры,
Где русалкою Содомия
За любовь исходит в плясне...
Обезглавленная Россия
Предстает, как поэма, мне.

1921:

На пуги капканами книги:
Тургенев, жасминный Фет...
На пламенной ли квадриге
вознесется русский поэт?
Иль, как я, переметной сумкой
Будет мыкать горе-судьбу?

Ах, родиться бы недоумкой
Песнолюбящему рабу!
Не знать бы «масс», «коллектива»,
Святых имен на земле!..
Львиный Хлеб – плакучая ива
С анчарным ядом в стволе.

Поэзия рус. севера. Так вот откуда свободо- и трудолюбие рус. северян, – как у финнов. - *«Рождество избы»* из сб. *«Изба и поле»*, 1928:

Кругом земля-землища
Лежит, пьяна дождем,
И бора-старичища
Подоблачный шелом.

Из-под шелома строго.
Грозится туча-бровь...
К заветному порогу
Я припадаю вновь.

От кудрявых стружек тянет смальт,
Духовит, как улей, белый сруб.

Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлители и скуп.

Тепел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шеломок.
Будут рябью писаны подзоры
И Лубянкой выпестрен конек.
По стене, как зернь, пройдут зарубки;
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сон мерещились – легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепя как письма;на;
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.
И когда оческами кудели
Над избой вздохматится дымок –
Сказ пойдет о красном древоделе
По лесам, на запад и восток.

Подобно Есенину в советскую жизнь он мог бы войти как её страдающее отрицание и стал бы современно общенародным. Но не впустили. Он писал о коллективизации - *«Погорельщина»*, 1928-30, апокалипсис России 20 века, хотя без худ. аналитики, иносказательные пророчества гибели деревни и природы: «мертвая тина» Арала, мелющая «синяя Волга», бесплодные нивы, исчезающие птицы...

О рытье Беломор. к-ла *«Песня Гамаюна»* в сб. *«Разруха»*, 1934:

То беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фекла,
Великороссия промокла

Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи ...

Но его попытки опубликовать такое в 1930-е гг. были наивны и обернулись для него клеймом «кулацкого поэта», запретом, арестом, жуткой Нарымский ссылкой и расстрелом.

1937: Есть две страны; одна - Больница,
Другая - Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!
Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывную кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику...
В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы.
Читаю нити: «Н. А. Клюев, -
Певец олонекской избы!»

Самое страшное 20 века осталось вне его публикаций.

Хотя и в «серебряном веке» он тоже чужой, совсем не серебряный. Что ему эти эстеты? Разве краешком, в связи с Блоком и Есениным.

Судьба деревни. Вне истории. Грустно.

Хлебников Велимир (Виктор Вл.), 1885-1922, Астрахань, отец – уч. биолог, мать – историк, народница. Физмат Казан-го ун. + фил-фак. СПб ун-та.

То ли чудак, то ли гений, непонятный почитателям, которые составили и издали его книги «Ряв!», 1913; «Творения», т. 1, и «Изборник стихов», 1914.

Одинокий подвижник-бессребреник всю жизнь занимался «осадами» времени, слова и социальных проблем человечества (сб. «Битвы 1915-1917 гг. Новое учение о войне», 1914, и «Время - мера мира», 1916; «Математическое понимание истории», 1919, «сверхповесть» «Зангези», 1920-22; итоговые «Доски судьбы», [«Законы времени»: числа правят миром], 1920-22, часть их опубликована посмертно (Собр. пр., т. 1-5, Л., 1928-33).

Родоначальник рус. футуристов – бюджетян. Идеи единого «звездного языка» для всех землян, нового «свободного стиха», единства искусства и науки, богоборчество «сверхверы» [≡ разум мира], «Новая книга», 1920, оп. 1928, нового антибурж-го внерыночного государства «Предземишаров», «Ладомир», 1920, спор с Лениным «Дети выдры», поэма «Ночь в окопе», заботами С. Есенина изд. 10 тыс. экз., 1921 г., (абстрактно - битва с деникинс. танками), экологич. ед-во людей с природой, единства Востока и Запада, Севера и Юга.

Похоже, сразу полугений-получудак, но в поэзии точно – дурь, «заумь»:

Заключение смехом (О, рассмейтесь, смехачи!...). 1908

Бобэоби пелись губы / Вээоми пелись взоры..., 1909.

Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.
О, уподобьтесь Святославу
Врагам сказал: «Иду на вы!»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.

С толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня.

Хотя встречаются и хорошие:

Мне спойте про девушек чистых,
Сих спорщиц с черемухой-деревом,
Про юношей стройно-плечистых:
Есть среди вас они - знаю и верю вам.

1908

Витийские интонация Маяковского (Собр. пр., т.2), только обращение не к народу, а к вселенной:

Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
- Мой перстень неслыханных чар
Тебе говорю: Ты!
Ты вспыхнул среди темноты.
Так я кричу, крик за криком,
И на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий

Совет гнездо и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий!
Блаженна стрекоза, разбитая грозой,
Когда она прячется на нижней стороне
Древесного листа.
Блажен земной шар, когда он блестит
На мизинце моей руки!

Из «*Ладомира*», 1920:

... ..
Где битвы алое говядо
Еще дымилось от расстрела,
Идет свобода Неувяда,
Поднявши стяг рукою смело.
И небоскребы тонут в дыме
Божественного взрыва
И обнят кольцами седыми
Дворец продажи и наживы.
Он, город, что оглоблю бога
Сейчас сломал о поворот,
Спокойно встал, едва тревога
Его волнует конский рот.

... ..
[Конец:]
Шагай по морю клеветы,
Пружинь шаги своей пяты!
В чугунной скорлупе орленок
Летит багровыми крылами.
Кого недавно как теленок
Лизал как спичечное пламя.
Черти не мелом, а любовью
Того, что будет чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос ржи.

Маршак, Самуил Як. 1887-1964. Воронеж, сын евр. мастера на мыловар-м заводе. Гимназии СПб, Ялта, Лондонский ун-т. Блестящий переводчик + милые детские стихи.

Асеев (Штальбаум) Ник. Н., 1889 - 1965, реальное уч., филфак, футурист, с фронта в Иркутск, газетчик. ЛЕФ. Героизация «*Двадцать шесть*» - комиссаров, 1925. «*Время Ленина*» – газетная трескотня.

Популярны «*Марш Будённого*» (С неба полудённого). 1923 и «*Синие гусары*», 1925. Дробный ритм, аллитерации, броские шрихи – блеск. Но охота тратить столько труда на пустышку?

Или ему все равно конармейцы или гусары – лишь бы картинка получалась красивая, а что за ней не интересно?

И как это он столь жестоко с М. Цветаевой обошелся? Классовая неприязнь? Но ведь декабристы из его гусар по политическим взглядам – те же кадеты, которые рубились с буденовцами.

Венгерская песня

Простоволосые ивы
бросили руки в ручьи.
Чайки кричали: «Чи вы?»
Мы отвечали: «Ничьи!»
Бьются Перун и Один,
в прасини захрипев.
мы ж не имеем родин
чайкам сложить припев.
Так развивайся над прочими,
ветер, суровый утонченник,
ты, разрывающий клочьями

сотни любовей оконченных.
Но не умрут глаза —
мир ими видели дважды мы,—
крикнуть сумеют «назад!»
смерти приспешнику каждому.
Там, где увяли ивы,
где остывают ручьи,
чаек, кричащих «чи вы?»,
мы обратим в ничьих.

1916

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.
Не сынки у маменек
в помещицьем дому,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.
И не древней славою
наш выводок богат
мы сами литься лавою
учились на врага.
Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку,—
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.
Будет белым помниться,
как травы шелестят,

когда несется конница
рабочих и крестьян.
Все, что мелкой пташкой
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону леги.
Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.
Пусть уздечки звякают
памятью о нем,—
так растопчем всякую
гадину конем.
Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного,
армия — вперед!

СИНИЕ ГУСАРЫ

1
Раненым медведем
мороз дерет.
Санки по Фонтанке
летят вперед.
Полоз остер -полосатит снег.
Чи это там
голоса и смех?
- Руку на сердце свое положи,
я тебе скажу:

– Ты не тронь палаша!
Силе такой становись поперек,
ты б хоть других-
не себя - поберег!

2
Белыми копытами
лед колота,
тени по Литейному
дальше летят.
– Я тебе отвечу,

друг дорогой,
Гибель не страшная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком
голову выбелив,
стать стариком.
Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу - сердце
мое влюблено.

3
Розовые губы,
витой чубук,
синие гусары -
пытай судьбу!
Вот они, не сгинув,
не умирав,
снова собираются
в номерах.
Скинуты ментики,
ночь глубока,
ну-ка, запеньте-ка
полный бокал!
Нальем и осушим
и станем трезвей:
- За Южное братство,
за юных друзей.

Не о Марине ли так же?

Глаза насмешливые сужая,
сидишь и смотришь,
совсем чужая,
совсем чужая, совсем другая,
мне не родная,
не дорогая;
с иною жизнью,
с другой,
иною
судьбой
и песней за спиною;
чужие фразы,
чужие взоры,
чужие дни
и разговоры;

[О коммунизме хорошо:]

Еще за деньги люди держатся,
как за кресты держались люди
во времена глухого Керженца,
но вечно этого не будет.

4
Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан:
впервые читаются
строфы "Цыган".
Тени по Литейному
летят назад.
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа,
гони коней,
утро вечера
мудреней.
5
Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?
Голову на руки
белые свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!
Декабрь 1925

чужие губы, чужие плечи
сроднить и сблизить
нельзя и нечем;
чужие вспышки
внезапной спеси,
чужие в сердце обрывки песен.
Сиди ж и слушай,
глаза сужая,
совсем далёкая,
совсем чужая,
совсем иная,
совсем другая,
мне не родная,
не дорогая.

Еще за властью люди тянутся,
не зная меры и цены ей,
но долго
это не останется —

настанут времена иные.
Еще гоняются за славою —
охотников до ней несметно,—
стараясь бы

хоть тенью славою
остаться на земле
посмертно.

Мне кажется,
что власть и почести —
вода соленая морская:
чем дольше пить,
тем больше хочется,
а жажда всё не отпускает.
И личное твоё
бессмертие
не в том, что кто ты,

как ты, где ты,
а — всех земных племен
соцветие,
созвездие людей планеты!
С тех пор,
как шар земной наш кружится
сквозь вечность
продолжая мчаться,
великое людей содружество
впервые стало намечаться.
Чтоб все — и белые,
и черные, и желтые
земного братства —
вошли в широкие, просторные
края всеобщего богатства.
1956

Багрицкий Эд. Георг. (Дзюбин), 1895-1934. Одесса, из еврейской купеческой семьи, реальное уч. + землемерное. В 1920 г. в ЮгРОСТА. С 1925 в Москве.

Романтизм Дзюбы вовсе не революционный, а ошалелый. Как футуризм и конструктивизм. Гумилевское упоение фантазерской позой. Обычно в блатной версии, удали авантюристов: «*Контрабандисты*», «*Арбуз*», «*Прости, что я звоню тебе так поздно*», «*Надо верить, случится Чудо*», «*Играю за любовь*» и т. п.

Цветастая, на жаргоне и в презрительной манере биндюжников, матросов и воров “героическая” романтизация гражданской войны: «*Фронт*», «*Февраль*» (в черновиках), «*Последняя ночь*», 1932, (с попул-м «*Смерть пионерки*»). Воспевание матросов, казаков... В рев-ых зверствах мечтает искупление, очищение и выход.

Хотя романтика сниженная: «Прочтёт стишок, оторвёт листок, спустит пояс — И под кусток». Но всё же и это самолюбование.

Гордая поза: «Нас водила молодость в сабельный поход. Нас бросила молодость на Кронштадский лёд». (Из «*Смерти пионерки*») И всё миф. Саблей он никогда не махал. В царской армии он — делопроизводитель, в Красной — инструктор политотдела. «Так бей же по жилам, / кидайся в края, / бездомная молодость, / ярость моя!» Зачем? «Чтоб звездами сыпалась / Кровь человечья.[?] / Чтоб выстрелом рваться / Вселенной навстречу». В «*ТВС*» 1929 из преданности ЧК одобрение лжи и убийства: «Но если он скажет «Солги» — солги. Но если он скажет «Убей» — убей».

Особо «*Дума про Опанаса*», 1926 — единственная вещь, где он растерянно *задумался* о трагизме революции, о доле крестьянина, о Махно, о расстреле Когана.

«От черного хлеба и верной жены» – гумилевское горькое осознание себя вырванным из уюта и чужим реальной истории.

Но в «Разговоре с комсомольцем Дементьевым», 1927 надеется, что их романтика вела и «ведет штыки»

Сб. «Юго-Запад», 1928, в пику индустриализации открывает аполитичным «Птицеловом». Вечерами отдыхал в компаниях громил и проституток. «Веселые нищие», 1928? Нищие духом.

Смачная мазня свободы отчаянного пьянства, блуда и грязи.

Предтеча такого же шалого романтизма Тихонова, Сельвинского, Луговского и др. «конструктивистов» с их надеждой на американизацию России.

Гимн Маяковскому

Озверевший зубр в блестящем цилиндре я
Ты медленно поводишь остеклевшими глазами
На трубы, ловящие, как руки, облака,
На грязную мостовую, залитую нечистотами.
Вселенский спортсмен в оранжевом костюме,
Ты ударил землю кованым каблуком,
И она взлетела в огневые пространства
И несется быстрее, быстрее, быстрее...
Божественный сибарит с бронзовым телом,
Следящий, как в изумрудной чаше Земли,
Подвешенной над кострами веков,
Вздуваются и лопаются народы.
О Полководец Городов, бешено лающих на Солнце,
Когда ты гордо проходишь по улице,
Дома вытягиваются во фронт,
Поворачивая крыши направо.
Я, изнеженный на пуховиках столетий,
Протягиваю тебе свою выколенную руку,
И ты пожимаешь ее уверенной ладонью,
Так что на белой коже остаются синие следы.
Я, ненавидящий Современность,
Ищущий забвения в математике и истории,
Ясно вижу своими всё же вдохновенными глазами,
Что скоро, скоро мы сгинем, как дымь.
И, почтительно сторонясь, я говорю:
«Привет тебе, Маяковский!» 1915

Дерибасовская ночью

На грязном небе выбиты лучами
Зеленые буквы: «Шоколад и какао»,
И автомобили, как коты с придавленными хвостами,
Неистово визжат: «Ах, мяу! мяу!»

Черные деревья растрепанными метлами
 Вымели с неба нарумяненные звезды,
 И краснорыжие трамваи, погромыхая мордами,
 По черепам булыжников ползут на роздых.
 Гранитные дельфины - разжиревшие мопсы -
 У грязного фонтана захотели пить,
 И памятник Пушкина, всунувши в рот папиросу,
 Просит у фонаря: «Позвольте закурить!»
 Дегенеративные тучи проносятся низко,
 От женских губ несет копеечными сигарами,
 И месяц повис, как оранжевая сосиска,
 Над мостовой, расчесавшей пробор тротуарами.
 На черных озерах маслянистого асфальта
 Рыжие звезды служат ночи мессу...
 Радуйтесь, сутенеры, трубы дома подымайте
 И у Дерибасовской есть поэтесса!

1915

От черного хлеба и верной жены
 Мы бледною немочью заражены...
 И горечь полыни на наших губах...
 Нам нож - не по кисти, Перо - не по нраву,
 Кирка - не по чести И слава - не в славу:
 Мы - ржавые листья на ржавых дубах...
 Чуть ветер, чуть север - и мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?
 Мы - ржавых дубов облетевший уют...
 Мы в ночь улетаем! Мы в ночь улетаем!
 Как спелые звезды, летим *наугад*...
 Над нами гремят трубачи молодые,
 Над нами восходят созвездья **чужие**,
 Над нами **чужие** знамена шумят...

1926

Контрабандисты

По рыбам, по звездам	Как мимо просвищит,	Коньяк, чулки
Проносит шаланду:	Как двинет барашком	И презервативы...
Три грека в Одессу	Под звонкое днище,	Ай, греческий парус!
Везут контрабанду.	Чтоб гвозди звенели,	Ай, Черное море!
На правом борту,	Чтоб мачта гудела:	Ай, Черное море!..
Что над пропастью вырос:	"Доброе дело!	Вор на воре!
Янаки, Ставраки,	Хорошее дело!"
Папа Сатырос.	Чтоб звезды обрызгали	Двенадцатый час -
А ветер как гикнет,	Грудю наживы:	Осторожное время.

Три пограничника,
 Ветер и темень.
 Три пограничника,
 Шестеро глаз -
 Шестеро глаз
 Да моторный баркас...
 Три пограничника!
 Вор на дозоре!
 Бросьте баркас
 В басурманское море,
 Чтобы вода
 Под кормой загудела:
 "Доброе дело!
 Хорошее дело!"
 Чтобы по трубам,
 В ребра и винт,
 Виттовой пляской
 Двинул бензин.
 Ай, звездная полночь!
 Ай, Черное море!
 Ай, Черное море!..
 Вор на воре!

.....
 Вот так бы и мне
 В налетающей тьме
 Усы раздувать,
 Развалясь на корме,
 Да видеть звезду
 Над бугшпритом
 склоненным,
 Да голос ломать
 Черноморским жаргоном,
 Да слушать сквозь ветер,
 Холодный и горький,
 Мотора дозорного
 Скороговорки!
 Иль правильной, может,
 Сжимаемая наган,
 За воров следить,
 Уходящим в туман...
 Да ветер почуять,
 Скользящий по жилам,
 Вослед парусам,
 Что летят по светилам...

И вдруг неожиданно
 Встретить во тьме
 Усатого грека
 На черной корме...
 Так бей же по жилам,
 Кидайся в края,
 Бездомная молодость,
 Ярость моя!
 Чтоб звездами сыпалась
 Кровь человечья,
 Чтоб выстрелом рваться
 Вселенной навстречу,
 Чтоб волн запевал
 Оголтелый народ,
 Чтоб злобная песня
 Коверкала рот,-
 И петь, задыхаясь,
 На страшном просторе:
 "Ай, Черное море,
 Хорошее море..!"

1927

Разговор с комсомольцем Н. Деменьевым

- Где нам столкнуться!
 Вы - другой народ!..
 Мне - в апреле двадцать,
 Вам - тридцатый год.
 Вы - уже не юноша,
 Вам ли о войне...
 - Коля, не волнуйтесь,
 Дайте мне...
 На плацу, открытом
 С четырех сторон,
 Бубном и копытом
 Дрогнул эскадрон;
 Вот и закачались мы
 В прозелень травы,
 Я - военспецом,
 Военкомом - вы...
 Справа - курган,
 Да слева курган;
 Справа - нога,
 Да слева нога;
 Справа наган,
 Да слева шашка,
 Цейсс посередке,

Сверху - фуражка...
 А в походной сумке -
 Спички и табак,
 Тихонов,
 Сельвинский,
 Пастернак...
 (Только ворон выслан
 Сторожить в полях...
 За полями - Висла,
 Ветер да поляк;
 Военком Дементьев,
 Саблю наголо!..
 Проклюют навылет,
 Поддадут коленом,
 Голову намылят
 Лошадиной пеной...
 Степь заместо простыни:
 Натянули - раз!
 ...Добротными саблями
 Побеюют нас...
 Покачусь, порубан,
 Растянусь в траве,

Привалюся чубом
 К русой голове...
 Не дождался гроба мы,
 Кончили поход.
 На казенной обуви
 Ромашка цветет...
 Пресловутый ворон
 Подлетит в упор,
 Каркнет "nevermore" он
 По Эдгару По...
 "Повернитесь, встаньте-ка,
 Затрубите в рог..."
 (Старая романтика,
 Черное перо!)
 - Багрицкий, довольно!
 Что за бред!..
 Романтика уволена
 За выслугою лет;
 Сабля - не гребенка,
 Война - не спорт;
 Довольно фантазировать,
 Закончим спор.

Вы - уже не юноша,
Вам ли о войне!..

- Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
Лежим, истевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно;
Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеклась,
И книги лежат...
На пустошах, где солнце
Зарыто в пух ворон,
Туман, костер, бессонница
Морочат эскадрон,-

Мечется во мраке
По степным горбам:
"Ехали казаки,
Чубы по губам..."
А над нами ветры
Ночью говорят:
- Коля, братец, где ты?
Истлеваю, брат!-
Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах
Буквы муравьями
Тлеют на листьях...
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...
Пусть покрыты плесенью

Наши костяки -
То, о чем мы думали, [?]
Ведет штыки...
С нашими замашками
Едут пред полком -
С новым военспецом
Новый военком.
Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы -
Это пустяки!

1927

Пастернак Борис Леон. 1890 -1960. Родители из Одессы, отец – художник, акад-к, мать – пианистка.

Гимназия, с 1908 филос. отд. филфак. МГУ. 1912 в Марбурге. Переписка с родственными ему М. Цветаевой и Р.М. Рильке. 1934 - 35 офиц. «лучшим поэтом Сов. Союза». В 1936 восхищенные стихи Сталину. Но упрекали в отрешенности от сов. жизни. “Небожитель” – все-таки верно его аттестовал Иос. Висс.

Камерный отшельник был «тих, медлителен, задумчив». Политикой не интересовался. Даже в газеты не заглядывал. Защитная маскировка? И, д. б., из понятного отвращения. Его уход от «безумного мира» диктатур был, явно, двусмыслен:

О слезы на глазах!
Плачь гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!
О черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора- пора

Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами долин

Отказываюсь плыть –
Вниз по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.
15 марта – 11 мая 1939.

А в Сов. Союзе не такое же «теченье спин»?

Весь поглощен чтением стихов на рус., англ., нем., франц. Да упоен самим процессом сочинительства. Будто, что выйдет, не важно. И говорил сумбурно, трудно ухватить, что хочет сказать. И вдруг – поэма «905 год», вроде бы и тема социальная, и строфы чудные, – как музыка, но даже во внешнеполитическом такие же туманные:

Придается всё.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
И годы проходят,
И тысяча, тысяча лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может, ты-то их,
Море,
И сводишь и сводишь на нет.

Что-то смутно проглядывает, но что? Хотя по сути художественное прозрение очень точное.

Его ругали за эту *смутность* и не знали, как определить. Относили и к символистам, и к футуристам, и к имажинистам, и т. д.

Хотя в его тумане есть обаяние – для любителей смутных настроений. В таком роде удалось сколько-то удачных стихотв-й («Февраль, достать чернил и плакать», «Был утренник, сводило скулы», «На ранних поездах», «Свеча горела...»). Но схватить смуть трудно по определению, и большинство его стихов – просто вялый сумбур. Или намеренные недомолвки – для маскировки от бдительных цензоров?

С годами он и сам это понял, отрекся от своих прежних стихотв-й, стал стремиться к простоте и ясности. Но преуспел мало.

«Доктор Живаго», 1946-55. «Новый мир», 1988, №1-4. Предш. название «Смерти нет». Журн. «Новый мир» (гл. ред. К.Симонов) в 1955 отверг. За публикацию романа в Италии – травля.

Роман композиционно рыхл и вял – «нечитабелен». Калейдоскоп сценок, стихи в прозе, нагнетание эпитетов и символов. Но верные картины старого быта в половодье и озверении революции, душевные страдания и горькие судьбы «думающих людей», одиноких, мечтательных, неприкаянных и, увы, далёких от народа: Лара, чеховский врач Живаго, расстрига Ведепянин, озверевший Стрельников. Барахтаются в потоке в его непонимании – вот и весь смысл бессмыслицы их гибели. Панорама осколков жизни 19 века, убиваемая 20-ым. Интерес книги – современная история. Но многим ли это самим понять?

Мандельштам, Осип Эмильевич, 1891-1938, сын варшавского купца, с 1897 в СПб, Тихв. уч., марксизм, эсер, в 1908-10 ун-ты: Сорбонна, Гейдельберг, СПб, но безалаберно, курса нигде не кончил. С акмеистами. Скитания в гражданку, аресты во врангелевском Крыму,

в меньшевистской Грузии, в сов. России. В 1933 – отчаянно смелая эпиграмма на Сталина: «*Мы живем, под собою не чуя страны...*». Что это? Самоубийство?

В стихах такой же хаотичный: то серьёзен, то ребячлив; начнёт одним, а кончит совсем другим. Как поведёт ассоциация или рифма? Получается будто многозначительный символ. Гадайте, кому охота.

Цветаева, Марина Ив, В 1918–19 сб. «*Лебединый стан*» – сочувствие белым, но тут же «*На красном коне*». В 1922–39 в эмиграции, но душой в России. Нищета и голод. Вернулась изгоем.

Её стихотворения, особенно любовные, восхитительны: истинно женские, живые, безоглядно искренние, порывистые, пляшущие, вихрь. Но эпические поэмы о России и революции – книжные романтические фольклорные фантазии. Отрешена от реальности. Скука. Как же несчастна стала судьба таких баловней.

Маяковский В. В., 1893–1930. Мать – казачка, отец – смотритель маяка в Херсоне, потом лесничий в Грузии.

В 1906 после его смерти семья переехала в Москву. Из 5-го класса гимназии исключён за неуплату. Через студентов сошелся с большевиками, читал маркс-е брошюры, в 1908–10 даже в партии, выполнял задания, трижды сидел в тюрьме, но почему-то его выпускали. Так что его служба большевикам после 17-го была не выслуживанием карьериста перед новой властью, а служением собственной вере.

Почему же романтик комм-й рев-ции не нравился даже больш-ам? Бесталанность? Но ведь есть же сильные стихи, пусть немного.

Начинал он как ущемлённый индивидуалист-бунтарь, ненавистник “бар” и богохульник, удивляющий и сам любующийся своими грубостями. Даже любовная «*Про это*» – надутая хулиганская риторика. Конечно, его своеволие было не по нраву диктаторам.

Однако отталкивала еще его явная *поза*. Служа не столько поэзией (хотя бы воодушевленными револ-ми маршами), сколько агитками – рифмовкой лозунгов и газетных штампов, он превращался просто в рифмованную холодную политическую рекламу, а всякая реклама только раздражает.

Шумят о его свободной рифме, ассонансах (будто у других ее не было), лесенке, неологизмах и т. п. формальных особенностях,

но не замечают главного – *содержательного* отличия. У Пушкина, Лермонтова или Блока большинство стихов, а у Тютчева – Фета, пожалуй, все обращены к самому себе, говорят *душе* человека, есть её упоение. *Прорывы* души к другим редки, – как и в жизни, – происходят на эмоц-х пиках: восторга, возмущения, смеха, поэтому сохраняют душевность. А у Маяковского едва ли не *все* обращены к другим, к толпе: рифмованное ораторство или «разговоры»: призывы, восклицания, бичевания и т. д.

Такая неестест-я взвинченность убивает *задушевность* поэзии и вырождается в фальшивое *пустозвонство*. Д. б., поэтому-то большинством он и не принимался, хотя объяснить своё неприятие они не могли.

Хотя как раз эта его *поза* трибуна и восхищала профессионального политич-го оратора Н. Бухарина (*Этюды...*, с. 197-198). А самострел его удивил, совершенно ему непонятный (с. 198).

Он держался, «наступая на горло собственной песне». И ради чего? Ради политических агиток во славу то побед в гражданской войне, то НЭПа («*Хорошо!*»), то пятилеток и публицист-ких рифмованных од большевикам («поэм» и гимнов) или сатир на чиновников и нереволуционных «мещан», изредка прорываясь душой то к дорогой трудяге товарищу лошади, то к товарищу Нетте.

Бухарин и его коллеги печатали футуриста и устраивали ему аудитории и поездки, собирая толпы поглазеть на горлана. Над головами изумлённых зевак торчал верзила с «лошадиным лицом» (выражение А.Толстого, должно быть, втайне ненавидевшего революционного романтика) в желтой женской кофте и с огромным бантом на шее, но в кепке и с манерами хулигана, и рычал “Левый марш”. Ленин еле терпел “этого шута горохового” – только потому, что товарищи его уверяли, что он партии полезен.

А корыстно присосавшиеся к нему Брики устраивали ему журнальную рекламу ЛЕФа и «любовь втроем», когда Леля сладострастно стенала взаперти со своим Осей, а на время отвергнутый поэт в отчаянии плакал под дверью.

Хотя наружно он всегда щеголял и бравировал грубостью, но как поэт, надо думать, в душе был обидчив и нуждался в ласке. Недостаток образования и начитанности мешал ему участвовать в «умных разговорах» и, как свидетельствуют современники, в обществе он обычно молчал, бормоча в углу сколачиваемые стихи, а

на обращения отвечал отрывистой резкостью. За его славой скандалиста чувствуется боль униженности и одиночества.

Видимо, исподволь накапливалось недовольство не только «прозаседавшимися» бюрократами, но, возможно, и подавлением «старой большевистской гвардии» и торжеством посредственности, свертыванием НЭПа и новым погружением страны в продотряды, бедность, голод и репрессии.

Сквозь маску трибуна и сатирика всё чаще прорывалась боль и отчаяние от гнетущего сознания, что никакой переделки жизни не получилось. Его антинормальная к «Хорошо» поэма «Плохо» из его записей таинственно исчезла.

Он рассорился с Бриками, которые поспешили укатить – «смыться» из мрачнейшей страны, и пришел в РАПП, но там угрюмого гонористого и своенравного «бунтаря» и конкурента на барские милости приняли неприветливо, не как «своего», за что потом униженно оправдывались перед «хозяином».

Обиженного нелюбовью его часто травили. А в итоге он с горечью обнаружил, что на его юбилейную выставку «всех ста томов партийных книжек» не пришел никто ни из писателей, ни из чинов, партии которых он изо всех сил служил 20 лет. (Хотя он позаботился разослать приглашения). Это юбилейное фиаско стало футуристу «разбитым корытом». В последнем «*Во весь голос*» видна эта его горькая обида, одно из немногих у него искренних стихотворений и не странно – лучших. Д. б., он искал утешение в любви, а неудача и здесь и стала последней каплей.

По официальной версии, он застрелился, но и не исключено, что был ловко подстрелен спрятавшимся чекистом: обиженный и капризный ненавистник бюрократии становился опасен.

Над самоубийством «трибуна» антибольшевистски настроенные смеялись не без злорадства: «Жизнь прекрасна и удивительна, – сказал Маяковский и застрелился». Но их-то нелюбовь понятна.

Сталину и Молотову его «*Бюрократиада*», «*Баня*» и др. сатиры всегда не нравились. По их поручению 19 мая 1930 г. в самой «*Правде*» была напечатана большая статья Л. Авербаха и от др. РАППовцев «*Памяти Маяковского*», где даже его дореволюционные стихи обвиняются в «ненависти к жизни» и цинизме – и он квалифицировался как попутчик с агитками.

И его перестали издавать и почти забыли, когда в 1935 г. Леля Брик, бедствуя в Лондоне от безденежья, послала тов. Сталину письмо, корыстно подписавшись его гражданской женой: как же так, ведь он так много сделал для большевиков, а его затирают? И вождь его канонизировал «самым талантливым» – его вновь стали переиздавать, даже включили в школьную программу и монументализировали.

С чего вдруг такой поворот? Должно быть, потому что мертвый он стал не опасен, но мог быть беспрекословно истолкован и служить так, как угодно власти.

Только кто бы его перечитывал? Разве немногие счастливые тепличные молодые романтики революции. Остальные только заглядывали с удивлением и недоумением.

Казенное принудительное возвышение вторично его добило. Печальная судьба.

Есенин Серг. А-др, 1895-1925. В 1904-9 – земское уч-ще, 1909-12 – церковно-учит. училище. Москва, работа в мясной лавке, в типографии Сытина + вольнослушатель народн. ун-та.

Показатель успеха поэта – не рецензии и премии от «знатоков» и чиновников, а народная любовь. Так вот Есенин – самый любимый и самый читаемый и перечитываемый, и это несмотря на всю официальную травлю и запреты. Чем он берёт? Разумеется, прежде всего редкой силы лирическим талантом.

Но не только. До октября 17-го почти все поэты на Руси творили от своей души, от того, что переживали. Иного не приходило и в голову. Исключение составляли декаденты, особенно гумилёвцы, напускавшие на себя *чужие* переживания, «красивые», обычно почерпнутые из книг. Но после установления больш-й цензуры, не просто запрещающей антигосударственные идеи, но еще и требующей *прогосударственных*, такие позёры стали рядиться в прокоммунистов. Иным, даже нейтральным, пройти цензуру удавалось все реже. А Есенин остался, кажется, чуть ли не единственным поэтом, идущим не от выдумки и позы, а от своей жизни, **искренним** до конца. Этой правдой он и берёт за душу.

И перед ним померкла вся банда выдумавших себя романтиков-позёров революции: и Маяковский с ЛЕФом, и Багрицкий с

конструктивистами. Искренностью к нему близки М. Светлов и И. Уткин, хотя без его лирической силы. Да поздний Н. Заболоцкий.

Величайший лирик. Его, казалось бы, такие простые и тихие стихи: «*Не жалею, не зову, не плачу*», «*Спит ковыль*», «*Отговорила роща золотая*», «*Письмо матери*», «*Письмо к женщине*», «*Шагане ты моя*», «*Собаке Качалова*», «*Неуютная жидкая лунность*», «*Каждый труд благослови удача*», «*Я иду долиной*», «*Черный человек*» (Отвращение к себе – в терзаниях совести), «*Анна Снегина*» и др. хрестоматийные – на уровне гениальных.

Жаль, мало успел развернуться. И его близкие друзья, такие же, как он, вышедшие из деревни поэты все кончили печально.

В 1915-16 в Питере либер-ая интел-ция и царица умилялись талантливости стихов дерев-го паренька, но еще больше бесподобной смеси в «душке» наивности, нежности и тщеславной «наглости», а он не без корысти заигрывал перед «барами».

В больш-ках в 1917-19 он увидел торжество мужицкой Руси и уничтожение городской и барской культуры и принял искренне, но разочаровался. Бухарин («*Этюды м-л*», М-Л, 1932), признавая талант (с.203), считал «расхлябанность» и надрывную «слюнявость» «есенинщины» «вредной» для ком. воспитания (204, 208).

Разоряем твоё гнездо – но гляди и пой бодро.

Наиболее значительные поэмы:

«*Пугачев*», 1921. Дерзание – охмеление народа крестьянской мечтой о воле от крестьянского царя – и трусливое разбегание после неудач. Печально. Безфабульно, одни откровения вычурных монологов да перекличка с рев-цией.

«*Страна негодяев*». Драматич-я поэма. 1922-23. Провидческий остросюжетный художественный анализ основных противоборств послерев-ой России: преодоления её отсталости и нищеты, крестьянской косности, небрежности и негосударственности, перенятия Европы и Америки, насильственных колхозов и индустриализации (тогда в проектах) – вплоть до сегодня: «страна громил и шарлатанов» из «*Черного чел-ка*».

Анархист Нوماх (перестановка из Мах+но), русский Робин Гуд, похож на Есенина и выразитель его идей: крестьянской вольницы, разочарованный романтик революции в 17-18 гг. Его анти-типы Рассветов и Чекистов (еврей Лейбман, ← Лейба Бронштейн)

– выразители идей Троцкого и др. больш-ков, волевых диктаторов, готовых на и всё тяжкое.

Основные позиции обозначены, но следствий и решения нет. То, что тревожило страну весь 20-й век. Да и сегодня тревожит.

«*Песнь о великом походе*», 1924. Былинным слогом о Петре и двух веках после него.

«*Русь уходящая*», «*Русь советская*». 1924. Смелая лирика о своих обидах и надеждах в рев-цию.

«*Гуляй-Поле*», 1924. Новый подход к теме рев-ции. О понятном ему задорном герое Махно и непонятном феномене Ленина. Неоднократно читал друзьям, но сохранился только абстрактно-патетический отрывок о Ленине.

Должно быть, поэт думал о решающей роли в гражданке крестьянства: как и Есенин, в 17 оно начинало с больш-ми, но обособилось. Именно повстанцы – партизанская армия Махно не дала немецким оккупантам воспользоваться Брестским договором, остановили их грабежи и изгнала, также, как и их союзников - националистов Петлюры (Махно был за Украину в составе России), сорвала наступление деникинцев на Москву, позволив красным их остановить, а в 20-ом помогла разгромить Врангеля. После чего стала больш-ам ненужной и опасной и подавлена казаками.

Орешин Петр Вас., 1887-1938, Аткарск, сын приказчика в лавке и швей. Много старше Ес-на. В его стихах деревня не столько поэтическая, сколько некрасовс-я. Был потрясен смертью любимого поэта:

«*Сергей Есенин*»:

Сказка это, чудо ль,
Или это - бред:
Отзвенела удаль
Разудалых лет.
Песня отзвенела
Над родной землей.
Что же ты наделал,
Синеглазый мой?
Отшумело поле,
Пролилась река,
Русское раздолье,
Русская тоска.
Ты играл снегами,
Ты и тут и там

Синими глазами
Улыбался нам.
Кто тебя, кудрявый,
Поманил, позвал?
Пир земной со славой
Ты отпировал.
Было это, нет ли,
Сам не знаю я.
Задушила петля
В роще соловья.
До беды жалею,
Что далеко был
И петлю на шее

Не перекусил!
Кликну, кликну с горя,
А тебя уж нет.
В черном коленкоре
На столе портрет.
Дождичек весенний
Окропил наш сад.
Песенник Есенин,
Синеглазый брат,
Вековая просинь,
Наша сторона...
Если Пушкин - осень,
Ты у нас - весна!

В мыслях потемнело,
Сердце бьет бедой.

Что же ты наделал,

Раскудрявый мой?!
1926

В 1937 г. арестован, в 1938 расстрелян.

Ширяевец (Абрамов) А-др Вас. 1887-1924, из симб. дер-ни. От голода семья переехала в Ташкент. Там в тоске ему чудилась Волга:

Есть ли что чудесней
Жигулей хребтов?

А какие песни
С барок и плотов!..

Стих его залихватский, – плясы. Но отрыв от родины вызывал её непонимание, желание «уйти в старину от нынешней неразберихи, ото всех этих истерических воплей, называемых торжественно «лозунгами»». И стихи получались общими и банальными.

Вскоре по возвращении неожиданно умер от непонятной болезни. Потрясенный Есенин откликнулся стихотвор. «*Мы теперь уходим понемногу*» и завещал похоронить себя рядом с Шурой.

Ганин А-кс А-кс, 1893-1925, сын вологодского крестьянина, гимназия и фельдш. учил. в Вологде. В стихах блоковская грусть, деревенские образы строги, язык общелит-ый.

Левый эсэр, в большевиках видел угрозу России, в первую очередь крестьянству («*России*», 1918; поэмы «*Сарай*», 1917, «*Былинное поле*», 1917-23). Раздумья о её будущем в романе-притче «*Завтра*» (1923). Незадолго перед отъездом Есенина в Ленинград, в ноябре 1924 Ганин (и с ним еще семеро) был арестован, обвинен в «фашистском» заговоре, от пыток сошел с ума и весной 1925 г. расстрелян.

Может быть, такая угроза гнала Есенина за границу?

Клычков Серг. Ант, 1889-1937, сын тверского сельского сапожника, старообрядца, был знаком с М. Горьким, поднялся до филфака МГУ.

Стихи: тоска и тревога, утешение в тишине природы, в простоте и дружелюбии. Дружил с Есениным. И это когда великий вождь Сталин учит обострению классовой ненависти и борьбы, а тут какой-то писака грезит о доброте. В 1930 гг. заклеямен «кулацким поэтом», в 1937 расстрелян.

Тогда же расстрелян и старший друг Есенина – Н. Клюев.

Тихонов Ник. С., 1896-1979, сын петерб-го парикмахера и портнихи. Торговая школа. С 1914 гусар на фронте. В 1918 - РККА. Тоже в объятии Гумилёва и Кипплинга. Характер между 1917 и 1920:

Вот и верю я палубе шаткой,
И гусарским упругим коням,
И случайной походной палатке,
И любви расточительно-краткой,
Той, которую выдумал сам.

Весёлый и бесноватый, вот чем он вдохновился в 1918 году:

Не плачьте о мёртвой России
Живая Россия встаёт, -
Её не увидят слепые,
И жалкий её не поймёт.... («О России»)

«Перекресток утопий»:

Мир строится по новому масштабу.
В крови, в пыли, под пушки и набат
Возводим мы, отталкивая слабых,
Утопий град - заветных мыслей град...
Мы не должны, не можем и не смеем
Оставить труд, заплакать и устать:
Мы призваны великим чародеем
Печальный век грядущим обновлять...

Утопия - светило мироздания,
Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь, -
Иль новый день в невиданном сиянье,
Иль новая, невиданная ночь! 20 ноября 1918

Гражданка. 1922 – сб. стихов «Орда», «Брага». «Баллада о звездах» «Баллада о синем пакете», – «голая скорость» сюжета, без души. Моряки послушно погибли по обреченному приказу – и мораль: «Гвозди б делать из этих людей: / Крепче б не было в мире гвоздей». Получается оправдание любых чиновных безобразий. Даром что Сталин так его любил.

Потом запутанные поэмы «Лицом к лицу» и «Выра», 1926-27.

1927 – путевые очерки «Поиски героя», о Туркмении, 1935 о Кахетии. Рассказы по военным воспоминаниям – 1926-33.

В осажденном Ленинграде стихи и поэма «Киров с нами».

Руководитель ССП.

Сельвинский Илья Льв-ч, 1899-1968, Симферополь, ев-ря семья меховщика, скорняка. 1915-19 гимназия в Евпатории. Влияние Гумилева. Грузчик, репортер, актер. Анархист-махновец в Черной

гвардии Маруси Никифоровой. После разгрома отряда - в красноармейцы. Общфак МГУ ок-л в 1923. С 1922 инструк-р в Центросоюзе, в 1928-32 в «Союзпушнине». Корр. «Правды».

Колоритная поэма «Уляляевщина», 1924, публ. 1927, - смачно и метко описано восстание и разгром анархо-кулац. банды романтизированных Уляяева и Штейна и схем-го комиссара Гая. Но действие перенёс на Урал.

Сб. ст. «Рекорды». 1926. До 1932 *конструктивист*: тактовик, рифма на функц-х словах, «дубльреализм»: документы, цифры.

Трагедия «Командарм-2», 1928: конфликт двух командармов - нарек на борьбу Сталина и Троцкого. «Мы шли за Лениным, Керенским, Махно».

Роман в стихах «Пушторг», 1928, в своб-м стиле «Евгения Онегина» – конфликт спеца с ком. бюрократом, против НЭПа.

Но все это пестрая проза с рифмами; поэзии нет.

Позже помалкивал об этих вольностях молодости. Автобиогр. роман «О, юность моя!», 1966. Но в старости та же горечь, но об измене ком. идеалам. В них верит. И в их торжество в Ленинское время [- ?].

Итак, в тюрьме я снова.
Ну, что же. Рад весьма.
Чем хороша тюрьма?
В тюрьме - свобода слова!

1920, Симферополь. Белогвардейская тюрьма

На скамье бульвара

На скамейке звёздного бульвара
Я сажу, как демон, одинок.
Каждая смеющаяся пара
Для меня — отравленный клинок.
«Господи! — шепчу я. — Ну, доколе?»
Сели на скамью она и он.
«Коля!» — говорит. А что ей Коля?
Ну, допустим, он в неё влюблён.
Что тут небывалого такого?
Может быть, влюблён в неё и я?
Я бы с ней поговорил толково,
Если б нашу была скамья;

Руку взял бы с перебоем пульса,
Шёпотом гадал издалека,
Я ушной бы дырочки коснулся
Кончиком горячим языка...
Ахнула бы девочка, смутилась,
Но уж я пардону б не просил.
А она к плечу бы прислонилась,
Милая, счастливая, без сил,
Милая-премилая такая...
Мы бы с ней махнули в отчий дом...
Коля мою девушку толкает
И ревниво говорит: «Пойдём!» 1920

[А ведь в это время (в 1920 г.) в Крыму больш-ки ежедневно тысячами расстреливала таких же, как ты, только за то, что их мо-

билизовали не в Кр-ю армию, а в Белую. А население дошло от голода. Неужто крымчак не знал об этом в «республике Ленина»?]

Нас много одиноких. По ночам
Мы просыпаемся и шарим спички,
Закуриваем. Стонем по привычке
И мыслим о начале всех начал.
В окошко бьются листья золотые.
Они в гербах и датах. Полночь бьёт.
А мы всё курим, полные забот.
Нас много одиноких. Вся Россия. 1937

**Мы отвыкли мыслить, и для нас
Каждая своя мыслишка - ересь.
Мыслить мы отвыкли, не чинясь,
Чинопочитанию доверясь;
Ум живёт на медные гроши...
Где ж ты, ясновиденье? Прозренье?
Только и осталось от души,
Что неукротимое презренье. 1937**

Нет опаснее! вещи,
Чем так называемый ум:
Он всегда раздражается, вечно
Подымает в народе шум.
К чему ж бюрократской касте
Такому кадить выдвигенцу?
Россия при всякой власти
Истребляет свою интеллигенцию. 1949

[Когда терроризировали народ: интелл-ю, потом крестьян и рабочих, - не возмущался и не замечал. А когда террор распространился на самих демонов, не нравится. Но ведь этот закон революции известен заранее – пожирать своих вожаков. Среди самих буянов наконец возникает потребность унять своих самых ретивых буянов, которые никак не могут остановиться – «перманентных». И воцаряется тотальная бюрократическая диктатура. А потом и она разлагается.]

В часы бессонницы

Спит девчурка. Деловито спит.
Спит до новых синяков и ссадин.
Спит жена и носиком сопит:
Милая, она устала за день.

Я ж устал не за день, а за век,
За тысячелетье! Боже, боже...
Вспоминаю вереницу вех
И боюсь, боюсь их подытожить.

Ах, Россия, горе ты моё!
Для того ли Пугачёв и Разин,
Чтоб тебя облапило хамьё
На идейно-философской базе?
Ленин поднимался для того ль,
Чтобы наглые «Чего-Извольте»
Миллионы человеческих волей
Превращали в человековольты?
Кто он, нынешний городской?
Это человечина с дипломом!
Пас он в детстве яловку за домом,
Эхо окликакая под горой,
А потом попал в номенклатуру,
Эту книгу голубых имён,
Растерял крестьянскую натуру,
Чинопочитаньем умилён -
Что ему теперь в твоей Коммуне?
Что ему его родимый дол,
Если, вылезши из тёмной клуни,
В анфиладу светлую вошёл?
Будет ли ему в Коммуне лучше?
Станет ли вольготней для родни?
Что он там такого заполучит,

Без чего бытует в *эти* дни?
Пусть рабочему мала зарплата,
Пусть крестьянин даже недоест,
Служащий в приглаженный заплатах
Пусть застенчиво плетётся в трест.
Пусть за неудачей неудача,
Пусть в него стреляет анекдот -
Перед хамом главная задача,
Чтобы шло всё так же, как идёт.
Чтоб навек одни и те же люди
Были руководству суждены,
Самосудом сбивши правосудье,
Начихав на мнение страны,

Слушай, хам в нейлоновых кальсонах,
Лже-партиец, нео-дворянин!
Эти мысли в полночах бессонных
Я переживаю не один.
Так задумайся и ты немного,
Хоть на миг, наморщив гладкий лоб:
Низовые массы даже в бога
Веруют, покуда верит поп. 1952

В Ленинско-Сталинском мавзолее

**Войдётся - и огромные мысли рванутся,
И от волнения в горле шар:
В двух саркофагах сны революции -
Грёза её [! т. е. все же небыль?] и её кошмар. 1956**

Союз писателей

Был удав моим председателем,
Был зайчишка моим издателем,
Зато критиком был медведь!
Чтобы быть российским писателем,
Бо-ольшое здор-ровье надо иметь. 1956

Карусель

Впрочем, что мы знаем о богатстве?
Дятел не советчик соловью.
Я ведь сам на солнечном Пегасе
Прокружил всю молодость свою;
Я ведь сам, хмелея от удачи,

Проносья по жизни, как во сне,
Шахматные разрешал задачи
На своём премудром скакуне.
Эх ты, кляча легендарной масти,
На тебя все силы изведя,
Человечье упустил я счастье:
Не забил ни одного гвоздя. 1958

Andante

Живу, дышу, а в душе обида...	Да-да, всё та же родина гаек,
Пронесются волны, ржаво гремя...	Лишь поднялась на верхний этаж.
Ты затонула, как Атлантида,	Стоит на железных протезах страна,
Республика Ленина [?], юность моя.	Отчаянно не подавая вида,
Другая взошла и стоит на сваях,	Что затонула, как Атлантида,
Всех заверяя, будто всё та ж,	Республика золотого <i>сна</i> . 1959

[Неужели он искренне? Или новая маска? Обычная старческая прокрустаия памяти?]

Империи были с орлами,
Теперь обходятся без.
Где ты, красный парламент,
Свободных [?] дискуссий блеск?
Сменил их чёрный порох,
Съела седая ложь.
Царят пауки, о которых
У Маркса не прочтёшь.

Для них молочные реки,
Для них кисель-берега.
Орехи? Чихать на орехи?
Была б на курке рука.
(А Русь, в поту перемыта,
Влачит немое житьё.)
Коммуна не пирамида:
Рабам не построить её. [!] 1963

[Почти понял ложь исходной Марксовой «научной» идеи – установление свободы коммунизма через *диктатору!* Об этом бы в 17-ом, а не после 1991.]

Исаковский Мих. Вас., 1900-73. Смоленщина. Из крест-й бедняцкой семьи. С 1918 большевик, в 1921-31 газетчик. В 1926 подержал начинающего молодого Твардовского. В 1927 г. сборник его стихов «*Провода в соломе*» похвалил М. Горький – и в 1931 Исаковский переехал в Москву в его газету «Колхозник».

Политич. проблем революции, экономики, войны не касается. Не разбирался? Доверчив? Из осторожности? Не давали?

Стихи простенькие – сюжетные в народном стиле – позднего Некрасова. Легко ложились в песни: «*Вдоль деревни*», «*Провожа-*

ные», «И кто его знает», «В лесу прифронтовом», «Летят перелётные птицы», «Одинокая гармонь». «Огонёк» – народом пелся в иных версиях, горьких: «Покалечило ноженьку и помяло мне грудь. – Ковыляй понемножечку. Проживешь как-нибудь».

Самые знаменитые – антиподы: офиц-я оптимистическая *«Катюша»*, 1938, музыка М. Блантера для джаз-оркестра!, и искривленная трагическая *«Враги сожгли родную хату»* – его вершина. Её хулили: победитель не должен плакать. Только в 1960 Марк Бернес прервал её запрет.

Поэма «Сказка о правде», 1945-1946, напечатана лишь в 1987 г. Суть сюжета: светлой правды нет нигде; сушая правда трудна и горька, а есть только святая ложь – подвиг для утешения, ободрения и спасения людей её путеводной звездой. Горький, что ли, научил его этой идее святого лжеца Луки? Выходит, совсем не так он простодушен, как хочет казаться.

Русской женщине

...Да разве об этом расскажешь
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.
Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все - без конца и без счёта -
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.
Одной тебе - волей-неволей -
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают всё ниже,
А громы грохочут всё ближе,
Всё чаще недобрая весть.
И ты перед всею страной,
И ты перед всею войною
Сказалась - какая ты есть.
Ты шла, затаив своё горе,

Суровым путём трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.
В холодные зимы, в метели,
У той у далёкой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начинённых тобой.

За всё ты бралась без страха.
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела - иглой и пилой.

Рубила, возила, копала -
Да разве всего перечтёшь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живёшь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый её,

Враги сожгли родную хату

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.
Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: "Встречай,
Прасковья,
Героя-мужа своего.
Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник
возвращения
К тебе я праздновать пришел..."
Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

"Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам..."
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
"Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил..."

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

Луговской Вл. А., 1901-57. Москва. Отец – учитель лит-ры, гимназия, ун-т, в 1918-24 на гражданке. 1926 – сб. «Сполохи», 1929 – «Мускул», 1929-30 – «Страдания моих друзей». 1930-32 «Большевикам пустыни и весны», «Середина века».

Впечатления по поездкам: «Европа», 1933, «Каспийское море», 1936.

В 1937 постановл-е СП: Нек. стихи «политически вредные».

Известны «Песня о ветре», «Курсантская венгерка». Красивая картинка, но фальшь. В сущей суровости не до поэзии и самолюбования. Впечатления по поездкам: «Европа», 1933, «Каспийское море», 1936.

Курсантская венгерка

Сегодня не будет поверки,
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку, -
Идёт девятнадцатый год.

В большом белораморном зале
Коптилки на сцене горят,
Валторны о дальнем привале,

О первой любви говорят.

На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом,
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталём.

Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски,
Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары -
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чинёных тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улицах склад темноты.
И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

- Ты что впереди увидела?
- Заснеженный чёрный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон?

Заветная ляжет дорога
На юг и на север - вперёд.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовёт.

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах - декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам;
Четвёртку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потёртого банта
Навеки уносится прочь.
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идёт -

девятнадцатый год.

1939

Заболоцкий Ник. А-кс, 1903-58. Отец – агроном, мать из поповен. Из-под Казани переехали в Сернур, с 1913 – Уржумское реальное уч-ще. В 1920 в Москву на медфак у-та, бросил, в Пг. – Пед. ин-т, отд. яз. и лит. В 1925-27 армия. Детские стихи.

«*Столбцы*», 1929. Влияние В. Хлебникова, но критика символистов: они дают не таинственную сущность мира, а свои субъективные виденья с невольным антропоморфным и аллегорическим одухотворением предметов природы: реки, цветов, кошек...

Обэриуты (объед-е реального искусства) – за очищение поэзии от эмоций, за наукообразную натурфилософию. Сатирические пародии на мещан, Бальмонта, Достоевского. В метафорах, бурлескных до абсурда, за гармонией и одухотворением природы открывает хаос и смерть. Вызвали дискуссию.

«*Торжество земледелия*», 1933. По Хлебникову футуристско-ироническую поэму с комическими преувеличениями или упрощениями толковали опасно: «пасквиль на коллективизацию».

«Вторая книга», 1937. Прежние натурфилософские стихи + «Прощание» (Памяти Кирова) + «Горькая симфония» (О Сталине).
И всё же арест и Гулаг, 1938-44.

После Гулага новые мотивы: не «добро», а «доброта», сострадание. Но воздерживался от публикаций. Только в «оттепель» → «Стихотворения», М., 1957 открыли его новым: беспатетичные, но музыкальные щемящие прекрасные стихи, близкие к Пушкину – Баратынскому: «Последняя любовь», «Некрасивая девочка», «Старая актриса», «Два мира есть у человека», «Где-то в поле возле Магадана», «Противостояние Марса», «Казбек», знаменитое «Признание»: *Очарована околдована / С ветром в поле когда-то повенчана / Вся ты словно в оковы закована / Драгоценная ты моя женщина....*

Светлов (Шейнкман) Мих. Арк., 1903-64. Екатеринослав, отец – ремесленник, влияние махновцев. В 1917 гор. уч-ще, работа на товарной бирже, в типографии. С 1919 в комсомоле, зав. отделом, редактор журнала «Юный пролетарий». С 1920 служил в РККА.

Рабфак, МГУ. Против НЭПа, в 1927 – троцкист, подпольные листовки.

Эти идеи отразились в популярных песнях: «Каховка», «Гренада» (1926). Любил Есенина («*День сегодня был короткий...*»).

Есть романтика, но грустная, как несбывшаяся мечта, без позы. Просто боевые эпизоды.

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко» - песню
Держали в зубах.
Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?
Он медлит с ответом,

Мечтатель-хохол:
- Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь -
Гренадская волость
В Испании есть!
**Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.**
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»
Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей

Грамматику боя -
Язык батарей.
Но где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?
Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервое
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»
Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.

С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»
Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко» - песню

Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...
Новые песни
Придумала жизнь...

Не надо, ребята,
О песне тужить,
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

ПЕСНЯ О КАХОВКЕ (1935)

Каховка, Каховка - родная винтовка -
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка -
Этапы большого пути.
Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...
Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

АРТИСТ

Четырем лошадям
На фронте Большого театра -
Он задаст им овса,
Он им крикнет веселое "тпру!".
Мы догнали ту женщину!
Как тебя звать? Клеопатра?
Приходи, дорогая,
Я калитку тебе отопру.

Покажу я тебе и колодец,
И яшень любимый,
Познакомлю с друзьями,
К родителям в гости сведу.
Посмотри на меня -
Никакого на мне псевдонима,
Весь я тут -
У своих земляков на виду.
В самом дальнем краю
Никогда я их не позабуду,
Пусть в моих сновиденьях

Иосифу Уткину

Оно повторится стократ -
Это мирное поле,
Где трудятся близкие люди
И журавль лениво бредет,
Как скучающий аристократ.

Я тебе расскажу
Все свои сокровенные чувства,
Что люблю, что читаю,
Что мечтаю в дороге найти.

Я хочу подышать
Возле теплого тела искусства,
Я в квартиру таланта
Хочу как хозяин войти.

Мне б запеть под оркестр
Только что сочиненную песню,
Удивительно скромную девушку
Вдруг полюбить,... 1948

Уткин Иосиф Павл., 1903-44. Отец - ж-д. служ. Иркутск, с 1920 комсомол, газетчик, «Комс. правда».

«Комсомольская песня», 1934 – шаблон:

Мальчишку шлёпнули в Иркутске.

Ему семнадцать лет всего ...

А рядом с героикой – чувствительные романсы.

Слово Есенину (Отрывок, конец)

...Есть ужас бездорожья,

И в нём - конец коню!

И я тебя, Серёжа,

Ни капли не виню.

Бунтующий и шалый,

Ты выкипел до дна.

Кому нужны бокалы,

Бокалы без вина?..

Кипит, цветёт отчизна,

Но ты не можешь петь!

А кроме права жизни,

Есть право умереть. 1926

Любил, но не понимал и не чувствует его трагедии. Как и М.Светлов. И по существу одобрил его конец.

Стихи о потерянной собаке

О, как это близко и знакомо!

...Толпа тротуаром плывёт,

А пёс, потерявший хозяина,

Во мне его ищет... И вот

Он тычется мордой в прохожих...

Обнюхает боты, пальто,

Посмотрит - как будто похожий,

А в душу заглянет - не то!

Жестоко разлукой терзаемый,

Я чувством собачьим томим:

Я тоже утратил хозяина

Над сердцем дурацким моим.

И в банде красавиц прохожих

Кидаюсь, как пёс, под авто,

Я тоже встречаю *похожих*

И в ужасе вижу - не то!

1938

Сестра.

Когда, упав на поле боя -

И не в стихах, а наяву, -

Я вдруг увидел над собою

Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною

Страданья моего сестра, -

Боль сразу стала не такую:

Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили

Живой и мёртвою водой,

Как будто надо мной Россия

Склонилась русой головой!..

1943

Жаров А-др А-кс, 1904-84. Сын дерев-го трактирщика. Можайское реаль. училище, 1918 – сек-рь комсом. ячейки, потом в ЦК РКСМ, 1920 – общфак МГУ.

Простодушно солнечные простенькие стишки для простодушных детей, маленьких и больших, каких, полудеревни - полугорода, тогда было миллионы. И рядом романсы.

Гимн пионеров: *«Взвейтесь кострами»*, 1922 - на упрощенный мотив марша из оперы Гуно «Фауст»:

«Взвейтесь кострами, / Синие ночи! / Мы — пионеры, / Дети рабочих. / Близится эра / Светлых годов, / Клич пионера: / «Всегда будь готов!»

Популярна была поэма *«Гармонь»*, 1926 - многослов-я риторика во славу комсомольцев и их дружбы с гармонью.

Песенки: *«Грустные ивы»*, 1941, *«Заветный камень»*, *«Ходили мы походами»* 1952, *«Мы за мир»*, *«Где ты, утро раннее?»*

Корнилов, Борис Петр. 1907-38, сын сельс. учителя, с 1922 искр. комсомолец, но в 1925 едет в Л-д к Есенину, опоздал.

Вошел в группу *«Смена»*, брак с О. Берггольц, 1928 сб. *«Молодость»*, в 1932 написал о ликвидации кулаков [Уже!], его обвинили в их защите. Спасла поэма *«Триполье»*, 1933 - о зверствах «кулацкой банды» зелёных в 1919 г. В 1933 еще два сб. Смеялся над бегством белых, воображал их всех монархистами, а Пушкина чуть ли не больш-ком. Порядочный наив в политике. Но стихи прекрасны - от всей души, свежие и яркие жизненные образы. Иногда коряво.

Сколько искреннего оптимизма в его *«Встречной»*. Неужели ни Корнилов, ни Шостакович тогда ничего не ведали, что творится в стране по сёлам и весям?

Горько запил. В 1937 арест: «троцкист-террорист», в 1938 расстрелян. (Для выполнения спущенной квоты на расстрел.)

Лошадь, 1925

Дни-мальчишки, вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова, -
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.
Гладил уши, морду тихо гладил
И глядел в печальные глаза.
Был с тобой, как и бывало, рядом,
Но не знал, о чём тебе сказать.
Не сказал, что есть другие кони,
Из железа кони, из огня...
Ты б меня, мой дорогой, не понял,
Ты б не понял нового меня.

Говорил о полевом, о прошлом,
Как в полях, у старенькой сохи,
Как в лугах немятых и некошенных
Я читал тебе свои стихи...
Мне так дорого и так мне люблю
Дни мои любить и вспоминать,
Как, смеясь, тебе совал я в губы
Хлеб, что утром мне давала мать.
Потому ты не поймёшь железа,
Что завод деревне подарил,
Хорошо которым землю резать,
Но нельзя с которым говорить.

В нашей волости, 1927:

По ночам в нашей волости тихо,
Незнакомы полям голоса,
И по синему насту волчиха
Убегает в седые леса.
По полям, по лесам, по болотам
Мы поедем к родному селу.
Пахнет холодом, сеном и потом

Мой овчинный дорожный тулуп.
Скоро лошади в мыле и пене,
Старый дом, донесут до тебя.
Наша мать приготовит пельмени
И немного поплачет любя.
Голова от зимы поседела,
Молодая моя голова.

Но спешит с озорных посиделок
И в сенцах колобродит братва.
Вот и радость опять на пороге -
У гармошки и трели, и звон;
Хорошо обжигает с дороги
Горьковатый первач-самогон.
Только мать поглядит огорчённо,

«Песня о встречном»

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?
Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.
. . .И с ней до победного края
Ты, молодость наша, пройдёшь,
Покуда не выйдет вторая

Перекрестит меня у дверей.
Я пойду посмотреть на девчонок
И с одною уйду поскорей.
Синева... И от края до края
По дорогам гуляет луна...
Эх ты, волость моя дорога
И дорожная чашка вина!..

Навстречу тебе молодёжь.
И в жизнь вбежит оравую,
Отцов сменя.
Страна встаёт со славою
На встречу дня.
Такою прекрасною речью
О правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
Навстречу труду и любви!
1932

[Сколько здесь искреннего оптимизма. Неужели ни Корнилов, ни Шостакович тогда не ведали, что творится в стране?]

В Нижнем Новгороде с откоса
чайки падают на пески,
все девчонки гуляют без спроса
и совсем пропадают с тоски.
Пахнет липой, сиренью и мятой,
небывалый слепит колорит,
парни ходят — картуз помятый,
папироска во рту горит.
Вот повеяло песней далёкой,
ненадолго почудилось всем,
что увидят глаза с поволокой,
позабитые всеми совсем.
Эти вовсе без края просторы,
где горит палисадник любой,
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.
Влажным ветром пахнуло немного,
лёгким дымом, травую сырой,
снова Волга идёт как дорога,
вся покачиваясь под горой.
Снова тронутый радостью долгой,

я пою, что спокойствие — прах,
что высокие звёзды над Волгой
тоже гаснут на первых порах.
Что напрасно, забытая рано,
хороша, молода, весела,
как в несбыточной песне, Татьяна
в Нижнем Новгороде жила.
Вот опять на песках, на пармах
ночь огромная залегла,
дует запахом чахлых черёмух,
налетающим из-за угла,
тянет дождиком, рваную тучей
обволакивает зарю, —
я с тобою на всякий случай
ровным голосом говорю.
Наши разные разговоры,
наши песенки вперебой.
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.
(19 ?)

Разговор, 1936

Верно, пять часов утра, не боле.
Я иду - знакомые места...
Корабли и яхты на приколе,
и на набережной пустота.

Изумительный властитель трона
и властитель молодой судьбы -
Медный всадник поднял першерона,
яростного, злого, на дыбы.

Он, через реку коня бросая,
города любит красой,
и висит нога его босая, -
холодно, наверное, босой!
Ветры дуют с оста или с веста,
всадник топчет медную змею...
Вот и вы пришли на это место -
я вас моментально узнаю.
Коротко приветствие сказали,
замолчали, сели покурить...
Александр Сергеевич, нельзя ли
с вами по душам поговорить?
Теснотой и скукой не обижу:
набережная - огромный зал.
Вас таким, тридцатилетним, вижу,
как тогда Кипренский написал.
И прекрасен и разнообразен,
мужество, любовь и торжество...
Вы простите - может, я развязен?
Это - от смущенья моего!
Потому что по местам окрестным
от пяти утра и до шести
вы со мной - с таким неинтересным -
соблаговолили провести.
Вы переживёте бронзы тленье
и перемещение светил, -
первое своё стихотворенье
я планиде вашей посвятил.

Вы меня теперь не трогте —
мне не петь, не плясать —
мне осталось только локти
кусать.
Было весело и пьяно,
а теперь я не такой,
за четыре океана
улетел мой покой.

[А теперь, в 1935, прозрел?]

Впрочем, скучно говорить о смерти,
попрошу вас не склонять голову,
вы стихотворению не верьте, -
я ещё, товарищи, живу.

Всё уйдёт. Четыреста четыре
умных человеческих голов
в этом грязном и весёлом мире
песен, поцелуев и столов.
Ахнут в жижу чёрную могилы,
в том числе, наверно, буду я.

И не только я, а сотни, может,
в будущие грозы и бои
вам до бесконечия умножат
люди посвящения свои.
Звали вы от горя и обманов
в лёгкое и мудрое житьё,
и Сергей Уваров и Романов
получили всё-таки своё.
Вы гуляли в Царскосельских соснах -
молодые, светлые года, -
гибель всех потомков венценосных
вы предвидели ещё тогда.
Пулями народ не переспора,
им в Аничковом не поплясать!
Как они до Чёрного до моря
удирали - трудно описать!
А за ними прочих вереница,
золотая рухлядь, ерунда -
их теперь питает заграница,
вы не захотели бы туда!
Бьют часы уныло... Посветало.
Просыпаются... Поют гудки...
Вот и собеседника не стало -
чувствую пожатие руки.
Провожая взглядом... Виден слабо...
Милый мой, неповторимый мой...
Я иду по Невскому от Штаба,
на Конюшенной сверну домой.

Шепчут листья на берёзах:
- Нехороший ты, хмельной...
Я иду домой — твердых
обхожу стороной.
Пиво горькое на солоде
затопило мой покой...
Все хорошие, весёлые —
один я плохой. 1935 (?)

Лучше мы о том сейчас напишем,
как по полированным снегам
мы летим на лыжах, песней дышим
и работаем на страх врагам.
1933

Ничего, ни радости, ни силы,
- и прощай, красивая моя.
.....
Сочиняйте разные мотивы,
всё равно недолго до могилы.

1935 (?)

Кедрин Дм. Бор., 1907-45. Донбасс, отчим – счетовод ж. д., от интелл-ой бабушки проникся рус. классикой. В Днепропетровске 1922- 24 техникум + самообразование. В комсомольских газетах стихи в железном стиле Пролеткульта, но с внутренней душевностью. В 1929 г. в тюрьме на 15 месяцев за недонос на знакомого с белой родней. С 1931 – в Москве в редакции в «Мол. гвардии» и Гослитиздата. Замкнут и молчалив. Загадочно убит.

При жизни печатали редко. «Кукла» – наивно и трогательно, как филантроп-комсомол защищает бедных и дарит куклы их девочкам. Грустные стихи о природе искренни, просты, но банальны. Популярны жестокие баллады «Сердце», «Кровь», «Бродяга».

Уходил в историю с прозрачной аналогией – о народных творцах и подлых – свирепых властях: «Рембрандт», 1940, «Алёна-старица», «Конь», 1940, «Зодчие», 1938 – его вершина, яркое и сильное переложение народной легенды о строителях храма Василия Блаженного и царской милости им.

Тарковский, Арс. А-др, 1907 – 89. Дед поляк, народник, по тюрьмам и ссылкам, журналист. Отец - банковский служащий. С юности покл. Бальмонта, Ф. Сологуба. В Москве лит. курсы, сотрудник «Гудка». Отец знам-го кинорежиссера Андр. Тарковского.

Твардовский А-др Триф. , 1910 -1971.

Твардовский – это советский стилизованный Кольцов, голос затюканного советского крестьянина, – и честного, и вынужденно хитрого. Поэтому часто говорит, ничего не говоря душой, – холодно. Но экивоками многое сказал. И литературным царедворцем стал ловким, умеющим дурачить хозяев. Исхитрился сделать «Новый мир» органом легальной оппозиции, «шестидесятников» в пику «Октябрю» В. А. Кочеткова.

«Василий Теркин»: с юмором, шутливо и просто о величии труда в подвигах войны, характеры и эпизоды – восхитительно истинны и без идеологии, без упоминаний о партии и Сталине. Но всё же **не** во весь голос.

«Дом у дороги» – эта его жалоба собрала всю рвущую боль пережитого. Хотя без осмысления трагедии.

«За далью даль». Зевотная газетная болтовня про сердце родины, беды Кореи, волжские стройки и т. п. Местами придорожные

сцены и воспоминания детства. Горькая исповедь о причинах писательского бесплодия.

«Вас. Теркин на том свете» – газетная критика сталинизма.

Берггольц Ольга Фед. 1910-75, дочь хирурга, дед – латыш. В 1925 в «Смене», курсы ИИС, филфак ЛГУ. В 1933 – арест, от побоев выкидывш мертвого. «...Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят: "живи"». С 1940 снова в ВКП (б). Изломанная, опустошенная.

Талантлива, хотя выдвинуто много пустых риторических стихов.

Беатриче, 1927:

Почему у нас не могут
так лелеять и любить?
Даже радость и тревогу
не укроешь от обид...
Почему у нас не верят,
а позорно и смешно

так любить, как Алигьери
полюбил тебя — давно?..
И напрасно сердце кличет,
затихая ввечеру,
Беатриче, Беатриче,
непонятную сестру.

Борису Корнилову, 1939:

О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь,
а может, узнаешь? Скажи!
Не стану прощенья просить я,
ни клятвы напрасной не стану давать.
Но если — я верю — вернешься обратно,
но если сумеешь узнать,—
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоем,—
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою — о чем.

Не искушай доверья моего.
Я сквозь темницу пронесла его.
Сквозь жалкое предательство друзей.
Сквозь смерть моих возлюбленных детей.
Ни помыслом, ни делом не солгу.
Не искушай - я больше не могу...

...Израшила и душу опалила,
лишила сна, почти свела с ума...

Подбирают фомки и отмычки,
Чтоб живую душу отмыкать.
Страшно мне и больно с непривычки,

Не отнимай хоть песенную силу, -
не отнимай, - раскаешься сама!
Не отнимай, чтоб горестный и славный
твой путь воспеть.

Чтоб хоть в немой строке
мне говорить с тобой, как равной
с равной, -
на вольном и жестоком языке!
Осень, 1939

Не простить обиды, не понять.
Разве же я прятала, таила
Что-нибудь от мира и людей?

С тайным горем к людям выходила,
С самой тайной радостью своей.
Но правдивым — больше всех не верят.
Вот и я теперь уже не та.

Что ж, взломайте...
За последней дверью
Горстка пепла, дым и пустота.
1940.

Разговор с соседкой, 5.12.1941

Дарья Власьева, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоём.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своём.
Вот мы прожили почти полгода,
полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьева, с тобой.
О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,

бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...
Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...
Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаёшь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?»
Вынесешь. Дотерпишь. Доживёшь.

Отрывок, окт.1942

...Но я живу в квартире, где зимой
чужая чья-то вымерла семья.
Всё, что кругом, — накоплено не мною.
Всё — не моё, как будто б я — не я.
И точно на других широтах мира,
за целых два квартала от меня,
моя другая — прежняя квартира,
без запаха жилого, без огня.
. . Я редко прихожу туда, случайно.
Войду — и цепенею, не дыша:
ещё не бывшей на земле печалью
без слёз, без слов терзается душа...

...Да я ли здесь жила с тобой? Да я ли
кормила здесь когда-то дочерей?
Меня ль, меня ль глаза твои встречали
у тёплых, у клеёнчатых дверей? . . .
...Я всё отдам — любовь, и вдохновенье,
и славу, щедро данную войной, —
за ту одну минуту возвращенья
к тебе, под кров домашний, старый, мой...
Как будто я ослепла и оглохла:
не услышать тебя, не увидеть.
Я слышу только дождь: он бьётся в стёкла,
и только дождь такой же, как тогда...

Когда ж ты запоешь, когда
Откроешь крылья перед всеми?
О, возмести хоть миг труда
В глухонемое наше время!
Я так молю — спеша, скорбя,
Молю невнятно, немо, глухо...

Я так боюсь забыть тебя
Под непрерывной пыткой духа.
Чем хочешь отомсти: тюрьмой,
Безмолвием, подобным казни,
Но дай хоть раз тебя — самой,
Одной — прослушать без боязни.
1951

Взял неласковую, угрюмую,
С бредом каторжным, с темной думою,
С незажившей тоскою вдовьей,
С непрошедшей старой любовью,
Не на радость взял за себя,
Не по воле взял, а любя.

Мартынов Леонид Ник., 1905-80, Омск, отец – гидротехник, мать – уч-ца.. С 1921 – газетчик. 1932 – арест и ссылка в Вологду. «*Стихи и поэмы*», Омск, 1939, с 1942 в СП, с 1946 – в Москве. Успех – «*Стихи*», 1955.

Рифмованные морализирования по происшествию. Одобряемая поза.

И вскользь мне бросила змея:
- У каждого судьба своя! -
Но я-то знал, что так нельзя -
Жить, извиваясь и скользя. 1949

БОГАТЫЙ НИЩИЙ

От города не отгороженное
Пространство есть. Я вижу, там
Богатый нищий жрет мороженое
За килограммом килограмм.
На нем бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрет мороженое...
Пусть жрет, пусть лопнет! Мы - враги!

Поэзия

Отчаянно сложна,
И с этим очень многие боролись,
Крича, что только почвенность нужна,
В виду имея только хлебный колос.
Но иногда, в словесном щебне роясь,
И там, где не восходит ни зерна,
Её мы обнаруживаем,

То есть

Она везде, и не её вина,
Что, и в земле и в небе равно кроясь,
Как Эребус, венчая Южный полюс,
Поэзия не ребус, но вольна
Звучать с любого белого пятна,
Как длинная и средняя волна,
И на волне короткой весть и повесть!

1970

Смеляков Яр. Вас., 1913-72, сын ж-д-ка, деревенская школа, рабфак. С 1934 в СП и тут же в Гулаг. В 1941 солдат, из финского плена – снова в Гулаг.

Через войну и лагеря пронёс простодушное восхищение комсомольцами 1920-х. (Полулагерная поэма «*Строгая любовь*».1956, и позже, в 1968 – «*Товарищ комсомол*»).

Из влюблённости в мечту революции, социализма и России раздувает в себе патетически красивые фантазии ярких образов и

Если я заболёю,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь я к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
Постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте ночную звезду.
Я ходил напролом. Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову горной дорогой
и укройте меня одеялом в осенних цветах.
Порошков или капель – не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада –
Вот чем стоит лечить.
От морей и от гор так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь: вечно живём.
Не облатками белыми путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а – Млечным Путём.

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живет.
Ее золотые косицы
затянуты, будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
как в поле, мелькают цветы.
И вовсе, представьте, неплохо,
что рыжий пройдоха апрель
бесшумной пыльюцо веснушек
засыпал ей утром постель.
не зря с одобреньем веселым
соседи глядят из окна,
когда на занятия в школу
с портфелем проходит она
В оконном стекле отражаясь,
по миру идет не спеша
хорошая девочка Лида.

Да чем же она хороша?
Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встаёт.
Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
"Хорошая девочка Лида", –
в отчаяньи он написал.
Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
так Гейне, наверно, любил.
Он вырастет, станет известным,
покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
для этой огромной любви.
Преграды влюбленному нету:

смущенье и робость – вранье!
На всех перекрестках планеты
напишет он имя ее.
На полюсе Южном – огнями,
пшеницей – в кубанских степях,
на русских полянах – цветами
и пеной морской – на морях
Он в небо залезет ночное,

все пальцы себе обожжет,
но вскоре над тихой Землею
созвездие Лиды взойдёт.
Пусть будут ночами светиться
над снами твоими, Москва,
на синих небесных страницах
красивые эти слова.

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.
Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.
В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подмостках.
Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.
В блиндажах подземных, а не в сказке
Наши жены примеряли каски.
Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.
На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.
Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.
Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие тувельки надели.
Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.
Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.
Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

Симонов, Конст. Мих., 1915 - 79. Больше пустомеля. Но есть и несколько хороших. *«Жди меня», «Ты помнишь, Алёша...», 1941*

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слёзы они вытирали укладкою,
Как вслед нам шептали: - Господь вас спаси! -

И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.
Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.
Ты знаешь, наверное, всё-таки Родина -
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.
Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и с песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.
Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.
Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: - Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём.
«Мы вас подождём!» - говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» - говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.
По русским обычаям, только пожараща
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.
Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Слуцкий Борис, 1918-86. Юр. инс-т, из ЛИ в 1941 в политотдел дивизии. Известность пришла к нему в 1956-64.

Антипоэтизация. Тяжелый, прозоподобный стих о труде, войне, фашизме и т. п. Скучная проза, зачем-то кое-как срифмованная.

Остался верным большевиком, а Сталин для него – предатель революции.

Фатьянов Ал. Ив., 1919 – 59. Из купеч. семьи г. Вязники Влад. обл. После НЭПа все отобрали. Переехали под Москву. Актер и поэт. Но мало издавали. Его стихи, искренние и нежные, но внесоциальные (Или за этим – *анти-социальные?*), были популярны в песнях: «*Соловьи*», «*Где ж ты, мой сад?*», «*Первым делом, первым делом самолёт-ты*», «*В городском саду играет духовой оркестр*», «*Тишина за Рогожской заставой*», «*Давно мы дома не были*», «*Где же вы теперь, друзья-однополчане?*», «*Если б гармошка умела...*», «*Однажды ночью лунною*» и др.

Спился. Знакомые шутили: «Вы видели Фатьянова не пьяного? Ну, значит, не Фатьянова». Должно быть, на душе у него было не так весело, как в песнях. Но цензура наступала на горло его песне.

Межиров А-др Петр., 1923-2009. Сын юриста – медика и учительницы. Из школы в 1941 на фронт. С 1946 в СП, Сб. «*Дорога далека*», 1947, «*Коммунисты, вперед!*», 1950. Выдержанно советский не выдержал, с 1999 – в США.

О войне – рифмованное газетное описание случаев, хотя искренне. Со временем научился идти от жизни, но остались описательность и казённая дидактика - сопоставлениями.

Как я молод - и страх мне неведом,
Как я зол - и сам чёрт мне не брат,
Пораженьям своим и победам
В одинаковой степени рад.
В драке бью без промашки под рёбра,
Хохочу окровавленным ртом,
Всё недобро во мне, всё недобро.
...Я опомнюсь, опомнюсь потом.

1970

Я люблю - и ты права,
Ты права, что веришь свято,
Так, как верили когда-то
В эти вечные слова.
Я люблю... Так почему,
Почему же, почему же

Мне с тобой гораздо хуже
И трудней, чем одному?
Прохожу всё чаще мимо,
И любовь уже не в счёт,
И к себе Неотвратимо
Одиночество влечёт.

1984

Я по утрам ищу твои следы:
Неяркую помаду на окурке,
От мандарина сморщенные шкурки
И полглотка недопитой воды.

И странно мне, что я тебя забуду,
Что вспоминать не буду никогда.
Твои следы видны везде и всюду,
И только нет в душе моей следа.

Коржавин Наум Моис. (Мандель Эмм.), 1925 -

В 1945 в ЛИ, в 1948 арест и ссылка. Публиц-е стихи в духе Д. Самойлова, но еще в 1945- 50 гг.: зависть декабристам и Пушкину.

В 1945 г. - «16 октября»:

Календари не отмечали
Шестнадцатое октября,
Но москвичам в тот день - едва ли
Им было до календаря.
Все переоценилось строго,
Закон звериный был как нож.
Искали хлеба на дорогу,
А книги ставили ни в грош.
Хотелось жить, хотелось плакать,
Хотелось выиграть войну.
И забывали Пастернака,
Как забывают тишину.

Стараясь выбраться из тины,
Шли в полированной красе
Осаганевшие машины
По всем западным шоссе.
Казалось, что лавина злая
Сметет Москву и мир затем.
И за граница, замирая,
Молилась на Московский Кремль.
А там в Москве, в пучине мрака,
Встал воплотивший трезвый век
Суровый жесткий человек,
Не понимавший Пастернака.

В 1972 г.: Я не разлюбил свою страну...

Тут дело хуже: я в неё не верю...

Стараться выплыть? Но куда? Не стоит.

И я тону. В небытии тону.

В 1974 г. - эмиграция в Бостон.

Просмеивает культ Бродского.

В прозе все-таки легче изощрения в эзоповом обходе цензуры. А поэзия – непосредственное выражение души, поэтому требует искренности, а она – свободы и при тоталитарной диктатуре оказывается «непечатной» – и вот после Есенина – пустыня. Почти ничего стоящего не явилось. Сердечность не ко двору диктатуре.

Осторожная искренность *Исаковского* и *Твардовского* получалась либо холодной, либо частичной. Потому-то они и работали главным образом подобно прозе – сюжетными картинками. Нет глубины, детская фольклорная простота.

Один чудаковатый *Мандельштам* вздумал изливаться откровенно, несмотря на все гонения и аресты, и заплатил за свою душевную свободу адской жизнью и адской смертью.

Молодого Заболоцкого сразили на взлёте.

Б. Пастернак прикрывался демократической революцией: «1905 год» и «*Лейтенант Шмидт*» – и спрятался «небожителем» в своей Переделкинской даче, предаваясь в стихах уклончивой блаженно-скудной болтовне, далёкой от земных болей, хотя считался «соратником Маяковского», а потому после него «первым советским поэтом». После 20-го съезда и обличений Сталина наивно воодушевился честно описать жизнь «*Доктора Живаго*», а, неожиданно попав в опалу, скис.

Стихи *А.Ахматовой* вызывают недоумение: мазки иногда верны и настроение как будто б есть, но о чём? – неясно, сухо и обрывисто; мелочность превращается в многозначительное величие. И впрямь такие стихи “рождаются из сора”, а не “новых впечатлений бытия”. Но, сколько она не рисуйся, а в суровых советских буднях много ли охотников гадать над этими ребусами? Да спасибо тов. Жданову вкуче с самим ЦК ВКП(б): в 46 г. они снизошли со своего величия чиновно-хамски создать ей грандиозную рекламу салонной блудницы-набожницы и опасной оппозиционерки-великомученицы. После такого сакрального мифа и нобелевки не надо.

Многие её стихи вынужденно осоветились. Даже её самый горделиво бесстрашный «*Реквием*» – о том, как “не под чуждым небосводом,.. я была тогда с моим народом”, в “окаменелых страданиях” в “тюремных очередях”, – по поэтическому качеству посредствен, хотя, конечно, выше обычных советских виршей. Литературная молодежь её почитала, *не читая*, просто как представителя «серебряного века», а прочитав, тоже удивлялась бледности...

Так парт идеологи, комм-ий утопист Маяковский и конформисты победили-таки. Но, как бывает с неправдой, их победа обернулась поражением. Поэзия в стране почти полностью вымерла. Остались одни «агитки». Печатные советские стихи были рифмованной сов-ой газетой, – даже лучшие, как у Л. Мартынова, в ещё лучшем случае – рифмованной посредственной газетной прозой, изредка лиричной, как у К. Симонова. И всем-то они нравились

ком. чиновникам, но одна беда – их никто не читал. Тем более в хрущевскую «оттепель», когда открылись Солженицын, Шаламов, Абрамов, А. Кузнецов, Астафьев и др.

На эту потребность оживить пустыню и явилась фальшиво «стадионная (или «эстрадная») поэзия» советских “лояльных” шестидесятников, – таких как Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина.

Рифмованные витии декламировали «под Маяковского» явно при поддержке верхов в ЦК партии, комсомола и “органов”, тоскующих о новых «талантливейших». Без высочайшего покровительства невозможен был их допуск в залы и стадионы, в кинохронику, в саму «Правду» и другие центральные газеты и журналы и даже в поездки на Запад, якобы частные, да еще с выступлениями, да притом защита «трибунов» от критиков и ворчливое прощение им всяких политических «заскоков» и «неоднозначности». Ю. Левитанский поделом их пародировал.

Евтушенко (Гангнус, по отцу, прибалтийскому немцу), Евг. А-др., род. 1933. Рифмач. Кое-как срифмованная претенциозная публицистика, где среди избитых лозунгов и прочих газетных штампов своему агенту дозволялась фронда, непозволительная другим. И не только нападки на сталинистов. Но даже открытие в стране под алыми знаменами пародии на древнеегипетскую деспотию: рабов, надсмотрщиков, писцов, жрецов и фараона. («*Братская ГЭС*», // «Юность», апрельский номер 1965 г.).

Вознесенский, Анд. Анд., 1933-2010, сын профессора, сановного директора Гидропроекта. Комнатный мальчик с книжными знаниями, не знающий жизни, добрая прекрасная душа, но сухой, упоенный своими скучными эпатажными выкрутасами с метафорами, аллегориями и модерными словами: орбиты, Рубенсы, фары – его «реактивного стиля». Манерный мальчик «в журнальчике играл в слова». А за этим ничего, кроме ходульных чужих чувств и убогих чужих идей. Рекламирвала эстрада и мюзикл. По Вольтеру: “Если слова слишком глупы, чтобы говорить, их поют”.

Рождественский, Роберт Ив. (Станисл-ч.) 1932-94, отец С. Н. Пенкевич, поляк, сотрудник НКВД, погиб в Литве. В войну детдом. Отчим – армейский политработник. Стихи – газетный пафос на газетные темы, гневные или восторженные, крикливые или дидактические штампы, героические баллады и т. п.

Но он сразу же выделился среди эстрадных мушкетеров: в нем теплилась искренность, к счастью, допустимая к «печати» благодаря политической наивности «сына Веры», веры в чудесный «возврат к ленинизму», для него – к доброте, совести и т. п.

Разумеется, его субъективная честность не делала его рифмованную официозную риторику правдой и привлекательной для земных читателей. Но когда он поворачивался от «позы Маяковского» к темам любви к жизни, к жене, к дочери, к родине и т. п., являлись чудесно прекрасные стихи: «*Я в глазах твоих утону, можно?*», «*Эхо любви*», «*Дочке*», «*Там, за облаками*», «*Огромное небо*» и др.

Конечно, с годами романтик эпохи прозревал и о многом сожалел и раскаивался. Такова его с трудом пропущенная «*Поэма о разных точках зрения*». // «Юность», 1967:

«На планете вместо //светочей ума //встанут Эвересты // нашего дерьма!»

А во время и после развала и «обновления» страны в тяжелых переживаниях он заболел. Последние горькие стихи:

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле...
Что-то я сделал не так? /Извините:
жил я впервые /на этой Земле.

Я её только теперь ощущаю.
К ней припадаю. /И ею клянусь.
И по-другому прожить обещаю,
если вернусь... Но ведь я /не вернусь.

Ахмадулина, Белла Ахат., 1937-2010. Дочь татарского зам. министра и русской итальянки. 1957-60 Лит. ин-т. Ей повезло.

За что несколькими годами раньше А. Ахматову высочайше обхамили на весь свет – за стихи о томлении своей женскости, тем теперь Белла чудесно фрондировала. Это значило: отныне советской молодежи разрешается не «наступать на горло собственной песне» и признаваться в любви не только к Окт-й революции.

И еще одним она выбивалась из остальных бодрых трибунов – вечно надрывной печалью, с 17 года предосудительной для совет-

ских авторов. Но о чём печаль? – неясно и ей самой, но к советской действительности как будто не относится. Ну, так пусть себе.

За что такую же нежную девочку с таким же певучим голосом годами раньше исключали из ун-та и запрещали, – за «антиактуальность» и «упадочничество», – за то, теперь Беллу, наоборот, включили в эстрадную плеяду «новых» поэтов, сделав всесветную рекламу. Отныне сов-ой молодежи разрешалось изысканная туманная грусть. Оттепель. Великая победа в освобождении личности – признание ортодоксами своего отступления.

И декламация подходящая – высокопарная и подвывающая, как в «серебряном веке», – и в темах переключка с 19 веком.

Д. б., таковы были мотивы её выбора на парнасскую рекламу.

Даже за диссидентство её не карали – за выступления в защиту Пастернака, Ахматовой, Сахарова, Владимова... Пусть себе.

Казакова Римма Фед., 1932-2008. Дочь офицера, истфил ЛГУ, лектор, газетчик. Стишки беспаросные и бойкие, но пустые, ничего не остаётся. Их ведёт не настроение и образ, а рифма, приходящая в голову, + наивный или напускной партийный романтизм, – удобный для карьеры: вышла в секретари СП.

Так из хитрого проекта ЦК- КГБ ничего не получилось. Весь шум был тщетным. Фальшивых пустозвонов народ не любил.

Лишь с конца 1950-х, с «оттепели» стали появляться неказенные искренние стихи, такие как воскресший поздний Заболоцкий, печальный Н. Рубцов, прекрасно грустный Б. Окуджава или многим известные Д. Самойлов, Ю. Левитанский, В. Соколов.

Самойлов Д. (Кауфман Давид Самуил.), 1920-1997. Сын врача. Из ИФЛИ – на фронт, потом жил в Эстонии, печатался с 1958 г. В своих стихах идет от рус. классиков. Уже свободен от одобряемой позы и сладко-горьких чар святого Луки. Прекрасно, умно, но в глубине – грустное неверие.

Так, но большее потом дошли до печали неверия усталый
Окуджава и истерзанный Высоцкий – в миллионах душ. Охотни-
чьи красные флажки стали не страшны – и дракон рассыпался.

Стройный мост из железа ажурного,
Застеклённый осколками неба лазурного.
Попробуй вынь его
Из неба синего -
Станет голо и пусто.
Это и есть искусство. [1955]

Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И всё разрешено. 1966

Пестель, поэт и Анна.

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нём, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем».
Он думал: «И, конечно, расцветёт
Его талант, при должном направленьи,
Когда себе Россия обретёт
Свободу и достойное правленьи».
- Позвольте мне чубук, я закурю.
- Пожалуйте огня.
- Благодарю.

А Пушкин думал: «Он весьма умён
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?»

Шёл разговор о равенстве сословий.
- Как всех равнять? Народы так бедны, -

Заметил Пушкин, - что и в наши дни
Для равенства достойных нет сословий.
И потому дворянства назначенье -
Хранить народа честь и просвещение.
- О, да, - ответил Пестель, - если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
- Увы, - ответил Пушкин, - тех основ
Не пожалеет разве Пугачев...
- Мужичий бунт бессмыслен... - За окном
Не умолкая распевала Анна.
И пахнул двор соседа-молдавана
Бараньей шкурой, хлебом и вином.
День наполнялся нежной синевою,
Как вёдра из бездонного колодца.
И голос был высок: вот-вот сорвётся.
А Пушкин думал: «Анна! Боже мой!»

- Но, не борясь, мы потакаем злу, -
Заметил Пестель, - бережём тиранство.
- Ах, русское тиранство-дилетантство,
Я бы учил тиранов ремеслу, -
Ответил Пушкин.

«Что за резвый ум, -
Подумал Пестель, - столько наблюдений
И мало основательных идей».
- Но тупость рабства сокрушает гений!
- На гения отыщется злодей, -
Ответил Пушкин. Впрочем, разговор
Был славный. Говорили о Ликурге,
И о Солоне, и о Петербурге,
И что Россия рвётся на простор.
Об Азии, Кавказе и о Данте,
И о движенье князя Ипсиланти.

Заговорили о любви. - Она, -
Заметил Пушкин, - с вашей точки зренья
Полезна лишь для граждан умноженья
И, значит, тоже в рамки введена. -
Тут Пестель улыбнулся. - Я душой
Матерьялист, но протестует разум. -
С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: «В этом соль!»

Они простились. Пестель уходил
По улице разъезженной и грязной,
И Александр, разнеженный и праздный,
Рассеянно в окно за ним следил.
Шёл русский Брут. Глядел вослед ему

Российский гений с грустью без причины.

Деревья, как зелёные кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
Он эту фразу записал в дневник -
О разуме и сердце. Лоб наморщив,
Сказал себе: «Он тоже заговорщик.
И некуда податься, кроме них».

В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пёс. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвой.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал - распевает Анна.
И задохнулся: «Анна! Боже мой!» 1965

Левитанский Юр. Дав., 1922-95, с 1939 г. ИФЛИ, с 1941 фронт, солдат, лейтенант, с 1943 фр. газетчик. С 1948 – дембель, послевоенная бедность. Сб в Иркутске. 1955-7 – Лит. ин-т, чл. СП, пародист. Сб. *«Земное небо»*, 1963 принес нек. известность. Сб. *«Воспоминания о красном снеге»*, 1975. Гос. премия 1996 г.

В стихах как-то одинок и запоздал. Издали дружил с Д. Самойловым: у обоих фронт отнял юность; из жесткого мальчишества тяжело входить сразу в серьезную взрослость.

Пишет без выкрутас, просто, грустно и иронично. Иногда прозаично поэтически – это лучшее. Правдивая прозаическая поэзия обыденности.

В ожидании дел невиданных,
из чужой страны,
в сапогах, под Берлином выданных,
я пришёл с войны.
Огляделся. Над белым бережком
бегут облака.
Горожанки проносят бережно
куски молока.
И скользят, на глаза на самые
натянув платок.
И скрежещут полозья санные,
и звенит ледок.
Очень белое всё и светлое –
ах, как снег слепит!
Начинаю житьё оседлое –
позабытый быт.

Пыль очищена, грязь соскоблена
и – конец войне.
Ничего у меня не скоплено,
всё моё – на мне.
Я себя в этом мире пробую,
я вхожу в права –
то с ведёрком стою над прорубью,
то колю дрова.
И картофель жую отваренный,
ко всему готов –
скудно карточки отоварены
хлебом тех годов...
Мы сидим над едою строгою,
и печь холодна.
Ребятишки, играя, трогают
мои ордена...

– Ну что с того, что я там был?
Я был давно, я всё забыл.
Не помню дней, не помню дат,

Ни тех форсированных рек.
– Я неопознанный солдат,
Я рядовой, я имярек.

Я меткой пули недолёт,
Я лёд кровавый в январе. . .
– Ну что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть?
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне –

Она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
Дрожит на скулах у меня.
Уже меня не исключить
Из этих лет, из той войны,
Уже меня не излечить
От тех снегов, от той зимы.

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку -
каждый выбирает для себя.

Здесь обычай древний не нарушат.
В деревянный ставень постучи -
чай заварят, валенки просушат,
тёплых щей достанут из печи.

В этих избах, в этой снежной шире,
белыми морозами дыша,
издавна живёт она - Сибири
щедро хлебосольная душа.

... ..

Так я и жил бы на свете, но вот,
откуда – не знаем сами,
у нас появился рыжайший кот,
маленький, но с усами.
Этакий крохотный дуралей
с повадками пса-задиры,
некоронованный царь зверей
в масштабах нашей квартиры.
И я подружился с этим котом
за то, что сколько угодно
он слушал молча меня, и притом
слушал весьма охотно.

Сколько раз меня в крестьянской хате
приглашали к скромному столу!
Клади на ночь только на кровати,
сами ночевали на полу.

Провожая утром до ограды,
говорили, раскурив табак, -
дескать, чем богаты, тем и рады.
Извиняйте, если что не так!..

Мои стихи ему по нутру,
и он изящным движеньем
принюхивается к моему перу
с нескрываемым уважением.
Так, взволнованы и тихи,
рядом сидим часами,
курим табак, читаем стихи
и шевелим усами.

И я теперь признаться готов –
пусть меня не осудят:
встречаются и среди котов
очень чуткие люди!

Мне нравится иронический человек.
И взгляд его, иронический, из-под век.
И чёрточка эта тоненькая у рта –
иронии отличительная черта.

Мне нравится иронический человек.
Он, в сущности, – героический человек.
Мне нравится иронический его взгляд
на вещи, которые вас, извините, злят.

И можно себе представить его в пенсне,
листающим послезавтрашний календарь.
И можно себе представить в его письме
какое-нибудь старинное - милсударь.

Но зря, если он представится вам шутком.
Ирония - она служит ему щитом.
И можно себе представить, как этот щит
шатается под ударами и трещит.

И всё-таки сквозь трагический этот век

проходит он, иронический человек.
И можно себе представить его с мечом,
качающимся над слабым его плечом.

Но дело не в том - как меч у него остёр,
а в том - как идёт с улыбкою на костёр
и как перед этим он произносит: - Да,
горячий денёк - не правда ли, господа!

Когда же свеча последняя догорит,
а пламень небес едва ещё лиловат,
смущённо - я умираю - он говорит,
как будто бы извиняется, - виноват.

Собирались наскоро,
обнимались ласково,
пели, балагурили,
пили и курили.
День прошёл - как не было.
Не поговорили.
Виделись, не виделись,
ни за что обиделись,
помирились, встретились,

шуму натворили.
Год прошёл - как не было.
Не поговорили.
Так и жили - наскоро,
и дружили наскоро,
не жалея тратили,
не скупясь дарили.
Жизнь прошла - как не было.
Не поговорили.

Соколов Вл. Ник. 1928-97. Сын воен-го инженера и архивистки, обожавшей А. Блока. В 1948 *«Памяти товарища»*, - о военном детстве. Сб. *«Утро в пути»*, 1953, в СП.

Притворяется казенным и сам трагически страдает от того. Но о природе и любви к тверской родине задушевно и истинно: *«На станции»* (1950), *«Вечер на Родине»* (1951), *«Окраина»* (1953), *«Звезда полей»* (1963), *«Селигер»* (1963) *«Лучшие годы я прожил»* (1972), *«Еще гудели где-то паровозы»* (1984).

1945: Я люблю незнакомые улицы,
А особенно осенью в дождь,
Когда небо темнеет и хмурится,
Пробегаёт деревьями дрожь.

1971: Будет час

И человек, похожий на меня,
Найдет мою потрепанную книжку,
И я в душе грядущей оживу
На миг. И в этом все мое бессмертье.
Светлейте, птицы, зеленейте, травы.

Да упасет вас время от потравы,
А нам другой совсем не надо славы,
Как только той, что будет. Иногда.

1978: Что-нибудь о России?
Стройках и молотье?
Все у меня о России,
Даже когда о себе.

[Лучше бы: Только когда о себе.]

Всё чаще жалобы на страшный 20 век и на своё стиховое при-
творство. Страшное признание в 60 лет, старик:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек. 1988 г.

1988: Увы, все эпохи в России режимны,
И света, к несчастью, в них меньше, чем тьмы:
Вчера распевались партийные гимны,
А нынче гнусаются глупо псалмы.
Убийства, предательства, войны, измены —
Все прочее так себе, вовсе не в счет.
Какие тут, к черту, в стране перемены?
Причем тут забитый народ? [...]

Это уже прощание с советской романтикой и с будущим.

Дементьев Андр. Дм., 1928 - Тверь. Отец – агроном, мать –
служащая. Газетчик, поздний комсомольский карьерист.

Вместо поэтичности – печальные назидания. В 1949 из Пед –
в Лит. инс-т, с 1950 – в партию, газетчик, с 1967 инструктор ЦК
ВЛКСМ, ред. в изд. «Мол-я гвардия», с 1972 ред., в 1981-92 – гл.
ред. ж. «Юность». Десятки сов. песен: «Яблоки на снегу», «Лебе-
диная песня» и др., редко исполняемых. Друг стадионных поэтов.
В 1993 подписал «Письмо 42-х» с одобрением подавления путча.
Представитель в Израиле – отозван, ведущий на ТЦ – уволен.

Вместо поэтичности – печальные назидания и сетования.

Грядущее не примирить с минувшим.

Не подружить «сегодня» и «вчера».
Я кораблем остался затонувшим
В той жизни, что, как шторм, уже прошла.
Но память к кораблю тому вернулась.
Рискованная, как аквалангист.
Она вплыла в мою былую юность,
И снова я наивен, добр и чист... 1986

Я упрямый романтик ушедшего века.
Верил я, что для счастья воспрянет земля.
Но от веры осталась лишь горькая метка,
Как от взрыва воронка, - в душе у меня.

Живу не так, как бы хотелось.
Заели суета и быт.
И осторожность, а не смелость
Порою мной руководит. ...

Живу не так... но, слава богу,
Я различаю свет и мрак.
И не судите слишком строго
Вы все, живущие не так.
[Оправдывает себя.]

Всё суета... И вечный поиск денег,
И трата их, и сочиненье книг.
Всё суета. Но никуда не денешь
Своей тоски, протяжной, словно крик.

Не я один живу в такой неволе,
Надеясь на какой-нибудь просвет.
Мы рождены, чтоб сказку сделать болью.
Но оказалось, что и сказки нет. Июль 1994

Есть к Ленину один вопрос: – Зачем
Вы лили кровь и все уничтожали?
Кто был никем — тот стал давно ничем.
И все мы погорельцы в том пожаре.
И как бы не желанен был прогресс,
Жестокости его я не приемлю.
Неужто мы сожгли бесценный лес
Лишь для того, чтобы удобрить землю? 1996

Угораздило меня родиться
В этой безалаберной стране.
Я хочу быть перелётной птицей.
Зиму – ТАМ. А к дому – по весне.

Я устал от этой жизни,
От ее проблем.
От речей пустопорожних,

Взявших души в плен.
Я устал от этой жизни,
От ее невзгод,

Где горбатится и терпит
Горести народ.
Где история в загоне,
Прошлое – в дерьме.
“Ничего не надо помнить”, –
Говорят стране.

Я устал от этой жизни,
Где порядка нет,
Потому что нашей власти
Слишком мало лет...

Поперечный, Анат. Гр. Род. 1934, г. Николаев, сын агронома и фельдшерицы, эвакуация на Урале, после десятилетки – рабочий на судостр-м заводе, ЛГПИ, сб. *«Полнолуние»*, 1959, *«Червонные листья»*, 1960. В СП, в Москве ред. ж. «Октябрь».

Чудные стихи, простые, но трогательные переломами печали и радости. Правда, часто излишне многословны. И пустовато: как-то одиноко, вне нынешних болей страны.

Много попул-х песен: Рязанские мадонны, Малиновый звон, Малиновка, Белая сирень, Аист на крыше, И снится нам трава, (Трава у дома), Соловьиная роща, Душа болит. Домик с окнами в сад, Маменька. И др.

Домик, окнами в сад, / Там, где ждет меня мама,
Где качала мою / По ночам колыбель
Припев (2 раза):
Домик, окнами в сад, / Заметает упрямо
Золотой листопад, / Голубая метель.
Я сюда возвращусь, / Может быть, слишком поздно.
Южный ветер ночной / Запах яблонь принес.
Припев (2 раза):
Домик, окнами в сад, / Ты приснился мне просто
В той стране-стороне, / Где пошло всё на снос.
Все на снос: дом, и сад, / И любовь, и печаль,
И калитка в саду, / И оградка во мгле.
Припев (2 раза):
Домик, окнами в сад, / Неужель отзвучали
Эти звуки, что так / Душу ранили мне?
Домик, окнами в сад, / Там, где ждет меня мама,
Где качала мою / По ночам колыбель.
Припев (2 раза):
Домик, окнами в сад, / Заметает упрямо
Золотой листопад, / Голубая метель

... А в тихом домике зажжется свет,
И голос тоненький сорвется вслед:
"Куда ж ты, маленький? Мир полон бед!"
Ах, мама, маменька, я уж не маленький!
Ах, мама, маменька, мне много лет!

Рубцов, Ник. Мих. 1936 - 1971, из Арханг-й в 1940 в Вологду, мать умерла, детдом, лесотех-й техникум, кочегар, разнорабочий, матрос, с 1962 Лит. ин-т, сборники. Любим народом, признан новым Есениным. А, по-моему, еще печальней. Какое-то *безнадежное уныние*.

Уборщица рабочего общежития, 1959:

Пришла, прошлась по туалету
Стара, болезненно-бледна.
Нигде глазам отрады нету,
Как будто здесь была война!
Опять какая-то зараза
Сходила мимо унитаза!

Окурки, пробки, грязь... О, боже,
За что казнишь, меня, за что же!
В ребятах тоже нет веселья!
Улыбки сонно ей даря,
Ещё качаются с похмелья,
Отметив праздник Октября!

Тихая моя родина, 1964:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
- Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. -
Тихо ответили жители:
- Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.
Тина теперь и болотина

Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать -
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Мы сваливать не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет - тот и правит,
Поехал - так держись!

Я повода оставил.
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы и правил,
Да мне дороги нет.

... 1970

Кушнер, А-др Сем. Род. 1936, Л., сын подполковника, военномор. инженера, филфак пед. ин-та, 1959-69 шк. учитель, с 1965 в СП.

Эпигон акмеистов от Анненского до Пастернака, идёт не от жизни, а от книг. Еще один небожитель. Все вернулось на круги своя.

Начали расстрелом Гумилева, кончили воскресением Гумилева, хотя, конечно, нового, тоже комнатного книгочея, но теперь даже в своих фэнтэзи смиренно бескрылого, без романтики и офицерского героизма, а путешествий – не дальше соседней ограды. Стихи не от житейских волнений, а спокойствия. Характерно признание 1962 г.: «Когда я мрачен или весел, / Я ничего не напишу. / Своим душевным равновесьем, / Признаться стыдно, дорожу».

Запечатление картинок созерцателя *sub specie aeternitatis*. Скромный прозаический лиризм тревожного обыденного счастья.

Его политика и идеология – уклонение от политики и идеологии. Единственное проявление политич. позиции случилось вне стихов, подпись под «Письмом 42» 1993 г. в поддержку Ельцина. Но в целой полусотне своих сборников умудрился обойти все социальные злобы. «Родину надо любить тихо». Не удивительно, что и ценим только в узких кругах поклонников «чистой поэзии». Девять литер-ых премий.

Член Русского ПЕН-центра, с 1987, гл. ред. «Библиотеки поэта», 1992, чл. редколлегий журналов «Звезда» и «Контрапункт», с 1998.

Графин, 1962:

Вода в графине - чудо из чудес,
Прозрачный шар, задержанный в паденье!
Откуда он? Как очутился здесь,
На столике, в огромном учрежденье?
Какие предрассветные сады
Забыли мы и помним до сих пор мы?
И счастлив я способностью воды
Покорно повторять чужие формы.
А сам графин плывет из пустоты,
Как призрак льдин, растаявших однажды,
Как воплощенье горестной мечты
Несчастных тех, что умерли от жажды.
Что делать мне?

Отпить один глоток,
Подняв стакан? И чувствовать при этом,
Как подступает к сердцу холодок
Невыносимой жалости к предметам?
Когда сотрудница заговорит со мной,
Вздохну, но это не ее заслуга.
Разделены невидимой стеной,
Вода и воздух смотрят друг на друга...

Сирень

Фиолетовой, белой, лиловой,

Ледяной, голубой, бестолковой

Перед взором предстанет сирень.
Летний полдень разбит на осколки,
Острых листьев блестят треуголки,
И, как облако, стелется тень.
Сколько свежести в ветви тяжелой,
Как стараются важные пчелы,
Допотопная блещет краса!
Но взглядишь в эти вспышки и блески:
Здесь уже побывал Кончаловский,
Трогал кисти и щурил глаза.

Тем сильнее у забора с канавкой Вос-
хищение наше, с поправкой
На тяжелый музейный букет,
Нависающий в желтой плетенке
Над столом, и две грозди в сторонке,
И от локтя на скатерти след.

Старик

Кто тише старика,
Попавшего в больницу,
В окно издалека
Глядящего на птицу?
Кусты ему видны,
Прижатые к киоску.
Висят на нем штаны
Больничные, в полоску.
Бухгалтером он был
Иль стекла мазал мелом?
Уж он и сам забыл,
Каким был занят делом.

Сражался в домино
Иль мастерил динамик?
Теперь ему одно
Окно, как в детстве пряник.
И дальний клен ему
Весь виден, до прожилок,
Быть может, потому,
Что дышит смерть в затылок.
Вдруг подведут черту
Под ним, как пишут смету,
И он уже – по ту,
А дерево – по эту.

Высоцкий Вл. Сем., 1938-80. Из семьи полковника-связиста и переводчицы. Первые его стихи 8.03.1953 – «Клятва» (Сталину).

«Авторская песня» в России живёт давно: городской романс, Вертинский, Алешковский, Галич, Окуджава... Но те «барды» – интеллигентская грусть или ирония и сатира, и хотя ВС начинал с пения Окуджавы и Смелякова, но «Я рос, как вся дворовая шпана». Оттуда он родом – из современного городского фольклора (городского романса? – можно ли так назвать?): песен дворовых, рабочих, лагерных, блатных, шоферов, моряков, фронтовиков. Оттуда его настроения и мелодии.

Я не такой их знаток, чтобы судить, есть ли у него мелодии собственные. Но, похоже, некоторые – его собствен-е создания. Во всяком случае, А. Шнитке восхищался тонкостью и нетрафаретностью его музыки и точностью интонирования.

Судя по фильмам и по свидетельству видевших его в театре на Таганке, актер он был без перевоплощения, во всех ролях одинаков – кричащая экспрессия. Каков он певец? Голос у него, конечно, не консерваторский, но приятного мужественного тембра – и даже хрипотца его не портит, а исполнение – драматической и сильной экспрессии, хотя нередко срывается на крик.

Хотя есть стихотворения и в целом неудачные, даже среди популярных: *«Если друг оказался вдруг»* (Примитивная черно-белая дидактика), *«Горизонт»* или *«Истома»* (Болезнь бесцельной погони за острыми ощущениями – адреналиномания).

Совр-е акмеисты отказали ему даже в простом звании поэта. И всё же, по-моему, он поэт, и замечательный: оригинальный до уникальности и первоначальной синкретности текста с песней и своих особых настроений: мужества, честности, жесткости, ярости, надрыва, шутивого балагурства, ироничного ёрничанья.

Конечно, вне пения его тексты много теряют; может быть, поэтому многие при чтении в них разочаруются и не считают хорошими стихами. И, в самом деле, многие весьма посредственны и даже расплзаются в развалюхи. Однако их народный, истинно уличный язык, стиль и образы ярки – и в хорошей декламации они звучат выразительно. Сила Высоцкого – в единстве драматургии, пения и стиха.

Над стихами он работал тщательно. Стихи его крепкие, выразительные и интонационно разнообразные, но большинство – сюжетные («баллады»). О чем только он не пел? Об уголовниках (по началу их романтизируя, потом просмеивая), о дружбе, о войне, обычно мифологически, героизируя её, без страшной правды: *«Мы возвращаем Землю»*, *«Штрафные батальоны»*, *«Он не вернулся из боя»*; о политике (*«Потеряю истинную веру»* 1964, *«Затопи ты мне баньку по-белому»*, 1968 *«Охота на волков»* и др.), о религии (*«Райские яблоки»*: на небе утешения нет: рай – «неродящий пустырь», «сплошное ничто», небытие и унылые этапы), о спорте, альпинистах, подводниках, лагерях, тюрьмах, папуасах.

Но я не знаю у него стихов лирических: нежно любовных, пейзажных, одиноко задумчивых, рефлексивно философских, светло грустных или восторженных и т. п., – что характерно для поэтов.

Редкая его лирики – тоска и отчаяние, как его реквием «*Кони привередливые*», и сразу принимает сюжетную форму, пусть метафорически. Д. б., в самом деле, он «**не любил**» открывать душу.

Работал на один образ – мужества в мучении запретов и унижений. Хотя в душе, должно быть, как и все, испытывал и боязнь, и нежность, и тревогу, и сомнение.

Поэтому-то у него и получались стихи сюжетные – «баллады», точнее, сюжетные **маски**: то лошади – «*Иноходец*», хотя аллегорически речь о себе, то подводников – метафора духоты для души в угнетённом обществе, то алкаша Ваньки перед телевизором – просмеяние убогой пошлости, то шута, юродствующего властям правду, то загнанных волков, сметающих табу красных флажков, то политинформации в СИЗО, то «советско-пакистанской» границы. Конечно, многие не улавливали смысл его иносказаний и намеков.

Однако поэзия – штука душевная, и профессия поэта требует откровенности полной, как у Пушкина или Есенина. Или хотя бы наполовину, как Фет или Тютчев (только о прекрасном). Да и Лермонтов, при всей разносторонности, предпочитал работать на имидж демона, как Некрасов – народного сострадальца.

Так Высоцкий, в жизни безвольный алкоголик и шальной дебошир, создал *художественный образ народного* в доску, отчаянно мужественного героя – противника бюрократической диктатуры, каким он был или чувствовал себя в душе, – и стал кумиром миллионов, жаждавших иметь такого кумира.

Так посредством-й артист, сильный поэт – певец и слабый гитарист в соединении этих талантов вместе, да еще сильного темперамента родил соц-ый феномен, скандальный и обожаемый кумир поколения. Никто не мог сравниться с ним по мощи его ярости, тоски и сарказма. Сколько в нем горькой, тяжелой правды о красоте и уродстве родины, её отсталости, массовой затюканости и бескультуре. Даже в шутейных стихах от лица дурачков. В «эпоху застоя» через все препоны он «докричался» до масс – и слава его ≡ любовь к нему стала всенародной.

Восхитительно верный русский менталитет. Народ воспринимал его “своим”, “родным”. Ю. Трифонов удивлялся тому, что даже “персонажи его сатир”: самодовольные мещане и бюрократы – “тоже его любили”. В самом деле, удивительно.

Впрочем, “официальные поэты”: Евтушенко и Вознесенский – ему “благосклонно улыбаются”, но затирали его. (*М. Влади*, ЛГ, №4, 20.01.1988, с.4).

Его начало:

У меня было сорок фамилий, 1962:

У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов.
 Но я не жалею!
 Сколько я ни старался,
 Сколько я ни стремился -
 Все равно, чтоб подраться,
 Кто-нибудь находился.
И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу -
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу.
 Но я не жалею!
 Сколько я ни стремился,
 Сколько я ни старался,-
 Кто-нибудь находился -
 И я с ним напивался.
И хотя во все светлое верил -
Например, в наш советский народ,-
Но не поставят мне памятник в сквере
Где-нибудь у Петровских ворот.
 Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился -
Все равно я спивался,
Все равно я катился.
Сочиняю я песни о драмах
И о жизни карманных воров,-
Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов.
 Но я не жалею!
Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился,-
Я всегда попадался -
И все время садился.
Говорят, что на место все станет.
Бросить пить?.. Видно, мне не судьба,-
Все равно меня не отчеканят
На монетах заместо герба.
 Но я не жалею!
Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться -
Нужно сильно напиться!

*У ребят серьезный разговор, –
Например о том, кто пьет сильнее,
У ребят широкий кругозор –
От ларька до нашей бакалеи...*

1964:

Потеряю истинную веру,
Больно мне за наш СССР!
Отберите орден у Насера —
Не подходит к ордену Насер!

Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом,
Но давать Героя — это брось!

КОРАБЛИ ПОСТОЯТ, 1966:

Корабли постоят и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоды.
Не пройдет и полгода - и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
 чтобы снова уйти на полгода.
Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, - кроме тех, кто нужней.

Я не верю судьбе,
я не верю судьбе, а себе - еще меньше.
Но мне хочется думать, что это не так, -
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и мечтах.
Я, конечно, спою,
я, конечно, спою, - не пройдет и полгода.

Моя цыганская, 1967:

В сон мне - жёлтые огни,
И хриплю во сне я:
- Повремени, повремени, -
Утро мудренее!
Но и утром всё не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьёшь с похмелья.

В кабаках - зелёный штоф,
Белые салфетки, -
Рай для нищих и шутов,
Мне ж - как птице в клетке!
В церкви - смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет! И в церкви всё не так,
Всё не так, как надо.

Я - на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло, -
На горе стоит ольха,
Под горою - вишня.
Хоть бы склон, увит плющом, -

Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь ещё...
Всё не так, как надо!

Я - по полю, вдоль реки.
Света - тьма, нет бога!
В чистом поле - васильки,
Дальняя дорога.
Вдоль дороги - лес густой
С Бабами-Ягами,
А в конце дороги той -
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги всё не так,
А в конце - подавно.
И ни церковь, ни кабак -
Ничего не свято!
Нет, ребята, всё не так,
Всё не так, ребята!

Деревянные костюмы, 1967

...Нам будут долго предлагать - не прогадать.
- Ах! - скажут, - что вы! Вы ещё не жили!
Вам надо только-только начинать... -
Ну, а потом предложат: или-или.
Или пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи...
Или просто - деревянные костюмы...

Утренняя гимнастика, 1968:

...Не страшны дурные вести -

Мы в ответ бежим на месте.
В выигрыше даже начинающий.
Красота - среди бегущих
Первых нет и отстающих!
Бег на месте обще-
примиряющий.

Охота на волков, 1968:

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня - опять, как вчера,-
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.
Из-за елей хлопочут двустволки -
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.
Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников - матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.
Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.
Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали - "Нельзя за флажки!"
Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников - матерых и щенков.

Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.
Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же - вожак, дай ответ -
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?
Волк не должен, не может иначе!
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся и поднял ружье.
Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников - матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.
Я из повиновения вышел
За флажки - жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.
Рвусь из сил, из всех сухожилий,
Но сегодня - не так, как вчера!
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!

Я не люблю, 1969:

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще -
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.
Я не люблю, когда наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.
Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или - когда все время против шерсти,
Или - когда железом по стеклу.
Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза!
Досадно мне, что слово "честь" забыто,
И что в чести наветы за глаза.
Когда я вижу сломанные крылья -
Нет жалости во мне и неспроста.
Я не люблю насилие и бессилье,
Вот только жаль распятого Христа.
Я не люблю себя, когда я трушу,

Обидно мне, когда невинных бьют,
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в нее плюют.
Я не люблю манежи и арены,
На них мильон меняют по рублю,
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю.

Банька по белому, 1968

...Протопи ты мне баньку по-белому.
Я от белого свету отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.
Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс,

А на левой груди - профиль Сталина,
А на правой - Маринка анфас.
Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою. . .

Баллада о переселении душ, 1969:

Кто верит в Магомета, кто - в Аллаха, кто - в Иисуса,
Кто ни во что не верит - даже в черта, назло всем,-
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя -
Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты как свинья -
Останешься свиньею.

Живи себе нормальненько -
Есть повод веселиться:
Ведь, может быть, в начальника
Душа твоя вселится...

[Село дружбы], 1971:

...Видно, острая заноза
В душу врезалась ему,-
Только зря ушел с колхоза -
Хуже будет одному.
Ведь его не село
До такого довело.
Воронку бы власть - любого
Он бы прятал в "воронки",
А особенно - Живого,-
Только руки коротки!
Черный Ворон, что ты вьешься
Над Живою головой?
Пашка-Ворон, зря смеешься:
Лисапед еще не твой!
Как бы через село
Пашку вспять не понесло!
Мотяков, твой громкий голос
Не на век, не на года,-
Этот голос - тонкий волос,-

Лопнет раз и навсегда!
Уж как наше село
И не то еще снесло!
Петя Долгий в сельсовете -
Как Господь на небеси,-
Хорошо бы эти Пети
Долго жили на Руси!
Ну а в наше село
Гузенкова занесло.
Больно Федька загордился,
Больно требовательным стал:
Ангел с неба появился -
Он и ангела прогнал!
Ходит в наше село
Ангел редко, как назло!
Эй, кому бока намяли?
Кто там ходит без рогов?
Мотякова обломали,-
Стал комолый Мотяков!

Так бежал через село -
Потерял аж два кило!
Без людей да без полочки
До чего, Фомич, дойдешь?!
Так и знай - дойдешь до ручки,
С горя горькую запьешь!
Знает наше село,

Что с такими-то было!
Настрадался в одиночку,
Закрутился блудный сын,-
То ль судьбе он влепит точк<у>
То ль судьба - в лопатки клин.
Что ни делал - как назло,
Завертело, замело.

Кони привередливые, 1972

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю
Я коней своих нагайкою стегаю, - погоняю, -
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую, с губительным восторгом - пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

Вы тугую не слушайте плеть!

Но что-то кони мне попались привередливые,

И дожить не успел, мне допеть не успеть!

Я коней напою,

Я куплет допою,-

Хоть немного еще постою на краю! . . .

Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.

Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!

Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

Не указчики вам кнут и плеть.

Но что-то кони мне попались привередливые,

И дожить я не смог, мне допеть не успеть.

Я коней напою,

Я куплет допою,-

Хоть немного еще постою на краю! . . .

Мы успели - в гости к богу не бывает опозданий.

Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами?

Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,

Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?

Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее!

Умоляю вас вскачь не лететь!

Но что-то кони мне достались привередливые,

Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,

Я куплет допою,-

Хоть мгновенье еще постою на краю! . . .

Купола российские, 1975:

Как засмотрится мне нынче, как задышится?

Воздух крут перед грозой, круто вязок.

Что споётся мне сегодня, что услышится?

Птица вещая поёт, да всё из сказок.

Птица филин мне радостью скалится,

Веселит, зазывает из гнёзд.

А напротив тоскует – печалится,
Травит душу чудной алколос.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черёд.
Это птица Гамаюн
Надежду подает.

В синем небе, колокольнями проколотом,-
Медный колокол, медный колокол -
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом -
Чтобы чаще Господь замечал.

Я стою, как перед вечною загадкой,
Пред великою да сказочной странюю -
Перед солоно - да горько-кисло-сладкою,
Голубую, родниковую, ржаную.

Грязью чавкая жирной да ржавую,
Вязнут лошади по стремяна,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
На пути моем встает -
То птица Гамаюн
Надежду подает!

Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу, стертую перекатами,-
Если до крови лоскут истончал,-
Залатаю золотыми я заплатами -
Чтобы чаще Господь замечал!

Вооружен и очень опасен, 1976

Кто там крадется вдоль стены,
Всегда в тени и со спины?
Его шаги едва слышны -
Остерегитесь!

Он врал, что истина в вине.
Кто доверял ему вполне -
Уже упал с ножом в спине,-
Поберегитесь!

За маской не узнать лица,
В глазах - по девять грамм свинца,
Расчет его точен и ясен.
Он не полезет на рожон,
Он до зубов вооружен
И очень, очень опасен!

Не доверяйте
Ему ни тайн своих, ни снов,
Не говорите лишних слов -
Под пули зря своих голов
Не подставляйте!
Гниль и болото

Произвели его на свет;
Неважно - прав ты или нет -
Он в ход пускает пистолет
С пол-оборота.

Он жаден, зол, хитер, труслив,
Когда он пьет, тогда слезлив,
Циничен он и не брезглив:
"Когда и сколько?"

Сегодня - я, а завтра - ты,-
Нас уберут без суеты.
Зрочки его черны, пусты -
Как дула кольца.

За маской не узнать лица,
В глазах –
по девять грамм свинца,
Расчет его точен и ясен.
Он не полезет на рожон,
Он до зубов вооружен
И очень, очень опасен!

Райские яблочки, 1977:

Я когда-то умру - мы когда-то всегда умираем,-
Как бы так угадать, чтоб не сам - чтобы в спину ножом:
Убиенных щадят, отпевают и балуют раем,-
Не скажу про живых, а покойников мы бережем.
В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее набок,
И ударит душа на ворованных клячах в галоп.
В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблоч.
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.
Прискакали - гляжу - пред очами не райское что-то:
Неродящий пустырь и сплошное ничто - беспредел.
И среди ничего возвышались литые ворота,
И огромный этап - тысяч пять - на коленях сидел.
...И погнал я коней прочь от мест этих гнилых и зяблых,-
Кони просят овсу, но и я закусил удила.
Вдоль обрыва с кнутом по-над пропастью пазуху яблоч
Для тебя привезу: ты меня и из рая ждала!

В младенчестве нас матери...1976-77:

В младенчестве нас матери пугали,
Суля за послушание Сибирь, грозя рукой,-
Они в сердцах бранились - и едва ли
Желали детям участи такой.
А мы пошли за так на четвертак, за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу...
К каким порогам приведет дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?
Мы Север свой отыщем без компаса -
Угрозы матерей мы зазубрили как завет,-
И ветер дул с костей сдувая мясо
И радуя прохладною скелет.
Мольбы и стоны здесь не выживают -
Хватает и уносит их поземка и метель,
Слова и слезы на ветру смерзают,-
Лишь брань и пули настигают цель....
Но чуден звон души моей помина,
И белый день белей, и ночь черней, и суше снег,-
И мерзлота надежней формалина
Мой труп на память сохранит навек.
Я на воспоминания не падоку,
Но если занесла судьба - гляди и не тужи:
Мы здесь подошли - вон он, тот распадок,-
Нас выгребли бульдозеров ножи.

... ..

Всё-таки внутри России поэты сделали много больше, чем в эмиграция. Хоть внутри жизни было и опаснее, и труднее. Не пустое отрицание издали, как там, – а в жизни – духовное ломание себя,

превосхождение в преображении. И романтическое содержание революции раскрыли, и изжили его. В этом их коллективный подвиг.

Но, конечно, не сразу, а потому не вполне его изжили в народе.

И донныне молодые «барды», подвывая, бренчат на гитарах романтику Багрицкого или Смелякова, – однако уже не большевицкую, а Гумилевскую, да в блатной версии, удали авантюристов, как «*Контрабандисты*». Но не Тихонова и не Маяковского или Евтушенко, а Есенина, Рубцова, Окуджаву, Виндзора, Высоцкого...

Проза в Советской России

Нынче, в тревожный видимый закат самой русской цивилизации, её литература советской поры, кажется, уже не актуальна. Интересно разве что как музейный памятник гибели нашей великой классики? Или не так?

Верно, что в Советском Союзе литература задыхалась под небывалым цензурным и идеологическим прессом и агонизировала.

В первые же годы большинство, больше двухсот самых известных литераторов эмигрировало. Однако остались, кто был ближе к народу и всё же надеялся на умиротворение и расцвет страны.

И первоначально среди части интеллигенции ещё жили революционные иллюзии свободы, среди влиятельных большевиков ещё встречались сведущие и понимающие искусство, такие как **Воровский** Вацлав Вацл., 1871- 1923, отлично образованный инженер (физмат Московского ун-та и МВТУ), последователь Белинского и Добролюбова, поборник «внутренней правды» как основы художественности, хотя и не без некоторых социологических упрощений, сам талантливый литературный критик, возглавлявший тогда Государственное издательство – ГИЗ.

И первоначально ещё была некоторая сравнительная терпимость, – конечно, не к открытым публицистическим выпадам против большевиков, но хотя бы к художественному разнообразию – в разных лит. «объединениях».

Под лозунгом: Мы не с белыми и не с красными, а с пустынным Серрапионом, – сошлись 1921-25 гг. мечтавшие тогда о ней-

тралитете и независимости «*Серпионовы братья*»: М. Зоценко, Вс. Иванов, В. Шкловский, К.Федин, В. Каверин, Н. Тихонов.

Близки к ним были «*конструктивисты*»: И. Сельвинский, В. Луговской, В. Инбер, Б. Агапов, Э. Багрицкий, Е. Габрилович... – Они ратовали за факт и документ.

«*Пролеткультовцы*» с пехановской идеей “**классовости искусства**” выделились в качестве профсоюза и культурно-просветительской организации ещё до октября 17 г. и собрались вокруг журнала «*Кузница*»: поэты Н.Полетаев, В. Казин, Г. Санников, В. Александровский, С.Обрадович. Они ударились в мечты о создании небывалого особого пролетарского искусства взамен культурного наследия «буржуазных и помещ-х» писателей. Но о «пролетариате» у них были не наблюдения, а одни проекты, тогда как рашники Д. Бедного они отвергали, несмотря на то, что как раз он был тогда самым известным в народе.

Хотя идеолог «пролеткульта» А. А. Богданов уже в 1918 трезво констатировал «идеологическую и культурную несамостоятельность пролетариата»: рабочие поглощены теми же интересами благосостояния, индивидуализма, выгоды и карьеры.

Поэтому без создания новой культуры пролет-та социализм неосуществим и обернется «правым уклоном» (с. 332), а надежда на его мессианское переустройство мира – детская утопия и авантюризм. (А.Богданов. Вопросы социализма. М., 1990, с. 331). Всего лишь «солдатское восстание» октября 1917 г. не реализует «идеал социализма», а придёт к трагическому крушению (с. 354). Однако создание новой культуры вовсе не исключает критического использования поэзии Гете или Фета (с. 423).

После того, как на конференции «Пролеткульта» 1920 г. фракция большевиков обнаружила себя в меньшинстве, Ленин, Троцкий и др. стали его критиковать и зажимать.

В объединении «*Перевал*», 1923-29, вокруг журнала «*Красная новь*» и критика **А. К. Воронского** (1884 -1943), не верившего в особое прол-е искусство, печатались надеявшиеся на послереволюционное светлое будущее А. Весёлый, М. Голодный, М. Светлов, Э. Багрицкий, А. Платонов, В. Катаев, А. Малышкин, М. Пришвин.

«*ЛЕФ*»: В. Маяковский, Н. Асеев, Б. Пастернак (недолго), В. Шкловский, О. Брик. Эти – за «лит-ру факта», но + еще «заказа».

В РАПП (Росс-я ассоц-я прол-х писателей) входили некоторые старые или практические большевики: А.Серафимович, Д. Фурманов, А. Безыменский, участник октябрьских боев в Петрограде 1917, автор песни «Молодая гвардия» («Вперёд, заре навстречу»), чьи «образцы пролетарского искусства» похвалил было Сталин, а потом обвинил в троцкизме.

Но верховодили там ортодоксы-идеологи с ленинскими лозунгами “партийности литературы” и всё же “учебы у классиков” – такие как Ю.Н.Лебединский, В.М.Киршон, В.В.Ермилов и особенно нахальный юноша - гимназист Авербах Леопольд Леонид-ч, сын саратовского судовладельца и сестры Я. Свердлова, родня страшного Г. Ягоды, с 1925 года – “генсек” РАППа, который рассылал писателям категорические директивы: показать героев пятилетки и доложить об исполнении.

А вокруг этих “вождей” вились заурядные конформисты: Тарасов, Родионов, критики Волин, Родов, Лелевич и др., подменяя свой слабый талант «пролетарской партийностью» и свысока нападая на «буржуазных», «крестьянских» и всяких иных «попутчиков»: от Есенина, Пришвина и Булгакова до Маяковского и даже Горького.

Но этот боевой РАПП не устраивал сталинское ЦК: Что за возмутительная наглость? Какие-то самозванные идеологи – руководители искусства? Не назначенные ЦК партии и не подчиненные ему? Сами объясняют, теоретизируют, оценивают, командуют. Своим умом живут “умники”? Да ещё и назначают себя в генеральные секретари. Генсек в стране может быть только один.

Чтобы нагнать на нахалов страху и укоротить их раж, Сталин внезапно лично позвонил затравленному ими Булгакову.

И с конца 1920 гг. РАПП стали чистить, подчинять и реорганизовывать. И по иронии истории больше всего вломили самым ретивым идеологам марксизма и “партийности”. Досталось и меньшевистским: создателю “марксистского литературоведения” В.Ф. Перверзеву (почти 20 лет заключения и Сибири), философу А.М. Деборину (впрочем, его за скромную неприятельность всего лишь сняли с постов), – и троцкистским. А нахала Л. Авербаха в 1937 расстреляли.

Между объединениями учащалась стыдная склока всего лишь за благоволение власти и гос. кормушку. И шаг за шагом все иные, не подчиненные партии, “чуждые” объединения запрещались.

Наконец, в 1929 г. распустили и ВСП (Всерос-й союз пис-ей) Б. Пильняка (вскоре расстрелянного), а скромных работяг пера влили в тотальный ССП (Союз сов. пис-й), СП СССР.

Здесь “творцам” предписывалось, как в армии, мыслить, жить и писать по «**Уставу**» (меткое имя, первая редакция съезда 1934 г.), прежде всего правдиво отражать “героику и пафос борьбы пролетата и победы социализма” + «*великую мудрость и героизм коммунистической партии*».

Установился новый классицизм, бюрократический. В отличие от монархического классицизма Буало образцом для подражания ему была классика не античная, а русская, отчего и не могли расстаться со словом “реализм”, хотя он-то – показ горя, разорения колхозов, террора – как раз и был под запретом, а требовалось *приукрашение* и возвеличение советской жизни и её идеальных героев – “ответственного работника”, бюрократа, в первую очередь, разумеется, бюрократа самого верховного, всеблагого и всемудрого, как бог, либо его не рассуждающих и беззаветных слуг, – “простого советского человека”, но эта ложь нарекалась правдой, а полученная фальшь – «*социалистическим реализмом*».

В писательском Союзе царили литературно пустые кремлевские пленники: исписавшийся Горький, потом – жалкие лакеи А. Толстой, А. Фадеев и К. Федин и чиновники, распределители благ и установился затхлый мир подхалимства и подлости, парализованных страхом собраний и голосований, тщеславной глупости и лицемерия, описанный на его закате в “Шапке” Войновича.

И вот пошли фальшивые идиллические и героизированные фантазии Н. Погодина, Афиногенова, Арбузова и т. п. приспособленцев «*секретарской литературы*» – «творивших» ради секретутских благ и “воспитания трудящихся в духе коммунизма”.

Всё так; но вот чудо: и сквозь этот гнет таланты всё же пробивались и на родной почве в переживании испытаний родины рождали шедевры. Как такое чудо могло произойти?

Серафимович (Попов), А-др Сер., 1863-1949.

С 1918 г. в большевиках, вел лит-й отдел «Известий».

«Железный поток», 1924. С обычной своей сдержанной простотой, но чересчур кратко о трагедии гражданской войны, к сожалению, забытой: о жестоком восстании кубанских казаков против передела земли с иногородними и превращении таманцев из испуганной толпы в армию.

В 1926-29 гг. он – глав. ред. журнала «Октябрь», где как раз печатался «Тихий Дон».

Мне кажется очень правдоподобной догадка М. Аникина о том, что именно Серафимович – настоящий автор «Тихого Дона», а М. Шолохов – его внебрачный сын. Хотя не решусь утверждать это категорически. Возможны еще другие соавторы.

Подмена автора – хитрость старого противощенурного лиса, чтобы обойти новых цензоров. Ему самому, с его не ортодоксально большевистским прошлым таких вольностей не позволили бы.

Этим объясняются противоречия с сочувствием «безупречно-го» комиссара М. Шолохова белым казакам и с художественной беспомощностью его других книг. А автор «Поднятой целины», должно быть, уже его сын – сам М. Шолохов. Не отсюда ли её художественная слабость, фальшивая угодливость, суконная казённость и замалчивание ужасов террора коллективизации?

Эпопея А. Серафимовича «Тихий Дон» – национальная трагедия мировой и гражданской войн – потрясает своей грандиозностью и тяжелой правдой. Её читатель впервые всерьёз задумывался о только что пережитом страной.

Хотя и здесь правда еще не вся, однобока, особенно о большевиках. Постигать её русской литературе придется мучительно и долго, – целый век и даже больше.

А его казаки новы для рус-й литературы. Они горят страстями сильной любви и боевой ненависти к чужакам, но как-то приземленно прозаичны и часто жестоки. Нет в них поэтичности и вольности казаков ни Гоголя, ни Л.Толстого.

Что это? Углубление – развитие реализма? Или за полстолетия казаки так переменились? Почему? От “капиталистической заразы”?

Не потому ли его казакам сочувствуешь как страдающим людям, но без восхищения и влюблённости?

Вересаев Вик. Вик., 1867-1945. Сын тульского врача-поляка Смодовича, гимназия, истфил СПб ун-та, медфак Дерптск-го ун-а.

Всю жизнь думал о революции, но её явь его разочаровала.

«*Бей его!*», 1917. Уличные самосуды – яд для души палачей.

«*В тупике*», 1923. О трагедии гражданского раскола, о зверствах в Крыму то красных, то белых в 1918-19 гг. И тех, и других народ проклиняет. Солдаты воевать не хотят.

Критика большевиков глазами и устами народника доктора Ивана Ильича Сартакова и меньшевички Кати, хотя революции они сочувствуют, но не *такой*.

Деревенский богатей: «Большевики – это грабь дома богатых. Нас? Ну, нет, не нас».

Потрясает страшными эпизодами: взятки, хамство, измывательство, расстрелы честных и непримиримых, грабежи, пьянство.

– Революция превратилась в грязь. Те ли одолеют, другие ли... Жизнь изжита. Впереди – ничего.

Большевик Леонид в оправдание:

– И нам тяжело. Но выбора нет. Чистыми ручками революцию не сделать! – И гордится: Она вулкан! Весь мир трясётся!

– Горько то, что когда вас свергнут – от вашей бездарности и жестокости, вы снова засияете зовущей звездой – и никто не захочет верить, что вы творили.

Вересаев исхитрился провести повесть через цензуру, устроив 1-го января у Каменева чтение её отрывков и обсуждение на собрании чуть не на всего политбюро. Ругали за клевету на ЧК и непонимание классовости морали. Но неожиданно поддержали Сталин и Дзержинский:

«– То ли ещё бывало».

До 1931 г. было пять переизданий.

«*Сестры*», 1933. Коллективизация и пятилетка глазами и наивным участием сестер-комсомолок.

После обвинений в клевете и запрета романа Вересаев жил молчаливым соглядатаем на большевицком пиру. Д. б., как раз за это помалкивание они его даже опасно награджали.

Горький М., советский, 1917 – 36.

Не смотря на всё свое презрение к мещанству - крестьянству и романтизм “бури”, “Октябрьскую революцию” он встретил скеп-

тически – за массовые репрессии, расстрелы и погромы культуры и, сколько мог, спасал от голода и защищал интеллигенцию.

А в революционерах стал обличать мстительность обиженных – жестокость, даже больше, чем той, которой они сами раньше натерпелись. («*Несвоевременные мысли*», 1917 – 18 гг. // Журнал «*Новая жизнь*»).

Этим культом культуры он сильно досаждал ленинцам, но они вынуждены были терпеть популярного еретика, пока диктаторам не удалось спровадить простофилю уехать подальше за границу – под предлогом заботы о его здоровье.

По свидетельству В. Ходасевича («*Октябрь*», 1990, № 12, 178-179), кремлевские вожди, особенно Зиновьев и Каменев, питали к Горькому мелочную вражду, вытаптывая окружающих его литераторов, и плели против него опасные интриги, от которых политического “телёнка” спасал Ленин.

А Горький ненавидел Кремль, но зависел от его денег и притворялся, надевал «маску официального советского оптимизма».

Исповедальный «*Клим Самгин*» – вовсе не интеллигент, а пустая душа с тайной неприязнью к интеллигентам, но вынужден подделываться под них. Во многом это сам А. Пешков, закомплексованный своей образовательной неполноценностью. Мечется между двух дерущихся: между “праздно болтающими” и “погибающими за великое дело любви”. Море мелких наблюдений и пошлых остроумий ушедших лет. Невозможно читать – такая скука.

Но в культуре он, как модернисты-прагматисты, стал видеть насилие разума над стихией естества, соответственно задачу революции – в технической *европеизации* России путем *насилия*, почему в 1928 г. одобрял коллективизацию (издали не видя её, вслепую), репрессии и сталинизм.

В последнее возвращения в капкан он легко обольстился демонстрациями ему «достижений СССР» и грандиозной лестью вдохновителю пролетариата, великому гению, проводнику и т.д.

А Сталин использовал его для освящения организации тоталитарного СС писателей.

В 1931 г. он даже воспел Соловецкие концлагеря – трудовые “воспитатели нового человека”, а в 1932 г. заклеил врагов выродившимися паразитами, презренными умственными «*дегенерата-*

ми», потому неисправимыми. Отсюда его лозунг НКВД: «Если враг не сдаётся, его уничтожают».

И едва ли его мнение о дегенератах, высказанное в частном письме, было конформизмом?

Но пожив в царстве воспетых им Челкашей, он испытал, какова у них свобода и человеческое достоинство.

И в последние годы, как и многие прежние энтузиасты, сталинский пленник, раздавленный и униженный в золотой клетке, видимо, всё же начал сознавать свои трагические заблуждения, – может быть, всей своей жизни, да было поздно.

Д. б., Сталин почуял опасность и помог уже ненужному апологету умереть.

Пришвин Мих. Мих., [1873-1954](#), род. в Орл-ой губ, в имении отца - купца. В гимназии второгодник, исключен. Реальное уч-ще. В 1893-97 в Риге в Политехникуме (вместе с Семашко), увлёкся марксизмом. В Лейпциге - агроном, но с 1906 г. - путевые очерки, редкая наблюдательность. После окт. 1917 г. – дер. учитель.

Лучшие его вещи – *«Весна света»*, 1938, *«Корень жизни»* (*«Жень-шень»*), 1933, *«Календарь природы»*, 1935, *«Лесная капель»*, *«Времена года»*, 1943, *«Кладовая солнца»*, 1945.

Любят в Пришвине те страницы, где он после утомительной суеты, очутившись на природе, где-нибудь в лесу или в поле в одиночестве бредёт и любит, наблюдая за поведением какой-нибудь пичуги, ручейка, травинки, – и тихо, как облака, скользят тогда и теряются в голове пустячные рассеянные мысли: почему так...? – и радуется, чувствуя себя хорошо, как ребенок, и отдыхает душа... Эта благодать нам любя, потому что нынче не только горожанин, но и селянин утомлён шумом цивилизации и нуждается в таком отдыхе души, да редко у нас выпадает для этого возможность.

Вот где талант Пришвина. Но его попытки сочинить что-то иное неудачны, как последняя повесть *«Корабельная чаща»*, 1954. Рецензенты хвалят её за выдвижение автором на первый план этих путевых мыслей. То целые главы по лесной технологии, то прописные моральные поучения вроде: «Не гонись поодиночке за счастьем, а гонись дружно за правдой», – идеи вроде бы полезные, но не как выражение покоя и отдыха. Здесь они самоцельны и превращаются в неуместное нудное резонерство и только раздражают.

«Дневники», 1905-54. Опубликовано только в конце 1980 гг.

Правдивые свидетельства «внутреннего эмигранта» о революции, коллективизации, стал-х репрессиях, – обо всём, о чём нельзя было писать честно. Конечно, хороша ложка к обеду, но ведь не всякий способен обобщить открывающиеся картины и опасно исхитриться, чтобы донести их до общественного сознания в актуальное время. Такой подвиг литературы совершался многими.

Сергеев-Ценский Серг. Ник. 1875-1958. Алушта

Сын тамбовс. учителя, ветерана Севастопольской обороны 1854-55 гг. После смерти родителей учился на казен. счет в Глухов-ом учит. ин-те. В 1895-1904 гг. учитель в разных губ-ях, в 1904-05 г. на воен-й службе. Публично выступал против унижения солдат, против черносотенных погромов и отказался идти с полком на усмирение волнений; но в революционных условиях 1905 г. командование предпочло незаметно отделаться от офицера – «бунтовщика», всего лишь уволив его из армии «за политическую неблагонадежность».

Поселился в Алуште. В 1914 как прапорщик запаса был призван в ополченцы Севастополя, где накопил полезные впечатления о жизни армии в военное время. Отчислен в запас в 1915 г.

В ранней прозе С.-Ц. коробят натуралистические мерзости, искусственно нагнетаемый пессимизм и манерничанье эпатажно вычурными метафорами. Тем не менее Ц. – писатель превосходный, читать его – впечатляет, увы, чаще тягостной тоской.

Начал печататься с 1898 г. – некрасовскими мотивами: гражданственность, тяжкая доля бедняка-труженика, провинц-й интеллиции, соц-я несправедливость, грязь, озверелость: сб. юнош-х стихов «*Думы и грезы*», 1901, рассказы «*Тундра*», 1903 и др.

«*Сад*» повесть 1905 г. Много лишнего мусора. Унылая нищета и забитость крестьян среди богатого лесного края, где всеми угодами владеет один человек, старый мот - граф; эта хозяйственная удушка возмущает молодого агронома, арендовавшего здесь на лето запущенный фруктовый сад, – и Шевардиным овладевает неправдоподобно глупая идея, что если холостой и бездетный граф умрёт, то у него не найдется наследников – и земли перейдут к народу, и герой подкараулил и подстрелил барина.

Повесть 1907 г. *«Лесная топь»* – символ народного невежества и жестокости нравов. Молодая падучая крестьянка Антонина тщетно мыкается в поисках своей доли среди вечно полупьяных и диких обитателей края. На торфоразработках рабочие её изнасиловали и утопили в болоте.

В то время С.-Ц. сблизился с В.Д.Бонч-Бруевичем и др. большевиками и их газетой «Звезда».

Двенадцать рассказов, опубликованных в 1907 г., вошли в роман «Бабаев».

«Бабаев», 1907, написан живо, видно, что по собственному опыту армейского быта, картин еврейских погромов и уличных волнений 1905 г. Революционная буча в губернии городе: грабежи, разгул жестокости, толпы с флагами, дробь пальбы, трупы, страх, баррикады, залпы. Но воскресают надежды на новую жизнь. Революционные студенты, рабочие и гимназисты показаны с явной симпатией. «Вот что произвело на меня впечатление потрясающее и дало тон «Бабаеву», а отнюдь не увлечение Достоевским. Я задумался над тем, почему так легко справились с революцией, и пришел к «бабаевщине», как явлению, и Бабаеву, как типу».

Поручик Бабаев, рисуемый не без сочувствия, типичный обедневший дворянин, тоскует в скуке казармы, дуреет среди презираемого им пошлого окружения: пьянки, ругань, щекотание нервов в опасных играх пистолетами, разврат. Но выродившийся Онегин, индивидуалист чужд общественных идеалов, без красоты в душе, погружается во мрак и в новой смуте бездумно становится «миротворцем» – карателем, идя к духовной деградации и к пуле из его же собственного пистолета от девочки в коричневом платье (тогдашняя форма гимназисток).

Роман принёс С.-Ц. литературную известность. В печати даже заговорили о «бабаевщине», одряхление души («бабай» по-татарски значит старик).

В издании 1955 г. автор убрал в стиле и психике повести заметную вычурность, принесенную влиянием модернизма. Как и в мрачной пьесе *«Смерть»*, 1908 г.

С.-Ц. выводит различные слои рус. общества. Тревожно лирическая повесть *«Печаль полей»*, 1909 – оскудение поместий, крестьян, батраков. Повесть *«Движения»*, 1910 о *дельцах*: суетная бес-

смыслица дела, где бедняк в бешеной энергии своего обогащения «на собственном горбу» становится жестоким эксплуататором других. Повесть «*Пристав Дерябин*», 1911 – о взяточнике - вымогателе и садисте, тем не менее гордом своей важностью: на нас, на полицию весь порядок в государстве держится.

Однако с рассказа 1908 г. «*Небо*» вспыхивает новая нота: простая правда ребенка - неприятие зла: «Не надо!» – уводит С.-Ц. от беспросветного пессимизма и «всё дозволено» Л. Андреева, М. Арцыбашева, Ф. Сологуба на *свой* путь светлый – надежды на нравственную созидающую личность.

И по мере очищения от пессимизма-фатализма открывается талант первоклассный. На редкость восхитительная наблюдательность и поэтичность прозы, яркие и меткие пейзажи одухотворенной природы, портреты, характеры, характерные речи, жанровые сцены, добротные бытовые детали, психологическая пронизательность, впечатляющие эпизоды и сюжеты, злободневность тем и смелая честность в их развитии – всё захватывает и обещает гениальные шедевры.

Правда, восхищение скоро охлаждают досадная многословность, но эскизность целого и его заметный раскол на самостийные части, сложенные вместе без внутренней обязательности. Так, повесть «*Валя*» явственно распадается на главную линию – загадочную гибель Вали и пространное вступление – картину Алушты, прекрасную и самоценную, но не имеющую никакого отношения ни к загадке Вали, ни к Алексею Иванычу. Вместе они сложены разве что внешне, через случайный скучный и скоро заброшенный роман чокнутого с горя, отуманенного Дивеева с крымской соседкой, корыстной кокеткой Натальей Львовной Добычиной. Эту художую расколотость и отрывочность Ц. старается компенсировать символами. Как и цензурно вынужденные недомолвки.

Но, может быть, это мелочи? Я чересчур строг? Ведь такие претензии, пожалуй, можно предъявить к самым признанным мировым светилам? И всё же С.-Ц. чем-то не добирает до их уровня. Должно быть, всё же не хватает соединения всех его первоклассных художественных элементов в великое целое какой-то общей и сильной художественной идеей? Так чтобы все эти художественные элементы, каждый по-своему, работали на неё.

«*Наклонная Елена*», 1913. Повесть по впечатлениям поездки по Донбассу, Ростову и Екатеринославу. рисует не только потрясающие картины страшного труда и быта шахтеров, но и их защиту заведующим шахтой инженером Матийцевым, скучающим и грубоватым, но сочувствующим рабочим. За это писателя осуждала марксистская печать. А как же? Из убеждения, что интеллигенция – это буржуазия и враг пролетариата. И к критикам обидно присоединился Горький в «Дачниках».

Позже в повестях «*Память сердца*» и «*Суд*» С.-Ц. превратит Матийцева в закаленного большевика, борца за народное счастье, и не одинокого, а с юным большевиком Колей Худолеем.

К сожалению, текст написан поспешно и бледно, сплошь одними разговорами, почти без образов.

«*Валя*», 1914, - «роман» (по размеру скорее повесть, хотя и несколько затянутая) пронизательный и яркий, – о духовном кризисе общества, гложущего к красоте и безобразию, равнодушного к унижению человеческого достоинства, и о подавленности и гибели в нем тех, кто сохранил этико-эстетическую чувствительность. Покойная жена Дивеева, величавая и гордая Валентина Михайловна ненавидит своего уступчивого добродушного вечного труженика - архитектора и уходит от него к развязно насмешливому любовнику Илье Лепетову, расчетливому гедонисту, в котором её привлекла «сила и злость». Но вялый краснощекий толстяк с «рыбьими глазами» встретил женщину, чью жизнь он сломал, только подачкой, «жирным голосом» и «далёким взглядом» равнодушия – и, оскорблённая, она погибает.

В пику им С.-Ц. неявно поставлен гимназист Павлик Каплин, мальчик – калека на костылях, сын бедного почтаря, одинокий и несчастный, но внутренне прекрасный «мечтатель подвига и самоубийства», уязвлено размышляющий о «патологии Бога».

Когда С.-Ц. разглядел в этом своем зеркале общества отражение судьбоносных для страны изменений русских характеров, он дал повести новое название «*Преображение*» и положил началом эпического цикла – о беззаботных, допустивших войну и потерявших революцию, – «*Преображение России*» – из 12-ти романов и трех повестей, создававшемся более 40 лет, но так и не законченном. К тому же тексты эпопеи беспардонно купировались и иска-

жались цензурой, как царской, так и большевистской, так что в полном авторском варианте она не известна.

Годы революции и гражд. войны С.-Ц. встретил в Крыму. Он потрясен и подавлен гражданским апокалипсисом. Отразил его в «*Крымских рассказах*», 1918-1922 гг. Растерян и подумывал даже эмигрировать, публиковаться удавалось мало.

В «*Капитане Коняеве*», 1918, – мученичество и безумие тупого националиста и монархиста от вида вольного матросского разгула весной 1917.

Потом распоясались самые низкие страсти таких, как дегенераты, в прошлом убийцы предревком Золоторенко (в рассказе «*Павлин*») и матрос Семен Подканаев. Нелепо убитый прекрасный павлин становится символом разрушительности такой дикой революции.

Озлобление крестьян большевистской продразверсткой С.-Ц. описал в повести «*Тяга земли*». Друзья «пробовали протащить её через цензуру» в журнале «Русский современник», но ничего не вышло. Повесть была издана только в 1926 г. в «*Новом мире*», № 2-3, под названием «*Жестокость*», где оставили только бегство красных из Крыма летом 1919 г. и расправу станицы над пятью комиссарами, которых заживо засыпали стоящими в канаве.

Рассказ «*Линия убийцы*», 1922 г. – о кошмарах красного террора в Крыму осенью - зимой 1920 г. после эвакуации армии Врангеля: расстрел десятков тысяч офицеров – вчерашних студентов, поверивших в амнистию и явившихся на регистрацию. Ужас – организованный голод всего населения. Комбриг Рыбочкин, палач, который ещё и кичится своим величием особого избранника: «Куда мы приходим, там начинается голод. Мы уничтожаем торговлю, как спекуляцию, не даем никуда пропусков, – и в результате наступает голод». Очертивший голову удалец нравственно мёртв, а в финале ужасно гибнет и физически.

Издан Крымским архивом Симферополя только в 1996 г., №2. Видимо, о том же повести «*Орел и решка*» и «*Рассказ профессора*», но они никогда не были опубликованы.

В таких страшных условиях в людях скудеет вера в любовь, вообще в светлое, хотя бы в Бога, и даже молодые «духовно старе-

ют», как Мушка из повести «*В грозу*», чью гибель предопределяет её духовное опустошение, лишаящее её сил на борьбу.

В основе повестей «*Смерть ребенка*» и «*В грозу*» лежат переживания С.-Ц. смерти от холеры своей дочери, одаренной и обаятельной 12-летней девочки. Как жить, если от голода и болезней гибнут такие чудесные дети? В поисках ответа на этот мучительный вопрос С.-Ц. за границами ограниченного знания чувствует Невидимого, связанного со всем живым на земле, – Любовь.

В повести «*Чудо*», Симферополь, 1922, Берлин, 1923, священники гибнут при взрыве на катере, а ошеломлённый дьякон Никандр осознает, что его жизнью ведёт Провидение, и это рождает в его душе веру в воскресение и преображение людей евангельской любовью.

Противопоставлен героям «*Линии смерти*» и «*Жестокости*» из обоих борющихся лагерей: они не способны к состраданию и прощению и потому нравственно мертвы.

Рассказ «*Живая вода*», 1927. О забивании толпой станичников трех большевиков. Но здесь крестьянки спасают полузамученного. Их жалостливая любовь – и есть живая вода.

Роман «*Обреченные на гибель*» считается вторым в эпопее, первоначальное название “Morituri”, написан в 1923 г., но с трудом пробит в журнале «Красная новь» только в 1927 г. – и то искромсанный. (Новая редакция 1955 г. была урезана еще более).

О предвоенном обществе России и его интеллигенции, «удрученной» жизнью и мистикой и склонной к самоубийствам.

В романе бурлит как будто чисто эстетический спор между поборником реализма маститым художником А. Ф. Сыромолотовым из былых передвижников, писанным явно с Репина, автором солнечной, но тревожной картины «*Золотой век*»: на русском раздолье авто и небоскребы, но на лицах – бездумие и опустошенность равнодушия, – и модернистами: его сыном Ваней, его сумеречной картиной гримас горя «*Побежденные*» и поэтом Хаджи.

Но не скрыт ли здесь (как и в «*Вале*») художественный анализ причин краха грядущей русской *демократической* революции? Похоже, эти причины С.-Ц. видит в утрате обществом и его выразителем искусством высокой гражданской духовности, – такой, как у создателя Алексея Фомича, с его непримиримостью и к хри-

стосному жалостнику Худолею, и к его сыну Володе с его «религиозной красоты», – внешней, – и к робким либералам, чувствующим приближение опасности, но не понимающим её в Лепетовых и Иртышовых, и к деспотии царизма, всё ещё не созревшего хотя бы ради самосохранения уступить верховенство демократии и стать её ценным верным слугой, и к таким «врагам самодержавия и освободителям», как иртышovy.

Иртышов – фанатичный идеолог прекрасного социализма и новой морали – оправдания любых обманов и жестокостей, и собиранье ненависти всяких страт: от рабочих до воров, – чтобы взорвать общество ради коммунистической революции.

Двурушник: политик-большевик и платный осведомитель царской полиции и провокатор. Ярко-рыжий, с бородкой и залысынами на лбу, бешеный, «нервнобольной» и нахальный, шантажом вымогающий себе деньги и другую помощь у презираемых им либералов, жалеющих «политического борца», с фамилией по сибирской реке, – его образ намекал на того, чьё имя никто из советских толкователей романа не смел произнести. Хотя Горький сразу насторожился: «В нем у вас – смердяковское, чем всегда грешили и грешат писатели, настроенные антисоциалистически».

Просто, как многие тогда, С.-Ц. мыслил в образах-символах Достоевского, но шел-то от впечатлений жизни, к тому же задних.

Хотя сам С.-Ц. сомневался в пригодности демократии для России, огромной и склонной к анархии (Откуда ж взяться привычке уважать закон, если он никогда не был *своим?*), а в марксизме большевиков видел только извне навязанное ей и чуждое и едва ли ясно понимал механизм трагических событий.

И всё же «Обреченные» – лучший роман С.-Ц., самый зрелый, смелый и художественно яркий. И самый социально значимый. Вполне заслуживает включения в классику и в школьную программу.

С ужесточением режима Ц. снова уходит в прошлое: соч-я о Пушкине, мистический «Гоголь уходит в ночь», 1933, грустно протестный роман «Мишель Лермонтов», 1933.

В середине 1930 гг. С.-Ц. загорелся идеей преобразования жизни трудом и воспитанием молодежи.

Повесть «*Маяк в тумане*», 1933 с любовью и юмором рисует крестьянина Пахома Дрока: как трудяга чистит заброшенный колодец, как упорно строит себе новый дом, но только несчастье – пожар и помощь горхоза поворачивают душу заскорузлого одиночки к обществу.

«Искать, всегда искать!», 1935.

Первая часть романа – лирическая повесть «*Память сердца*», 1934 – прославление большой любви, пронесенной через долгие годы, – печальная история женщины, которая слишком поздно поняла значение своей встречи с настоящим человеком – Матийцевым - Даутовым. Благородство его идеалов и характера раскрывается в его жизни в рев-ом подполье, на каторге и в ссылке, на фронте, в его отношении к Серафиме Петровне, в отцовской нежности к маленькой Тане. В делах своей партии он видит воплощение прогресса мировой культуры. «Это мы, мы начнем на земле новый исторический период – период человека!»

Такие героические романтики среди большевиков, конечно, были. Особенно в начале движения. Но с 1917 г. они были обречены на гибель и часто под травлю от своих же соратников. И автор «*Крымских рассказов*» это отлично знал по трагическому опыту страны, а, рисуя красивую историю такого абстрактного романтика, в исторической конкретике лгал. Хотя при этом и мог обманывать совесть тем, что такие люди бывали же.

Вторая часть – «*Загадка кокса*», «производственная» повесть, прославление труда. Детство, юность, студенческие годы и становление ученого, смелого новатора Слесарева. Интеллигентные парни даже на отдыхе ошарашивают любимую своими эвриками. Первой главой С.-Ц. взял свой рассказ "*Небо*", соответственно сократив и стилистически подправив.

Прототипом Лени Слесарева был днепропетровский ученый Л. М. Сапожников, который открыл пластометрический метод определения коксуюемости угля и тем спас тогда сов-ю металлургию от массовых аварий, вызванных использованием некоксующихся углей. Среди коллег, даже тоже талантливых и упорных, его выделяет творческая дерзость, способность к нетрадиционным решениям.

Видимо, повесть – скрытая полемика С.-Ц. с офиц-ой тогдашней экон-й политикой, без упоминания имени её автора. Ставка **не** на перенапряжение физических сил разных стахановцев «соц. со-

ревнования», тем более не на рабский труд зеков, и не на безграмотную перегрузку техники, аварии которой сваливали на «вредителей» - старых инженеров, а на изобретения и совершенствование техники инженерами, настолько творчески увлеченными, что их не выставить врагами.

«*Севастопольская страда*», 1937- 39, его самая известная эпопея о первой обороне города. О ней С.-Ц., должно быть, много слышал ещё в детстве от отца, а позже – на службе в Севастополе. С ужесточением режима он вновь переключился на эту старину.

Книга вообще-то для детей, хоть и старшего возраста, подростковая. Конечно, это не севаст-е рассказы Л. Н. Толстого, а панорама упрощенная бело-черная: с одной стороны бастионы осажденной крепости, матросские землянки, патриотические горожане, адмиралы Нахимов и Корнилов, офицеры Хлапонин и Стеценко, рядовые Чернобровкин, Шевченко, матрос-Кошка, военный инженер Тотлебен, хирург Пирогов, первые сестры милосердия. А с другой – одной чёрной краской апартаменты Петербурга и Лондона, Парижа и Константинополя, царь и европейские монархи, бездарные военачальники русской и зарубежных армий, крепостники-помещики, жандармы, интенданты-казнокрады. Но, должно быть, такой «народный» уровень большинству тогдашних читателей времен отечественной войны как раз и соответствовал.

В «*Преображение России*» включают чуть не всё:

1. *Валя*. 2. «*Обреченные на гибель*», 1927, 3. «*Преображение человека*» (1. «*Наклонная Елена*». 2. «*Суд*»), 4. «*Простав Дерябин*», «*Пушки выдвигают*», 1944, «*Зауряд-полк*», 1934, первый год в ополчении Севастополя: зауряд-военные, зауряд-дамы, зауряд-чиновники и зауряд-царь, порядки полуфеодальной царской армии, вступившей в невиданную по размаху войну. «*Пушки заговорили*», 1956, о первых месяцах сражений в Галиции и Восточной Пруссии, гл. герой – тот же полуавтобиографический Ник. Ив-ч Ливенцев, тяжело переживший поражения русских. «*Брусиловский прорыв*», 1943, («*Бурная весна*», «*Горячее лето*»). А в 1946 книга подверглась критике как «идеологически вредная»). 5. «*Утренний взрыв*», 1952, «*Лютая зима*», 1936. 5. «*Ленин в августе 1914 года*». Повести «*Капитан Коняев*» и «*Львы и солнце*» – о Февральской революции в Пг. и Севастополе.

Замыслы «Весна в Крыму» и «Свидание» (Матийцев 1934 г.) остались незавершенными.

Эти романы-повести не продолжают друг друга, а совершенно самостоятельны и по персонажам, и по жанру, и по размеру, что дает основания к сомнению в единстве эпопеи.

Эпопея обычно понимается «историко-революционной», но у С.-Ц. внимание – не на исторических событиях, а на изменении, русских характеров, души и критика некритического «культа новизны» в людях: выгода и равнодушие к идеалам (Илья Лепетов), а в условиях диктаторской *вседозволенности* – цинизм и жестокость, духовное вырождение, разрушение «института семьи». Без материнской любви и отцовской мудрости, как семейный террор отцов (Худолеи), так и самоустранение от воспитания (святой доктор Худолей) водут к уединению и разобщенности и распаду семей и традиций: дети не видят и не могут перенять любви и мудрости родителей и с легкостью перешагивают через них.

Прозу С.-Ц. хвалили М. Горький, В.Г. Короленко, художник И. Е. Репин, критики Р.И. Иванов-Разумник, В.П. Полонский, А.Б. Дерман. Но большевистские статьи 20-30-х годов в основном встречали его враждебно, особенно от РАПП шла прямо его «*травля*» с обвинениями, по которым полагался расстрел: «классовый враг», «выразитель контрреволюционных настроений», «аллегорический бытовизм» «поэзия кошмаров и ужасов». И всё верно. Только сегодня эта *брань* превратилась в *хвалу*.

В таких реалиях писатель мучительно *разрывался*: мечтая об истинных произведениях, сознавал, что никогда не сможет их издать и вынужден «подделываться» под обстоятельства, уходить в старину и терпеть «беспардонные переделки» его произведений и «дикие толкования».

Но с 1930 гг. за ним утвердился противоположный имидж ярого противника царизма и одного из родоначальников соц. реализма. С 1991 г. в его толковании началась новая крайность, – выставление православным и охранительным.

Шишков Вяч. Як., 1873-1945, сын лавочника, училище, кондуктор, переехал в Сибирь. В 1916 Горький помог издать его сб.

рассказов «*Сибирский сказ*». К больш-кам настоуженно и ушел в старину.

Роман «*Ватага*», 1923, о гражданке. Дикий террор в городе большевиков - захватчиков власти – от страха мятежа населения. А потом их самих расстреливают за «злоупотребления».

Роман «*Урюм-река*», 1918-32. Сочно народный быт, речь и нравы: крестьян, мещан, купцов. Явно любит мощью сибирских харак-ров и даже жестокостью. Но описание наружное, не хватает переживаний.

Трнев К. А., 1876- 1945. Из укр-х крестьян, окончил семинарию и дух-ю академию, потом – агр-й ун-т. До рев-ии рассказы о крестьянах и пьеса «*Дорогины*», 1912.

«*Любовь Яровая*», 1926. Идея: с классовым врагом нет ни родства, ни любви. Затаенная ненависть и предательство. Никому не доверяй. Кто-то должен погибнуть, а кто уцелеет, тоже погибнет. – Мораль вполне ленинская. Излюбленный репертуар 30-40-х.

Бажов Павел Петр., 1879 – 1950. Сын уральского горного мастера, после школы как отличник принят в дух-ю семинарию в Перми. С детства наслышан горняцких мифов (сказов), собиратель фольклора. Эсер, в 18-19 гг. – в Казахстане в большевистском подполье. Служил в народном образовании.

«*Малахитовая шкатулка*», 1936-39. Правда о старинном житье полукрестьянских рабочих и кустарей Урала. Прославление их творчества, приметливости и выдумки в работе. («Каменный цветок», «Серебряное копытце», «Медной горы хозяйка», «Круговой фонарь», «Живой огонёк» и др.)

Каждый сказ – предание и серьёзная дума о тяжелой судьбе, горькой доле мужиков – горюнов да сироток, о жутких былях крепостной поры, о своём товариществе и хитрых и смелых делах народных героев, заступников, наказателей насильников. («Хрупкая веточка», «Тяжелая витушка»).

Очарователен этот уютный, как в мечте, мир красивой фантазии, тайных волшебных духов и загадочности. Своеобразное язычество. Верно, этот волшебный мир был их последней утехой среди мира злых и жадных бар и их прихвостней.

С 1939-40 гг. стал сочинять современные мифы да ещё на злобу дня – и пошла фальшь, стилизованные побасенки - рассказы для иллюстрации пустяковой бледной мысли. Точно былины про автомобиль. Ребячливость взрослого. Современный человек не может *верить* в старинные мифы. У него они новые.

Грин (евский) А-др (Степ.), 1880-1932. Сын униженного бухгалтера вятской больницы, ссыльного поляка. Измученная больная мать умерла, когда ему было всего 13 лет, а отец спился. Единственной отрадой мальчика было уходить от этой тоскливой реальности в мир Майн Рида и Жюль Верна, хотя он отлично знал, что эти дивные странствия – выдумки. Но что ещё в окружающей бесприсветности? И он мечтал и рвался к ним. Бежал из дому, бродяга, матрос, золотоискатель, солдат, эсер, романтик.

Среди всех трагикомических несчастий его наивной и жестокой юности лишь встречи с красотой природы, людей и видом роскоши отдавались в нем возвратом к его прекрасной мечте, из которой он и соткал свои детски волшебные феерии. В этом его отличие от Гумилева – он не упивался и не играл в романтизм, а знал, что это мечта, а жить в ней пытался только в юности, а потом – тосковал.

Романтизм Горького и А. Грина одинакового происхождения – бегство от тоски жестокой жизни в прекрасные фантазии. *Тоскливая* мечтательность отличала недоучившихся детей бедноты, тех, из кого выходили эсеры и социал-демократы. И таких в России в 17 году только по сумме партийцев объявилось более пяти миллионов. Но направленность их была разная: у Горького – героическая, с надеждой на созидательную революцию, у нелюдима Грина – сломленная и всё же жаждущая осуществления. Хотя каким путём? – он не знал.

А-кс. Н. Толстой, 1882-1945.

До 13 лет считался сыном земского чиновника Костромы и целил в инженеры: реальное училище, СПб технологич. инст-т, но получив титул и наследство, в 1907 бросил инст-т перед самой защитой диплома и переключился на сочинительство. Февраль 1917 встретил восторженно, но после непонятого октября расстреляны

его дядя, погибли два брата, и в бедности, одиночестве и ненужности возненавидел больш-ов. (Рассказ *«Милосердия»*, 1917).

С осени 1918 в эмиграции обострились бедственность и мечты о родине. Но конфликт: чтобы вернуться, надо пересмотреть отношение к больш-ам.

Роман *«Сёстры»*, 1919-21, о расхлябанной весёлой жизни в слегка смердяковской среде, и простой чистой интелл-ой любви на фоне револ-го предгрозя. Свежая Даша списана с Наташи Ростовой. Т. разделил свои терзания: у Рощина – отчаянье от гибели России, у наивного скромняги Телегина (*«Добрый и славный»* – больше ничего из него не высосешь) – надежда: спаслась же Русь в смутное время?

Первое берлин-е изд. 1922 г. сохраняет неприязнь к больш-ам, но в 1925 г. Т-ой эти места вычеркнул.

«Восемнади-й год» и *«Хмурое утро»* – сухая бледная хроника гражд-й войны, эскизы её быта + хождения по приключениям из дополненного *«Невзорова»*.

«Голубые города», 1926, *«Гадюка»*, 1928 – нэповские страдания вернувшихся с гражданки бойцов (Ольга Зотова) в мути контор и кухонных склок коммуналок.

Ощущение тяги к техногенной диктатуре – *«Союз пяти»*, 1925, *«Гиперолоид инженера Гарина»*, 1926-27.

Сам называл себя «вралём». Увлекательность своему чтиву придаёт ловко выдуманной красочностью характеров и авантюристостью сюжета, пусть простенькой: удастся или не удастся? встретятся или не встретятся? Но ни художественного мышления, ни психологизма нет, только физиологические проявления эмоций, – чисто внешние картинки.

Сибарит, циник и подлец. Променял свободу на плотский разгул и опустошение страхом души холуя. Дали ему поместье, 2-3 авто, собственный шофер. Жил барином, но ежедневно строчил на машинке каторжанином, без конца переделывая то льстивую халтуру – *«Хлеб»*, то идеализированного *«Ивана Гр-го»* – на «ненасытное тщеславие Сталина», над которым сам смеялся втайне, как тот смеялся над своим «советским графом» – открыто в глаза.

Должно быть, мучился своим положением. На фото взгляд тяжёлый, острый и отталкивающий. Но еще страшнее его портрет у Кончаловского: жирный сибарит в голодной стране.

Впрочем, в 1923 г. он возвращался в Сов. Россию *сменовеховцем*, надеясь, что большевики возродят великую державу.

Роман *«Петр I»* – самое задушевно любимое его детище, – и получилось талантливо и нужно. Хотя не бог весть какие глубины драматизма и психологизма. Истор-е бытописание, очерненная старина и приключения реформаторов, но, пожалуй, лучшее у него, – апология не диктатуры, а реформ. Никакой диктатуры за реформистскими целями в романе нет. Однако и такая идейная установка позволила тогда поставить по роману фильм с подтекстом: Петр Великий как предшественник Сталина.

Чуковский Корней Ив., 1882 – 1962, СПб, внебрачный сын студента Эмм. Сол. Левинсона и горничной Корнейчуковой, в. б. уехать в Одессу. Страдал от своей безотцовщины, из гимназии отчислен. Сам выучил англ, корр. в Лондоне. В СПб в критич-х статьях симпатии к А. Блоку и футуристам.

Успех детских стихов, шутивно комических: *«Тараканище»*, 1921, *«Мойдодыр»*, 1923, *«Муха-Цокатуха»*, 1924, *«Бармалей»*, 1925, *«Доктор Айболит»*, 1929. В 1928 г. их “запретила” в «Правде» Н.К. Крупская. Д.б. отрекаться.

«Мастерство Некрасова», 1926. Лен-я премия 1962.

Гладков Федор Вас., 1883-1958, из пенз-их крестьян - староверцев. Дед заставлял часами стоять перед иконами, люто бил детей и мать. С детства на заработки – в лавке, аптеке, типографии, чувство обреченности на безрадостность, отчаяние, порывы к самоубийству. И тяга в уч-ще на Кубани, в Тифлисе, с 1902 – сель-й учитель в Забайкалье, с 1906 сблиз-ся с больш-ми, первые рассказы с подражанием Горькому, поддержка Луки М. Мельникова, аресты, тюрьма, три года сиб-й ссылки, в 1908-9 учитель в Новороссийске. Как журналист прикреплен к заводской партячейке. В чистку исключен из партии «как меньшевик и интеллигент». С 1921 в Москве, объедин-е «Кузница».

«Изгой», 1912: арестанты и полит. ссыльные: сомнения, уныние, озлобление. Типы: нытики, психопаты-рenegаты, циники и жертвенники-страдальцы. Интеллигенты тогда в глазах Гладкова – сфинксы, непонятные и вредные.

«*Огненный конь*», 1921: гражданка, друзья казак Гмыря и офицер Андрей → во врагов, истерич-е иступление, жуткие зверства, рваный синтаксис. Как учили его А. Белый и др. модернисты.

«*Цемент*», 1922-25, из трех рассказов. Возвращается слесарь, военком полка Глеб Чумалов, избран главой партячейки, хочет воодушевить рабочих восстан-ем завода, защита бремсберга от бело-зелёных, саботаж спецов и бюр-в из совнархоза: Шрамм, «мертвенно-бледное лицо» и тусклые глаза – одни заседания и бумаги, и хитрого тайного врага предисполкома Бадьина, «перерожденца». Друга нашел в затворнике инженере Клейсте, возненавидевшем былых и презиравшем варваров - рабочих. На пуске ликование празднич-го митинга.

Ломка быта: раздор с женой Дашей – партийкой в женотделе, а дочь умирает в детдоме. Хочет быть равным товарищем, но потеряла женственность.

Первым *худож-но открыл* тогдашнюю историческую обстановку, главную боль – нэповскую «борьбу» на «хоз. фронте» и в быту. Клубок тогдашних раздоров между индивидом, коллективом, партийцами, рабочими, спецами, бюрократами, бытом, нэпманами и т. д. → горячая полемика, десятки переизданий.

Давний стиль Гладкова: рисовать мир, как он видится в его нервно-бредовой гиперболизации во внутреннем восприятии и в поступках персонажа – вылился здесь в смесь реализма и романтизма, с торжественной героизацией. Но в условиях диктаторской парт-ой цензуры всё же талантливый реалистический яркий и актуальный роман скоро превратился в *схему* для «*произ-го романа*» о героических коммунн-их *чудесах*, – основного жанра «соцреализма», множества очерково-риторических подражаний, начиная от собст-го романа «*Энергия*» (1927-38, о стр-ве Днепрогэса), поделок М. Шагинян, Л. Леонова, В. Катаева, Ф. Панферова и до молодого В. Аксенова.

Сегодня актуальность «*Цемент*а» ушла, хотя может вернуться, а историческая ценность романа затерта этими халтурами. Но незримость изображений и модное тогда выражение переживаний только во внешних поступках, но умолчание внутренних душевных движений ослабляет его эмоц-ую действенность – и он читается мало, особенно бездумниками.

«*Старая секретная*», публ. 1927: рев-ры в тюрьме 1906, провокаторы, подозрения, издевательства, избивания, суды.

«*Пьяное солнце*», 1932, - раздор между поколениями и профессиями в партии, – тот же истерич-й надрыв.

Печальные «*Повесть о детстве*», 1949, «*Вольница*», 1950, «*Лихая година*», 1954 – о голоде и холере 189 года.

Васильченко Сем. Филипп., 1884 - ? Ростов/Д., сын бедняка-ж-д. будочника, с юности чернорабочий, с-д. кружки, «отчаянный», в 1902 арест, каторга, побег, проф-й револ-ер: разозка лит-ры, собрания ячеек, руководство забастовками и восстаниями, с 1918 во главе Ростовских больш-в.

«*Карьера подпольщика*», М.: Моск-й раб-й, 1924, 514 с.

Смесь воспоминаний о своей молодости с вымыслом. Написано как-то по-детски, бегло, с упором на сюжет. Но интересна своей простодушной верностью нравов и психологических мотивов рабочих-больш-ов. Вражда к квалифиц-м и меньш-кам. Харак-а дискуссия с ними: вместо аргументов топанье и свист, - и гордость: победили! Наивность, узкий горизонт.

«*После декабря*» Повесть вторая, М-Л., 1926. 303 с.

Поначалу манерничанье «под литературу», ёрничанье, ненужные описания. Но потом просто.

Воронский А-др Конст, 1884-1937. Сын тамб-го свящ. Исключен из семинарии по «политич. неблагонадежности». С 1904 в РСДП (б). Ведущий маркс-й лит. критик. Группа «Перевал». Близок к Троцкому, против Пролеткульта, за постепенное привлечение интеллигенции. С 1923 – в левой оппозиции, в 1927 – исключен и в ссылке в Липецке – мемуары. В 1935 арест, в 1937 – расстрелян.

«*За живой и мертвой водой. Воспоминания*» Кн. 1. в «13 отд.» Ленинки, не выдаётся. Кн.2. М, Федерация, 1929. – 268 с.

Мемуары неуклюжи, часто поверхностны и не картинны, зато искренни, реалистичны, даже местами лиричны и с самоиронией, а у больш-ов она редкость. Часто подлаживается «под своих», но масса верных характерных деталей, важных для понимания революции. Простодушно рассказал, что и как создавало ожесточенных, нетерпеливых и нетерпимых рев-ов, сотворивших военный

коммунизм и стал-й террор: восставшие несут в себе образ своего тирана, даже увеличенный.

Романов Пант. Серг., 1884- 1938. Сын мелкого чин-ка, деревенское детство, юрфак Моск. у-та, конторщик банка.

Роман *«Русь»*, 1919-36. Перелом нац. характера от пассивного непротивленчества через войну к революции.

Безоглядные яркие зарисовки быта, речи, серой бедности, дрызг коммуналок, анекдотических житейских эпизодов “военного коммунизма”, нэпа, “новой морали” (*«Суд над пионером»*, *«Без черемухи»*, 1926), показухи субботников (*«Значок»*), выборов (*«Синяя куртка»*), кошмаров и абсурдов коллективизации (*«Кулаки»*, *«Белая свинья»*, 1931), страданий приспособленчества (конформизма) (роман *«Товарищ Кисляков»*, 1930).

Замечательный реалист, похож на М. Зощенко. Мягкий грустный юмор и сатира. Был популярен, хотя клеймили «классовым врагом» и «очернителем».

Неверов А-др Серг., 1886-1923. Сын самар-го крестьянина, унтер-офицера - швейцара. Дер. учитель. С эсерами. В 1919 перешел в б-ки. С 1906 печатал рассказы, отличное знакомство с дер-й грязью и жестокостью. Явно очерковые. Сложные предложения рубит на части. Революция, война и голод глазами крестьян, часто детскими. Покорные подняли голову, повеселели, заиграли глазами. Но в гражданку воевали покорно и покорно умирали.

Автобиогр-я повесть *«Ташкент – город хлебный»*. О голоде 21 года. До 1927 г. было 17 изд-й.

Замятин Евг. Ив., 1884-1937. Из семьи священника в Лебедяни Тамбовской губ., рос среди земской интеллигенции. Окончил гимназию в 1902 с зол-й медалью. СПб политех, инженер - кораблестроитель. Студенч-е кружки, аресты, ссылки, в 1906-8 гг. в боль-шевиках, с 1916 в Англии в предста-ве рус. адмирал-ва на верфях, в 1917 – с левыми эсерами, к большевистскому перевороту холоден. От ужесточения режима в 1931 г. эмигрировал в Париж, где и умер в нищете, далёкий от белоэмигрантов.

Из Англии привез повесть *«Островитяне»*, 1917. О тоске од-нообразной жизни, машинизированной и регламентированной, и

ханжеских тоталитарных сектах. Пролог к его главному произведению.

Роман «*Мы*», 1920. Небольшой, страниц на 150, но прогремел на весь мир. В контр пролеткультовским утопиям А. Богданова и А. Гастева еще до диктатуры Сталина, при жизни Ленина Замятин увидел, к чему ведут технизм и регламент, в частности – и большевизм, чьи несуразницы ему уже тогда постыли.

Жуткая реалистичная фантазия, потрясающая, как кошмар, антиутопия «научно» совершенного разумного «Единого Государства».

Здесь все обеспечены «математически безошибочным счастьем»: живут в светлых домах, стеклянных, – для удобства подглядывания за поведением каждого, пища в изобилии, – синтетическая из нефти; средство от хаоса – план; средство от зависти – равенство; средство от ревности – «сексуальный день» по талонам, выдаваемым на партнера в бюро, и общественное разумное «детоводство». Есть же садоводство или рыбоводство? «Единственное средство избавить людей от преступлений – избавить их от свободы». Порядок тщится обеспечить тотальный контроль, надзор «хранителей». Вместо имен у людей «номера». О каждом нарушителе порядка – «враге счастья» каждый свидетель должен в двухдневный срок донести («заявить») в Бюро хранителей, иначе – сам преступник. Тоталитарная деспотия во главе с прославляемым обожаемым «Благодетелем». За него все ежегодно голосуют на выборах без выбора, как потом объявляют, «единогласно». Счастье без свободы. Машинный рай и пустота скуки. Прозрачно узнаваемый будущий Союз.

А вокруг рационального государства за «Зеленой Стеной» – трава, деревья, звери и неорганизованные безалаберные «дикари», остатки от человечества, всего 2% уцелевших после двухсотлетней войны города и деревни.

Повествование в форме дневниковых записей от лица Д-503, талантливого конструктора космического корабля «Интеграл». Он готовит послание к «великой исторической» встрече с инопланетянами – о красоте и величии их идеального государства. И тут в нем просыпается сомнение в их системе. Девушка I-330 обворожила инженера и втягивает в нарушения порядков и в заговор «революционеров» против хранителей. А с оживлением души его охватил тотальный страх: неблагонадёжных власть предает казни – луч

«машины Благодетеля» оставляет от них лужицу химически чистой воды.

Хотя вокруг математическая этика и счастье, но и брожение естества и все недовольны. Даже сам усталый Благодетель. Идеалы рухнули. Как жить дальше? Общество в тупике. Зреют заговоры и вспыхивают бунты. Прогноз краха тоталитаризма – изнутри.

Захватывающий запутанный сюжет. Но заговор раскрыт, на улицах бои. Однако Д-503 для власти нужен и его не казнят, но отнимают воображение, а с ним – и человеческую душу, и вот он предаёт знакомых и с холодным любопытством наблюдает, как казнят его вчера любимую I-330, а она в муке исчезновения упорно смотрит ему прямо в глаза. Но его ребенок остаётся жить где-то за Зеленой Стеной.

Поразительно умно и остро, язык блестящий и чеканный, но кажется трудным – от неразрешённых антиномий: Как их совместить? Счастье или свобода? Личное или общественное, т. е. обезличенное? Либо логика, либо абсурд? Планы и режим или хаос стихии? Любовь или секс? И т. д. Готового ответа не даётся, а самому думать – решать непривычно и тяжело – и становится тоскливо. И чувствуешь себя олухом – отчего совсем скверно.

Афористичные остроты: Счастье – дробь, где числитель – собственное удовольствие, да знаменатель-то – зависть к другому. Оригинальность – нарушение равенства; поэтому банальность – наш долг. Путь к величию – почувствовать себя не граммом, а миллионной долей тонны. Во всякой шутке неявная функция всегда ложь. Бог создал человека способным на ошибки, следовательно, сам ошибся. Выбор: свобода без счастья или счастье без свободы? Разумные выбирают порядок и счастливы; а олухи выбирают свободу, а потом тоскуют об оковах.

При дневниковом повествовании психоанализ персонажей скрыт в странностях их поведения и в авторской иронии. Но замаятинский сатирический гротеск так ошеломляет читателя, что мешает погрузиться в их душу. Не оттого ли люди у него часто кажутся какими-то пугающе невероятными – неживыми или духовными уродами?

Американцы увидели в книге себя, подчиненных машинам и корпорациям, и некоторые встревожились. Большевики увидели в книге homo soveticus, конечно, обиделись: клевета на коммунизм! –

и запретили. Тем не менее она читалась в самиздате и обсуждалась в журналах. «Классового врага» лестно обвиняли в издевательствах над советской жизнью. Даже Д. Фурманов видел в нем «чужого».

Хотя А. Воронский, Б. Пильняк и некоторые другие признавали замятинский анализ правомочным, но считали умозрительным и преждевременным, отвлекающим от текущих задач. Ответ Замяти-на: писатель нужен людям в качестве вперёд смотрящего матроса на мачте корабля.

Такой фантастический реализм и есть провозглашаемый им «синтез искусства и науки»? Должно быть.

Книга издана во Франции и в США в 1924 г. и произвела фу-рор, хотя не сразу: на её уразумение тоже понадобилось время. Её перепевы: **Олдос Хаксли**, «*О дивный новый мир*», 1932, **В. Набоков**, «*Приглашение на казнь*», 1938, **Дж. Оруэлл**, «1984», 1949, **Р. Бредсбери**, «*451° по Фаренгейту*», 1953, **Арк. и Бор. Стругацкие**, «*Трудно быть богом*», 1966 и мн. др. В отличие от Жюль Верна у них фантазии не столько о технических возможностях будущего, сколько и фантастических абсурдах настоящего.

Среди других сочинений Замятина есть традиционные бытовые зарисовки («*Уездное*», 1912), но есть и такие же аллегории, испытания идеи, художественные “мысленные эксперименты”: а что будет, если допустить, что...? Отсюда юмор реалистической фан-тазии в стиле Гоголя – Тэффи – Булгакова – Ильфа: «*Десятиминутная драма*», 1925, трамвайная ссора – пародия на столкновение классов. «*Икс*», 1926 – трагикомедия: как от любви и со страха дьякон переходит в марксизм. Популярная тогда пьеса «*Блоха*», 1925, по «*Левше*» Лескова. Балаганный гротеск о раздоре русского неграмотного самородка и английских технарей.

Есть рассказы тяжелые: «*Пещера*», голод 1919 г. в Петрограде, деградация – и влюблённые, обессиленные борьбой за пищу и тепло своей чугунной печки, заваривают последнюю сохр-ся ложечку чая и бросают в него яд; «*Слово предоставляется товарищу Чурыгину*», 1927, возвращение в деревню с фронта георгиевского кавалера, человека-обрубка с полностью ампутированными ногами.

Евдокимов Иван Вас., 1887- 1941. Сын фельдшера, рос в Во-логде, телеграфист, в 1903 – 8 гг. был в большевиках - подпольщи-ках. Истфил СПб у-та. В Моск. гос. изд-ве.

Роман «Колокола», 1926. Реалистично о революции 1905 г. в провинциальном городе. Знание быта и настроений рабочих, крестьян, интеллигентов, кружки, сходки, забастовки.

До 1935 г. многократно переиздавался.

Сейфуллина, Лидия Вик., 1889-1954. Дочь православного священника из крещеной татарина. Гимназия в Омске, в 1906-18 библиотечница и учительница начальной сельской школы в Орском уезде Оренбургской губ. В 1917-19 эсер.

«Перегной», 1923 // Ж. «Сиб. огни». Об уравнил-ой коммуне.

«Виринея», 1924. О жестокости вражды в «рев-й» деревне.

Так вот почему её прославиле повести – при всем реализме деталей – всё же оставляют ощущение к-то плохой театральности, сделанности под упреждающую идею. Наврали рецензенты. Сейфуллина вовсе не из крестьян, а наблюдала их хотя вблизи и долго, но со стороны. А в крестьянской или рабочей коже она никогда не жила. Отсюда её отличие от психологической *истинности* Есенина, Платонова или Весёлого, которая сразу чувствуется.

Не потому ли она не прошла через разочарование в большевиках и не почувствовала трагедии коллективизации? Или молчала?

Аросев Александр Яковлевич, 1890-1937. В Казани, из семьи портного - народника, в 1905 эсер, стрелял в жандармов. С 1907 в большевиках, вместе с В. Скрябиным (Молотовым). Аресты, ссылки, побег, унтер в Льеже, филолог-филологический факультет, в войну юнкер, прапорщик. В 1917 – в Военревком Москвы. Лениновец.

Пишет очерковые обрывки, нет цельности, сюрреалистический хаос: мельтешат обильные перечисления деталей, а зримости, сюжета и души - характеров нет. Но любопытно восприятие исторических событий их активным участником: редкий случай: профессор б-к – революционер и писатель.

Не сомневался, что землю они отдадут крестьянам (М., 1989, с. 380). Опора на стихийное возмущение солдат - мужиков, измученных войной и канителью старых властей и готовых прогнать их для кого угодно (387- 9). Московский Кремль для него – не история, а «барский двор в громадном поместье, называемом Россией» (412-416). Вот почему он отдал приказ на его артиллерийский обстрел. Та же враждебность к Петру I, Суворову и Кутузову: они баре (377).

А новый кремлёвский барин – Сталин недальновидного “умника” от внутренней свары посылал подальше – в послы, а в 1937 арест и расстрел.

Фурманов (Фурман) Дм. Андр., 1891-1926. Из костр-х крестьян, реальное уч-ще, 1912-14 филфак МГУ, увлечен Белинским и Писаревым, фронт - санитар-прапорщик. Ужас и тоска, но восхищение стойкостью и удалью. Эсер, анархист, больш-к, комиссар, но без догматизма, критичный.

«Красный десант», 1921, «Чапаев», 1923, «Мятеж», «Дневник», М., 1930. Соб. соч., т.5, 1928. Считать всего лишь очерковыми неверно. Самый добросовестный реалист в картине гражданской войны. Редкая наблюдательность, живые характеры и подробности. Что стоит подмечаемая им за грозным видом ивановских ткачей и чапаевцев их младенческая наивность. А Чапаев – то лукаво усмешлив, осторожен и хитер, то талантливо остроумен, то в горделивой отваге и удали, то заносчив и вспыльчив, то жесток и капризен.

Булгаков Мих. Аф., 1891-1940. сын богослова Киевской духовной академии, медфак, земский врач.

«Белая гвардия» (≡ «Дни Турбиных»), «Бег», 1925-27.

Отрывочно и схематично. Чем же прельстил читателя? Отсутствием обычной тогда карикатуры на белых. Живые, убедительные, даже симпатичные и разные: деловитость и мечтательность, и удаль, и непрактичность, беспечность и беспутность, и скоморошество. Конечно, здесь есть и генералы, и полковники, и аристократы, сановники и дельцы. Но ведь Турбины и их друзья - прапорщики – вовсе не «белогвардейцы» в этом смысле, а всего лишь интеллигенты и студенты, мобилизованные войной.

Не сказать, что шедевр, но произведение всё же превосходное. Невольно, сам не замечая, показал *прекраснодушие* и *несамостоятельность* русской интеллигенции, причину ее печальной гибели. В страшные годы всеобщего развала готовой подчиниться любой силе и льнущей к белым; хотя белые уже далеки от народа, как скоро – красные. А их собственные партии оказались слабы.

«Собаچه сердце», 1925 – маленький шедевр. Чудесами пересадки гипоталамуса открывает в большевизме напыженный союз униженных недоучек Швондеров (списан с Авербаха) и люмпенов

Шариковых – хамство с претензией на мессианский «пролетариат». Объяснение народной трагедии и провиденье обреченности такой власти.

Однако сколько в нем барской презрительной неприязни к народу. Что поделаешь, значительная часть народа была тогда на маргинально-люмпенском уровне.

Остальное у него – пустышки, хотя многие изящны и веселы. (Как *«Иван Васильевич»*, 1936). Или в стиле Зощенко. *«Роковые яйца»* – псевдонаучная фантастика, совершенно бессмысленная.

«Мастер и Маргарита», 1929-40, – сатира о явлении Сатаны в Москве. Тоже фантазия, вдобавок тёмная. Мешанина давно известной реальности и фантазмагии – под Гофмана – Гоголя.

Картины тогдашнего московского быта отличны. Но булгаковский вершитель правосудия и казначей подлецов Воланд похож на вульгарного эстрадного фокусника да вдруг чудотворца.

Кого он символизирует в реальности? Ленина? – как иные гадают. Но тогда чего ради он строит гадости своим чекистам? Или он потусторонний всерьёз?

А Берлиоз – это Горький и его свита? Конечно, подобных убогих выскочек, особенно в РАППе, было много; но в целом валить на Горького будет карикатурой, – и злой. Скольких литераторов он тогда спасал, как мог. А *«душеведу»* полагается догадываться о его внутренней трагедии. Скорее, это просто о литературном отрепье вроде Авербаха с претензией на пролеткульт. Или Булгаков от травли всё же озлобился? Разгадывать эти намеки скучно.

И причем тут бедный историк, перепевающий антиевангельскую версию Ж. Ренана – Л. Толстого о всего лишь юридическом наивном непротивленце Иешуа, без чуда и благодати, и усталом Пилате? Какая связь?

Тьма гадательных толкований романа свидетельствует о его темноте, отсутствии в нем ясной идеи. Вымученная неудача. Должно быть, ваяясь в этом МХАТе, писатель оторвался от жизненной почвы, питающей творчество, и запутался.

Идея его Иешуа: все люди добры, даже палачи, а ожесточены антагонистической системой власти: несчастьями и страхом в случае доброты самому стать жертвой. Это глубоко верно. Трагедия всей человеческой истории. Но что же считать истинной сутью че-

ловека: скрытую доброту или реальные злодеяния? Ответа нет. Вместо него мечта о царстве правды, где гонимый пророк и его папач вместе поднимутся к раю, а проклятая власть исчезнет.

Красиво, но не воодушевляет, потому что только мечта, без открытия реального пути к ней. Да еще отправляет в скучные библейские ребусы.

Банальная проповедь мистики на встрече с Сатаной на Патриарших прудах отталкивает своим самодовольными и примитивными насмешками над наукой. Возможно, для Булгакова это была лишь фронда атеистам-большевикам, но для извечных полужнаек станет высшей мудростью. Зачем же им потрафлять?

В 1960-70-е гг. среди интеллигенции роман воспринимался как откровение, новое евангелие. А на деле его наполняет тотальное неверие: ни в религию, ни в евангелия, ни в атеизм и науку: в мире есть сверхъестественная тайна, – ни в возможность предвиденья, ни во власть: властители – жалкие невольники своих функций, ни в капитализм, ни тем более – ни в коммунизм: вся мишура страны Советов – сюрреалистический абсурд и маска, а за ней люди остались те же: любят деньги, наряды и адюльтер.

Этот нигилизм был так созвучен собственным настроениям нашей либеральной интеллигенции, что она его не замечала, как не замечают воздух. Но его пустота сделала книгу среди них культовой. Единственное, что их воодушевляло – вражда к коммунистической диктатуре и надежда на демократию. А пал этот враг – и остались в пустоте.

Эренбург Ил. Гр., 1891- 1967, сын киевского евр. купца, в 1905- 8 в больш-ках, с 1908 – во Франции, с 17 г. наезды в Россию.

Не писатель, а бойкий газетный публицист левого толка и модного авангарда. Его “романы” – тоже публицистика. Ни зримости, ни наблюдательности, ни мысли, ни переживания. Скучно однообразная бессодержательная и поверхностная болтовня соглядатая. Да перепевы газет, Роллана, Арагона и др.

Да и что могло быть иного? Смог ли даже Л. Толстой за год выдавать по 900 страниц? А он запросто.

Очень не думает (Сам кается в этом грехе, № 10, с.138-9), но сбалтывает идеи и настроения интеллигентов, среди которых крутится, чем и привлекал заблокированного советского обывателя.

Лавренёв (Сергеев) Бор. Андр., 1891-1959. сын учителя словесности, юрфак Моск. ун-та, из Белой армии – в Красную. Ранние рассказы начала 20-х гг. “*Галя Петер*”, “*Счастье Леши Широкова*”, “*Сорок первый*” и др. сильны и верны.

Но пьесы о рев. героизме – мертвые, сколоченные по плану схемы и риторика. Диалоги старательно напичканы жаргонными словечками и остротами. Ни жизни чувств, ни подлинного пафоса.

Малышкин, А-др Георг., 1892-1938, сын пекарщика в поселке Мокшан, гимназия. В 1913-16 филфак СПб у-та, кантианец. Реалистические рассказы о своей тихой уезд-й родине. Мобилизация, юнкер военно-морск. уч., прапорщик, мичман в Севастополе 1917 г., давка толп – гул митингов, офицеров жгут в топках, сотнями расстреливают, переодевался матросом, заседание противных больш-ов, осенью на последнем корабле бежал. В 1918-19 гг. жил на родине, сотрудничал в пензенских газетах, под разными псевдонимами (Бобыль, Антипка, Ал. Юрьев, Моряк). Снова мобилизация. В штабе Фрунзе участник штурма Перекопа. Затем в Москве работал в Военной академии и в газете «Красная Звезда».

Все-таки он не «соц. реалист». Поражает зияние между бездной замечательно верных наблюдений грязно-страшной правды (талант привык писать правдиво) и героической, но абстрактной революционной патетикой, вымученной в нем страхом, отчаянием и надеждой. В неё он и сам, видимо, честно не мог поверить, но она позволяла ему жить и печататься. Должно быть, на этих терзаниях он и надорвался, – умалчиваемая причина его ранней смерти.

И явно торопился. Материал полусырой, до конца не дочувствован - не продуман в художественную цельность сердечной идеи, охватывающей в произведении всё до последней строчки. Главы оказываются разорванными. Язык добротен и ярок, но мешает пространенное тогда пристрастие к необыкновенным вычурным словам.

В «*Падении Даура*», 1923, о штурме Перекопа, – сплошь такая торжественная былинная патетика, без индив-х образов. Да и что штабист мог здесь пережить вблизи? Но автобиографич-й роман «*Севастополь*», 1921-31, по дневниковым записям, тревожная повесть «*Вокзалы*» и незаконченный роман о самоперестройке дере-

венских строителей Магнитогорска *«Люди из захолустья»*, 1937-38 – просто разрываются раздором между тяжёлой правдой, ради которой эти его книги и читают, и красивой “социалистической” романтикой, в которую едва ли кто верит. Как и он сам.

Паустовский Конст. Георг., 1892-1968. Учебе в МГУ помешала война 1914 г. Вожатый трамвая, санитарный поезд, зав-й рабочий на Урале и в Приазовье. После февр. 17 г. газ-й репортер, солдат. В 1930 гг. журналист *газеты «Правда»*, журналов *«30 дней»*, *«Наши достижения»*. Его ключевая повесть *«Кара-Бугаз»*.

Познавательна автобиографич-ая *«Повесть о жизни»*: Кн. 1. *«Далекие годы»*, 1946 – о дореволюционном отрочестве. Кн. 2. *«Беспокойная юность»*, 1954. Кн. 3. *«Начало неведомого века»*, 1956. После февраля 17 страна – сплошной митинг: «Людские сборища шумели на городских площадях... и пропахших хлором вокзалов, на заводах, в селах..., в каждом дворе и на каждой лестнице мало-мальски населенного дома. Клятвы, призывы, обличения, ораторский пыл - все это внезапно тонуло в неистовых криках "долой!" или в восторженном хрипе». 4. *«Время больших ожиданий»*, 1958. Об Одессе 1920 – 1921 гг. 5. *«Бросок на юг»*, 1960. 6. *«Книга скитаний»*, 1963.

Но больше всего в нем любили «внутреннюю эмиграцию» в тишину природы, как у Пришвина.

Федин Конст. А-др, 1892-1977. Саратов, сын купца-поэта-самоучки. В 1911 Моск. коммер. ин-т, в 1914 отп. в Германию для соверш-я в нем. языке, как гражд-й пленный интегрирован в Саксонии. С 1918 газетчик в Сызрани, с 1921 в Серапион-х братьях.

«Города и годы», 1922-24. Андрей Старцов в Германии. Бездна иронии: старат-о фиксирует самодовольство и все мелочные правила бюргеров. Страшная толпа калек и слепых и внешнее спокойствие прохожих. 17 год в Пг: как сны, мелькают бессвязные сцены: заседает к-то таинственный комитет, кого-то убивают, какой-то старик в пустой квартире и т. д. – смятенность, непонятность и жестокость мира подавляет отчаявшегося Андрея – и его убивает немецкий комм-ст Курт, которому все понятно.

Что даёт этот манифест непонимания?

Но роман ежегодно переиздавался. Д. б., таких было много.

«*Первые радости*», 1945. Медленно и подробно мелочи мешанской жизни – радости кисейной барышни Лизы. Скучно. Ничего нового, о чем не читал бы прежде в классике. Ради чего это написано? Чтобы повспоминать свои «первые радости»?

Пустьшка из подхалимов. Пошел по стопам А. Толстого.

«*Необыкновенное лето*», 1947. Тоже о мытарствах инт-х офицеров и подвигах кремлевских вождей в 1919 г. под Царицыным.

В 1949 – Сталинская премия.

На 1-ом съезде СП избран в его руков-ство, в 1959-71 во главе.

Хотя в компаниях ворчал на ЦК: какой реализм, когда «принуждают писать желаемое им, а не сущее?»

Старые деятели искусства, его «культуртрегеры» были убеждены, что искусство “вырастает из духовной глубины человека” и отвергали *авангард – футуризм*, не считая его искусством. Это презрение укрепилось после того, как многие футуристы заявили о своей поддержке новой власти, а большевики, в свою очередь, признали футуризм как искусство.

Бианки Вит. Валент., 1894 – 1959. сын энтомолога из русских швейцарцев, физмат СПб у-та, увлечен футболом, в 17 г. на фронте эсер. Все 20-30 гг. много раз аресты, но скоро выпускался «за отсутствием улик» и заступничество Горького и др.

Природа – как впервые её видят дети, удивительной, сложной, яркой. Не в описаниях, а в действиях – приключениях, на прогулке, в игре, на охоте, в наблюдениях следопыта, объяснениях загадочного, неизвестного – своих открытиях. Трогательные сказки для детей – о жизни пташек, мышек, зверюшек.

Должно быть, в мечтах сам эмигрировал в этот чистый мир от тяжелой современности. Как Пришвин и Паустовский.

Тынянов Юр. Ник, 1894-1943. Витебск. губ. Сын врача. Псков, гимназия, в 1912-18 истфил СПб у-та, у пушкиниста С.А. Венгерова + в ОПОЯЗе “формалистов”. Литературовед.

Роман «*Кюхля*», 1925, «*Подпоручик Киже*», 1927, «*Пушкин*», 1936. Критика старины, узнаваемой в современности.

Не мог не понимать правды.

Притворная “слепота” Тынянова, Пастернака, Чуковского, Эйзенштейна и др. всё цинично понимающих старых интеллигентов: колхозы – гениальная идея, а перегибы осуждены в «Головокружении от успехов», в репрессиях виноват Ежов и т. д.

Бабель, Исаак Эмм, 1894-1940. Одессит. Сын еврейского торговца, но писатель русский, писал на русском и для россиян. Коммерческое училище + институт, фронт.

Похож на Пантагрюэля, сутулый лобастый толстяк – очкарик со смехом и библейской грустью в глазах. Сам скептик, но из южного веселья любитель удивлять «хохмами» – розыгрышами и гиперболами – как в жизни, так и в литературе.

Весной 1917 дезертир в Пг., переводчик в ЧК и в Наркомпросе. Под именем Лютикова – корр. в 1-ю Кон-ю армию С.Будённого.

«Конармия», 1923-26. О польском походе 1920 г.

«Одесские рассказы», 1925. Любование экзотикой бандитско-торговской Молдаванки, смешной шик, хвастливо удивляющие легенды, анекдоты и лихие приключения контрабандистов и налетчиков – нахалов, трусоватых в душе, их героя – «короля» Бени Крика, биндюжников, шулеров, сутенеров, наводчиков и прочих завсегдаев воровских притонов.

Блестящий стиль, наблюдательная точность цветастого характерного языка, вычурно жеманная смесь одесского просторечья и бульварщины, сжатые стремительные обрисовки, диалоги, жесты, действия и, хотя и в форме фиктивной автобиографичности и даже документа, но несомненное художественное привирание – до создания в гоголевской манере экзотических типов – мифов.

Офиц-му плакатному мифу идеологически вдохновенной и суровой «революц-ой армии» художник противопоставил антимиф, более реалистичный, – анархичной и ожесточенной казацкой вольницы. Рассказчик Лютов с восхищением, омерзением и ужасом поражается бесстрашию, дикой грубости, хамству, похабной жеребятине, эскадронным блядам, жестокости, буянству, грабежам, баракхольству, сумасбродству, вражде между станичниками, самосудам, вранью и отчаянному геройству конармейцев, их яростной мечте о возмездии и обновлении мира и немедленной готовности на смерть, – свою и тем более чужую, и тут же с грустной иронией и

тревогой усмешается их простодушию, дурости и доверчивости. Однообразные кровавые эпизоды отталкивают.

Он *открыл* романтику конармии и Одессы. До мифотворца эти эмоциональные типы не замечались. Как до Гоголя не замечали открытые им типы: Тараса Бульбы или Чичикова. Или Хлестакова. А потом не понимали, что художественные типы – часто одновременно мифы преувеличений. Ну, кто видел казака весом в 300 кг и, тем не менее, верхом на лошади? Или столь ловкого прохиндея, как Чичиков?

Так и Будённый, Ворошилов и Сталин, не очень отличавшие искусство от документа, обиделись за поклёпы и карикатуры. Коммунистические канцеляристы возмущались: если «вертлявый писака» видел в кавалерии такие «беспорядки», почему не сообщал по начальству? Будто какой-то начальник в силах был их устранить.

Но М. Горький и В. Маяковский восхищались романтикой его типо-мифов и защищали дерзкого автора. Когда не стало покровительства Горького, Сталин быстро съел нахала. Сам подписал расстрельный список. А ведь беспечный сочинитель столько раз выезжал и имел возможность эмигрировать.

Жаль, но открытые им типы мелки, общественно малозначимы.

Повлиял на «южан»: Олеши, Ильфа – Петрова и Паустовского.

В начале 30-х Бабель хвастал, что участвовал в коллективизации в Киевской области, и привирал, что научился спокойно смотреть, как расстреливают людей. Должно быть, тогда кропел над мифо-типами и этой страшной эпохи? Должно быть, эти-то рукописи после его ареста и сожгли на Лубянке. Всё-таки «горят».

Зоценко М. М., 1895- 1958, сын художника и актрисы, юрфак СПб ун-та, с 1914 – юнкер, в боях – до прапорщика, отравленный газами в февр. 1917 отчислен штабс-капитаном. Летом комендант почтамта. В нач. 1919 в Кр. армию в боях под Нарвой. По демобилизации – телефонист, сыщик, столяр, сапожник и пр.

Как у Тэффи, юмор положений. Создал комический образ обывателя – в страданиях неудач и неудобств от нелепой бюрократич. волокиты, от бедности, собств-й скупости, от грубости и т. д. Критика порядков лютая, а не придерёшься. Стиль легковесный, короткие фразы, с презрением к самому рассказу. И на каждом шагу

расхваливает славное строительство, новую счастливую жизнь и исключительную редкость в ней мещанства, корысти, лени, обмана и всяких неприятностей. Но и сами расхваливания так косноязычны, что похожи на издевательство, но прямо и не обвинить в издевательстве. Так что у Сталина и Жданова были основания возмущаться странным диссонанщиком в общем хоре прославителей их рая. Тем более подозревая намеки на свою персону.

О любви и старении, восхищении природой и грусти, о страхе и надежде – обо всем насмешливое балагурство заплетающимся языком, под Гейне и Гоголя, в смеси высоких и низких деталей и эпизодов, политических лозунгов и забавных претензий, высмеивание цветастой поэзии посредством её буквального житейского толкования.

Для нас странно, что Зошенко, умевший посмеяться над царями и генсеками, вдруг принял так близко к сердцу брань каких-то временщиков. По простодушию? Почему не презирал их, как А. Ахматова? Или тогда в угрозах смертельных репрессий было не до смеха?

В *«Голубой книге»*, 1934 развенчание прославляемой поэтами любви; вместо неё – пошлый флирт и торопливые неуютные встречи. И как-то поверхностно. Воспоминания – калейдоскоп беглых отрывков, скучных и большей частью пустых.

«Возвращенная молодость», 1933 и *«Перед восходом солнца»*, 1943 – умный анализ психики, хотя упрощенный и многословный, но это, пожалуй, уже вторжение в психологию и философию.

Зазубрин (Зубцов) Вл. Як., 1895-1937. Сызрань, семья ж-дорка, учился в гимназии. Худенький, курчавый. В 1916 арест за рев. пропаганду, по освобождению в авг. 1917 мобилизован и направлен в Павловское военное училище в Пг, в авг. 1918 – в Иркутское юнкерское училище, служил в колчаковской армии, в октябре под Канском перешёл к красным.

«Два мира», бессюжетная эскизная халтура, не роман, а отрывочная хроника сибирской гражданки: белые – только чёрной краской: зверства чехов и колчаковцев над крестьянами, красные – белой, массовые сцены романтического рев. пафоса и символов, но и здесь натуралистические жестокости.

М. Горький расхваливал (ещё и от имени Ленина): «Очень страшная, жуткая книга, конечно, не роман, но хорошая, нужная книга». Шаг дальше Шолохова к тяжкой, зверской правде.

Издана тогда десять раз. Зачитывали вслух в воинских частях.

Работал в армейской газете. В 1923 - 1928 г. «председатель и секретарь» нового журнала «*Сибирские огни*».

«*Щенка*», 1923, рассказ по надрывной исповеди чекиста Срубова. Ужасы о расстрелах в ЧК: как заводили в подвал, заставляли раздеваться догола, как приговоренные жутко пугались, хитрили, молили, униженно ползали, как шутили... Гордится: без сюсюканья, мужественно тяжелый революционный долг, подвиг ради будущего человечества. И мечтает, что в «просвещенном» будущем «террор необходимо организовать так, чтобы работа палача-исполнителя почти ничем не отличалась от работы вождя - теоретика. Один сказал – подписал, другой нажал кнопку автоматарасстреливателя» или включил газы, электричество, смертоносные бактерии. И «начнут обращать приговорённых в вакуу, в вазелин, в смазочное масло». «Главное, чтобы не видеть крови».

Рассказ опубликован только в 1989 г.

«*Общежитие*», 1923 г. В общежитии губпартшколы беспорядочные совокупления под наблюд. врача-экспериментатора над людьми доктора Зильберштейна, сифилис и «нужные доклады».

«*Бледная правда*», 1923. Бывшего кузнеца, большевика, рев. партизана и начальника тюрьмы Аверьянова, назначают на должность начальника Заготконторы, в работе которой он ничего не смыслит. «На досуге разьясним, дорогой. Распишись!» Он не смеет отказаться, провалился и получает смертный приговор.

Критик Г. Лелевич возмущался соч-ми: «У нас не было ещё такого позорного, отвратительного, слюнявого пасквиля на революцию, на коммунистическую партию».

В 1928 г. «за участие во внутрипартийной оппозиции» Зазубрин был исключён из ВКП (б). Горький принял его в Москве, редактором в Гослитиздате и журнале «Колхозник».

«*Горы*», 1933, в ж. «Новый мир»: в пильняковском стиле героико-эпическая хроника от алтайских коммун до «третьей революции» – коллективизации, медвежьей охоты и разгром банды, возглавляемой белогвардейским офицером.

Писатель Ф. Панферов в «Открытом письме А.М. Горькому» в 1935 негодовал: Вы нахваливаете книгу Зазубрина «Горы». А в ней клевета: коммунисты объявляют войну крестьянству, таскают и показывают всем отрубленную голову врага, покупают себе молоденьких барыnek. + Языковое кривлянье: „нонче зверь отшатился“, „вода горы колыбает“, „чоде вы зорить нас, хрестьян, хотите“, „шеперься“» (См.: Авдеенко А.О. Наказание без преступления. М.. 1991. С. 94-95).

Не поймешь: то ли наивный романтик, то ли хитрый враг, или то и другое? Зазубринское прославление коммунистов стало *антикоммунистическим*.

В 1932 на 26 октября Зазубрин участвовал во встрече советских писателей-коммунистов с членами правительства в Москве в доме Горького. В ходе дискуссии борзописцы разошлись запанибрата со Сталиным. Зазубрин осудил цензуру за помехи правдивому изображению Генсека: «Вот, например, один мой товарищ захотел описать Сталина. Что же заметил в Сталине мой товарищ, произведение которого не пропустила цензура? Он заметил прежде всего простоту речи и поведения, рябину на лице. Словом, ничего величественного и никакого рефлекса на величие..., какой виден у Муссолини во вздернутом подбородке». Нельзя рисовать Сталина и других членов Политбюро, «как членов царской фамилии, с поднятными плечами...» (*Вопросы литературы*. 1991, май. С. 151-152).

Сравнение с вождем итальянских фашистов заметно задело большевистского лидера. Он «сидел насупившись». А когда Никифоров отверг тост за вождя: «Уже миллион раз пили», – Сталин поднялся и, протянув ему через стол руку, пожал кончики пальцев: – Спасибо, Никифоров, правильно. Надоело это уже. (С. 162).

Тогда они радовались. Как весело и непринужденно проходит общение с высшей властью!.. С восторгом чокались. Пели вместе песни. (*Громов Е. Сталин: власть и искусство*. М., 1998. С. 153). А через пять лет в 1937 г. НКВД расстреляло каждого четвертого из участников «дружеского» застолья.

Алексеев Мих. А-др., 1896-? Маляр, в 1914 – пулеметчик, потом большевик
«*Большевики*», Л., «Прибой», 1925. – 198 с. Роман.

Уже начало фальшиво. «Все работники любили «секретаря» как отца и учителя»(9). «Рабочие в любую минуту были готовы умереть за революцию» (9). А затем скука каких-то надуманных приключений с бесконечной стрельбой.

Замойский (Зевалкин) Петр Ив., 1896-1958. подпасок, половой в трактире, на войне покалечил левую руку, в 1917 писарь в селе, в земской управе, с мая 1918 в партии, в разных укомах, рабфак, в СП.

С 1921 г. роман «Ланти», т. 1-4, 1929-36. Об упорных бедняках деревни в нэп и коллективизацию. Автобиография трилогия: «Подпасок», 1969, «Молодость», 1946, «Восход», 1957.

Тиражи млн-ые, а кто теперь читает?

Быт, заботы, язык знает, но события – схематично и упрощенно. О насилии и голоде умалчивает. Добрые сатиры на председателей – на уровне очерков В. Овечкина.

Иванов Вс. Вяч. 1895-1963, сын польки ссыльной в Павлодар и приискового рабочего, выучившегося на учителя. С 14 лет наборщик, матрос, клоун, газетчик, в 1917 – эсер, меньш-к, больш-к.

Повести о революции: «Партизаны», 1921, «Цветные ветра» 1921, «Бронепоезд 14-69», 1922, одноим. пьеса 1927,

Бессвязные обрывки разговоров и ярких метафор о лицах, дикой природе, быте. Грязные портки, равнодушные убийства и прочие мерзости и жестокости – натурализма. По ним догадывайся об общем ходе событий. Думай, мол, сам. А души спрятаны.

Корявые звериные, но увлеченные трудом мужики за грабежи отвергают Колчака, казаков, чехов и японцев и сёлами бегут в партизаны. Но почему заискивающе льстят больш-кам? Командиры для партизан нужны? А продотрядов не знали? И автор любитесь колоритной удалью больш-ов. Все весёлы – в радости: сами не убиты и победили. Недостает откровенности.

Что-то вызывает недоверие. Почему он притулился именно к Серапионам? О чем думал в 30-50 гг.? Почему замолчал о современности? У запертого от страны в Переделкино не получалось ничего путного?

Оказывается, он сотрудничал в колчаковской газете «Вперед» - и Сталин узнал это. Несчастный пленник.

Шварц Евг. Льв., 1896-1958. Казань, православный русско-еврейский сын врача. В 1912-16 юнкер [?], в марте 1918 – в «ледовом походе» белых Корнилова, потом – в продотряде. [?] От контузии дрожание рук. Юрфак ун-та бросил. Драматург, сценарист.

Казалось, несерьёзный сказочник, даже ругали за аполитичность. Переложения классики: *«Голый король»*, 1934, *«Снежная королева»*, 1936, *«Тень»*, 1940, *«Золушка»*, 1946, *«Дон-Кихот»*, 1957 и др. на бытовом языке в сценарии детских спектаклей и фильмов, но узнаваемы сов-е реалии. Фантастической повседневностью аллегорий близок Гоголю и Булгакову. Есть и собственные сказки: сатирические *«Полождения Гогенштауфена»*, 1934: сов-й управделами Упырев – упырь, а уборщица Кофейкина – добрая фея. *«Клад»*, 1930-33, - скучные поиски рудника. Детская (и не только) притча *«О потерянном времени»*, 1940. *«Обыкновенное чудо»*, 1954 – Слащаво о могуществе женственности и любви.

Через гротеск или аллегории реалии → в сказку, пронизательная мысль, злободневные аллюзии, меткий язык, верные типы характеров, ирония, парадоксы. Хотя немало и посредственности.

Доброта и смелое благородство: помогал беспризорным, театральным дебютантам, семье арестованного Заболоцкого, изгоя Зошенко, уволенному Б. Эйхенбаху.

В эвакуации в 1943-44 прорвало – *«Дракон»*. Выстрадал идею: есть высшие обстоятельства, по которым победитель дракона сам превращается в дракона. П. ч. власть у него перехватывают припешники злодея, а у горожан любить и жалеть друг друга не получается, т. к. в их собств-х душах, развращенным драконом, безруких, глухонемых, дырявых, мертвых, покорных, продажных, прожженных, окаянных, таится дракон. Признавался: «Писал про Гитлера, а получилось про нас». После первой постановки – под запретом до 1962 г.

После войны при Сталине Шварца не ставили. Заступалась О. Берггольц – не помогло. *«Убить дракона»*, 1988 (сценарий с переделкой Гр. Гарина и Марка Захарова), где Ланцелот все-таки свергает дракона и Бургомистра и обещает всем - всем счастье.

Ильф, Илья, 1897-1937, **Петров**, Евг., 1902-42. Оба одесситы и технари по образованию, но разные: Ильф иронично печален и

молчалив, больше сатирик. Петров – весельчак, балагур и горяч, три года прослужил инспектором уголовного розыска.

С романами успели вовремя («*Двенадцать стульев*», 1928, «*Золотой телёнок*», 1931). Сталин давил коллективизацию и парт-ую оппозицию – и режим ужесточился. Еще до поездки в Америку Ильф ныл: «Репертуар исчерпан... Как теперь писать? Великие комбинаторы изъяты из обращения. В фельетонах можно показывать самодуров-бюрократов, воров, подлецов. Если есть фамилия и адрес – это «уродливое явление». А напишешь «рассказ», сразу загалдят: обобщаете нетипичное явление, клевета...».

Но и в их издании цензура выдрала добрую треть текста.

Как читаем, веселимся – по Петрову, восхищаясь меткостью наблюдений; прочитаем – прослезимся, по Ильфу, и затоскуем: Боже! И в какой дурацкой стране мы живём! И, конечно, не поверим в обобщение, – слишком печальное.

Катаев Вал. Петр., 1897-1986, одессит, из семьи свящ.- учителя, поклонник И. Бунина, его мл. брат – Евг. Петров.

Гимназистом в 1913 в стихах приветствовал царя за подавление «смуты» 1905 года. Из гимназии сбежал на фронт, потом денкинец, в 1920 – то ли в оф-ом заговоре, то ли в провокации ЧК – для запугивания населения. Через полгода отпущен. Офиц-о воевал в Кр. армии. С 1922 подвизался в газ. «Гудок», ж. «Крокодил», где нашли приют И. Ильф, Е. Петров, М. Булгаков, Ю. Олеша, М. Зощенко, но в. б. служить презираемым им больш-ам своими полудетскими примитивными сказочками.

«*Время, вперед!*», 1932, – утомительно репортажный «роман» – до карикатуры: Давай темп! Все спешат, а действия нет и ничего не меняется. Смешно. – М. б, и в самом деле, карикатура?

Лирич-ие рев-ые повести: «*Белеет парус одинокий*», 1936. О гимназисте как раз в 1905 году. «*Катакомбы*» (За власть Советов), 1949. Живо и ярко, но нет сердечности и правды жизни.

«*Хуторок в степи*». Невозможно, унизительно льстивая книга. Врет даже о том, о чем уже дозволена правда. А в «красивых» картинах перепевы Тургенева и Толстого.

Атеист - гедонист с репутацией циника. Д. б., сам себе бывал противен, оттого на него нападали раздражение, грубость и само-

дурство, а после войны – запой. А, м.б., считал свою подлость хитрым подвигом? Были бы без него Ильф и Петров?

Орг-тор и гл. ред. ж. «Юность», 1955-61, где открыл дорогу Кузнецову, Аксенову и др. критическим авторам. С 1958 – в КПСС. А в 1966 г. подписал «письмо 25-ти» Брежневу против реабилитации Сталина. Герой соц. труда, 1974 г.

Публицистическая повесть «*Маленькая железная дверь в стене*», 1964, где прежнюю гладкопись сменил «мовизмом» (от фр. *mauvais* «дурной»), противопоставляя его гладкописи официальной советской лит-ры. Так же «*Трава забвения*», 1967, воспоминания о молодости, друзьях, о литер-ах Одессы и Москвы 20-х гг. Мемуарная повесть. «*Алмазный мой венец*» // «Новый Мир» за 1978. Еще один сумбурный и зашифрованный роман о литераторах 1920 гг. Всё-таки гордился своей хитростью. Какая авантюрная жизнь!

Антибольшевский роман «*Уже написан Вертер*», 1979 // «Новый мир», № 6 за 1980 г. Какие-то запутанные сновидения о гражданской войне, чекистах, сексотке. В нашей истории нам все ясно; только снов нам и не хватает. Но в 1980 г. мог ли иначе?

Платонов (Климентов), Андрей Плат-ч, 1899 - 1951.

Сын слесаря - изобретателя-самоучки и машиниста паровоза из полусельской окраины Воронежа, бедняцкой Ямской слободы и сам рабочий, рано увлеченный революцией, мобилизован в РККА. Стрелок в ЧОНе, в 1920 вступил в РКП (б), через год сам вышел.

Здесь не «хождение в народ» интеллигенции, а, наоборот, здесь сам народ – самоучка пришел в литературу и открыл свою душу, свои револ-ые очарования, свободный творческий энтузиазм и страшное разочарование заблуждений и нового гнёта.

Есть рассказы стройные и отточенные, как «*Песчаная учительница*», 1927. Прелесть, но содержание традиционно: о труженице - учительнице, её вере в переустройство мира, ум и гуманизм и восхищение её подвижн-ством. Хотя судьба её самой печальна.

«*Сокровенный человек*», 1927. Осмысливание гражданской войны глазами дурака Фомы Пухова. Голод, разруха, всё по приказу и за всё расстрелы, в конце концов ведущие к равнодушию. Замечательно реалистическое изображение рабочего в революции, без плакатных прикрас, с близким знанием его психологии, грубо-

сти и нежности, комического невежества ума и чистоты чувств. Жаль мало и обрывочно.

«*На заре туманной юности*». Просто и реалистично. Жизнь девушки во время революции. Как осиротела, училась на курсах, спасала состав.

«*Эфирный тракт*» – о каком-то помешанном технаре с «биологией электронов».

«*Чевенгур*», 1926 -29. Куски из романа: «*Происхождение мастера*», «*Смерть Копёнкина*». Впервые в ж. “Дружба народов”, 1988. Как о философе – «Вопросы философии», 1989, № 3.

Что это? Отчаянная мечта угнетенных малограмотных романтиков о коммунизме или злая карикатура на него? Наши нынешние «национал-большевики» молятся на этот роман, как на новый завет и обещание «нового последнего Чевенгура».

Исключительная психологическая точность в отображении коммунистического духа в русской революции. Должно быть, сам Платонов в молодости прошел через такие мечты. Сохранились его расчеты, сколько понадобится динамита, чтобы взорвать Памирские горы, чтобы южные ветра растопили северную мерзлоту и превратили Россию в цветущий рай.

Степной городок времён гражд-ой войны. Всерьез и немедленно установление в нём коммуны, идеала правдоискателей – бедняков, «пролетариев» Ал-дра Дванова, донкихота Копёнкина, ищущего обожаемую Розу Люксембург, и предводителя городской «голи» Чепурного, лютого ненавистника частной собственности, богатых и умных (знания и разум интеллигенции – тоже несправедливое неравенство и орудие угнетения). Бедный заведомо честен, а богатый – сомнительно. Во имя земного рая альтруисты инквизиторски жестоко унижают и убивают своих «буржуев» и «полубуржуев», но и сами мученически и геройски гибнут под саблями белоказаков.

Если у Замятина кошмарный рай тоталитаризма творится разумом, когда на деле он оказывается глупостью, то у Платонова чевенгуровский коммунизм – «власть дураков», захотевших, чтобы мир можно было преобразовать не разумом (Что делать, раз его у тебя не хватает?), а освобождением души в безумстве (интуиции или абсурде?). «Блаженны нищие духом», идиоты. По-русски.

Радость отрицания - уничтожения классового врага и святотатства над его святынями, прежде всего – собственностью, церковью и закрепощением моралью. Но их раскрепощение секса и «обобществление жен» – не барская оргия, а аскетизм. Захваченное богатство – роскошь («прибавочный продукт») тоже с презрением обесмысливается применением вещей не по назначению, празднично истрачивается и триумфально истребляется. Возврат исключительно к минимально необходимому. В коммуне никто не хочет работать, потому что труд создает имущество, а оно – угнетение. Переходят на подножный корм. Зато тешатся придумыванием себе солидных должностей с торжественно нелепыми названиями.

Коммунист Саша Дванов кается в аскетизме, которым опорочил свой идеал и «незаметно уходит из жизни», а его брат лжекоммунист Прокофий кается в алчности. Как это совместить?

Открывается трагический абсурд и неосуществимость идеала, – искренне и со страданием, потому что, похоже, против воли автора.

Сталинская коллективизация и индустриализация углубили разочарование Платонова:

«*Епифанские шлюзы*», 1927. Драма неграмотной затеи Петра I по соединению Волги с Доном. Похожа на сталинские затеи.

«*Усомнившийся Макар*», 1929. Похождения деревенского мужика в Москве, просмеивание его глазами.

«*Впрок. Бедняцкая хроника*», 1931. Дикости коллективизации.

«*Котлован*», 1929-31. (Впервые опубли. в ж. «Грани», 1969, «Новый мир», 1987). В беспокойной тоске о «созидании мечты» выразил свои впечатления от раскулачивания, голода, коллективизации и индустриализации, чтобы «зачислить мужиков в пролетариев», гнёт их позора и бессмыслицы. Страдание от картин бессмысленной растраты сил и жестокости. Тоска утраты понимания мира и смысла жизни. Весь самоотверженный «энтузиазм» на строительстве будущего, не потому что верят и понимают, а просто п. т., так или иначе погибать, нечего терять, ничего не жаль. Лишь бы в труде забыться от тоски и поддержать надежду. Сиротская жалость.

Похоже на схематичну. Символическую притчу. Гротеск.

Много слабее «*Чевенгура*». Осмысливает историософски, всего лишь метафорой, сюрреалистический миф: вместо строительства

большого общепролетарского дома-башни вверх – Вавилонского столпотворения роют землю вниз в яму котлована, могилу для мёртвых. Намек на проект Дворца Советов?

Землекопы либо копают, либо тугодумно философствуют о смысле своего дела. (Почти как позже интел-ты на кухнях).

«*Счастливая Москва*», 1936. //«Новый мир», 1991.

Писал в ожидании ареста, в тяжелой тоске полного разочарования. Сюрреалистическая аллегория.

Здесь Москва – не город, а имя загадочной несчастной девочки Честновой. Вместо ноги – деревянный протез. Её бездумные непредсказуемые поступки. И вокруг изломанные революцией люди.

Все странные психи. Хирург ищет в кишках трупов вещество души, продлевающее жизнь. Другой изобретает сверхточные весы для установления справедливости. Но все одинаковы. У всех непонимание окружающего и запутанные попытки мысли в тяжеловесных неуклюжих бормотаниях и абсурдных бессмыслицах. И такое же официальное косноязычие чиновничьих и газетных штампов. У всех плаксивая жалость к себе, неприкаянному сиротке, однако магия вселенских преобразований, и, тем не менее, безучастность к себе и к ближним, поэтому никакого страха потерять жизнь, свою или чужую, – равнодушная жестокость. Ночные горькие сновидения детства, кошмары пережитого и бред самоубийства. Да и сам автор эти события переворачивающегося мира описывает внешне безучастно, без сопереживания.

И этот ужас не где-нибудь в концлагерях, а в повседневности. Ничего страшнее в мировой литературе не было. Но никто же автору не верит, считает, что зеркало бредит. Понятно, читать неприятно и тяжело – и не читают.

Многое у Платонова, такое, как «*Чевенгур*», «*Котлован*», «*Счастливая Москва*», до невозможности трудно читать. Такая невероятная тёмная дурь. Текст намеренно рыхлый, небрежно запутанный и обрывочный, будто сон. Боль буднично жестоких картин и деталей, скорбно некрасивых. Слог – смесь старинного торжественного, из житий и апокрифов, современного технического и грубо злого бедняцкого. Диалоги правдивы, скорбно некрасивые, намеренно исковерканные фразы.

Хотя эта дурь, похоже, характерна. Если уж среди тогдашних «учёных» подвизались такие, как славные Лысенко, Лепешинская, Иванов (его скрещивание человека с шимпанзе), то что говорить о полуграмотных? Но если раньше у Платонова мелькали отдельные короткие насмешки, то теперь они сгущаются в мрачный сарказм.

Авторский язык самого Платонова = язык его персонажей, народный, суровый, грубый, неуклюжий, как смутны и корявы их мысли и чувства. Этот странный язык царапает и мешает впечатлению. Но что выбрать: гладкую стилистическую безукоризненность Бунина или Газманова, но старье их пустой унылой жизни? Или эти неуклюжие открытия смысла революции и ярких людей?

Гениальный писатель, хотя не мыслитель. Алмаз, хотя не бриллиант. Но будь он огранён, не потерял ли бы он в ценности первоизданной истины?

Всё-таки странно. Может ли гений быть столь косноязычным и коснодумным? Но вот же есть.

Однако тогда чем же он гениален? Проникновением в народную душу комм-ой революции и её краха, тем самым её объяснением народной трагедии России. А чьей-то случайной «ошибки».

«*В прекрасном и яростном мире*». Восторг машиниста паровоза.

«*Третий сын*», «*Фро*», 1936, «*Июльская гроза*», 1938. Слащаво, социальная идиллия. Трёхкомнатных квартир рабочим в 30-е г. не давали. Неужели Платонов это искренне? Испугался репрессий?

Должно быть, поздний Платонов переболел – сломился в толстовство. Трогательные завораживающие фантазии о доброте - любви. Рассказы 1937-45.

«*Река Потудань*», 1937. Вопреки окружающей убогости и грязи, а, может быть, в её следствие – молчаливая асексуальная нежная любовь демобилизованного плотника Никиты и медсестры Любы.

«*Одухотворенные люди*», 1942. О защитниках Севастополя. «Они (немцы) могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боя со всемогущими людьми, взрывающими самих себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели».

«*Никита*», 1945. Конец войны. Мир глазами одинокого малыша.

«*Возвращение*», 1946. С фронта. Раны войны на семье.

«Юшка», 1945. Подмастерье сельского кузнеца, грязный чахоточный юродивый, наивный непротивленец, над которым все смеются, а он жизнь положил, чтобы вырастить и дать университетское образование сиротке, ставшей в деревне таким же самоотверженным врачом. Л. Толстой позавидовал бы такому шедевру по его учению.

Пильняк (Вогау), Бор. Андр. 1899-1938, расстрелян, как «японский шпион». Сын немца-ветеринара из Можайска и купеч-й дочери, рос среди земской интеллигенции, учился в коммерч. инст-те.

Революция его не пугала, как Бунина и символистов, он видел её сразу всякой: мужицкой, большевистской, эсеровской, белогвардейской, монархической, – и национальным феноменом, как мужицкий бунт: «Жги, круши, грабь!» и возрождение любимой им допетровской Руси, старался оправдать прошлым страны и верил в её мессианство, поэтому сермяжность б-ков его восхищала. Это позволило ему зорко разглядеть много правды в гражд-й войне, хотя ко многому и делало слепым и мучило её осмыслением. .

Но стать коммунистом отказывался, а октябрьский переворот 17 года объяснял обычной русской неурядицей. “Судьба России важнее, чем РКП (б)”. Такой честностью правдорез «лез на рожон» травли и расстрела.

Но такими речами в Берлине в 1922 он подтолкнул к возвращению А.Толстого и И. Соколова-Микитова.

Был близок к Троцкому, дружил с Замятиным, Есениным, который его ценил, но считал “халтурщиком” – не без основания. Духовно они близки – фольклорным натурализмом и лирическим настроением, в отличие от Ремизова да и во многом от А. Белого.

«Голый год», 1920-22. М. –Л., Гиз, 1930.

Поэтизированная публицистика из рваного хаоса картин и эпизодов хмурой природы, затхлого быта, грязной эротики и диких нравов косных купцов, выродившихся дворян и попов. Всё это в литературе описано стократно. Новое разве что – вся эта старина окончательно рассыпается в погромы, голод и тиф.

В контраст им лестно противопоставил волевых большевиков, в кожанках, с обтянутыми скулами и готовых «функционировать» и бесстрашно расстреливать. “Или воля гольтьбе, или в поле на столбе”. «Лучший отбор из русской рыхлой корявой народности».

Но быт и нравы “хамодержавия” только мельком обозначены канцелярскими документами ревкомов и немногими абзацами, тощими, хотя достоверными и ценными. В голод своя столовая – вот, что соединяет чекистов, так сказать, в свойскую коммуну. То же, что и у анархистов.

Фрагментарность и сюжетная запутанность – как у А. Ремизова и Анд. Белого, якобы отражают суматоху революции, хотя даны зарисовки одних тылов, а гражданка только названа несколькими строчками: против белой артиллерии прут жидкие красные цепочки в ободранных шинелях. Никаких конкретных образов.

Должно быть, он надеялся на рев-ю, но цельно уразуметь не мог.

Строго говоря, Пильняк не прозаик, а поэт в прозе. Одни обрывки впечатлений, а из них – общее настроение, – в итоге рваное, антиномичное и незавершенное и оттого тревожное. В своем импрессионизме он потерял преимущество прозы – подробности жизни и переживаний отдельных людей.

Тем не менее его успех среди читателей тогда был таким, что на его выступление в Киеве в зал, рассчитанный на полторы тысячи зрителей, набивалось несколько тысяч, а порядок на улице охраняла конная милиция.

После поездки в Англию, подавившей его своей промышленной мощью, практицизмом и уважительностью к личности, стал с большевиками за индустриализацию, а “ужас революционного насилия” над личностью уже воспринимает как нац-ю отсталость и беду страны. Новые настроения вылил в романе

«Машины и волки», 1924. М. – Л., Гиз, 1930.

Англия, портовые краны, прожекторы. Славит машины и пролетариев и смачно рисует мрачные деревни с волками и запуганными людьми, которые чувствуют себя волками и настороженны и безжалостны, как волки. Эта дикость должна уйти.

Всё слишком известно. Должно быть, скучно было читать?

Композиция та же, поэтизированная публицистика, сумятица бессвязных картинок. Хотя уже считал: революция закончилась, “у всех похмелье”, – и писать надо не как раньше, не в хаосе, а просто.

«Повесть непогашенной луны», 1926. Намёк на убийство приговоренными хирургами председателя РВС Фрунзе. Хотя выведен

командарм с другой фамилией, но Сталин выдал себя гневным переполохом и конфискацией тиража.

«Волга впадает в Каспийское море», 1930.

О «соц. строительстве» канала «Москва-Волга». Тогдашний уже комфортный быт номенклатуры, особенно технической, подан в светлых красках. Но строители-рабочие унижают инженеров и, к недоумению ученых технарей, почему-то маршируют строем, – д. б., намек на зеков, любовные дразги, затаенная вражда, споры «коммунистов» и «настоящих коммунистов», но ничего явно антибольшевистского.

Разве что вставка из не пропущенного *«Красного дерева»*, 1929, где упомянут старозаветный загул, воровство и бесхозяйственность безнаказанных руководителей, в деревне половина мужиков трудится от рассвета до темна, живет справно, властей боится, продналоги платит, но считается “врагами рев-ции”, а другая половина – лентяи или недотёпы и болтуны с тощими коровками, получают семсуды, от налогов освобождаются и считаются “друзьями революции”.

Много частных метких наблюдений, но та же публицистика из хаоса обрывков.

Травили его за упрямую вызывающую беспартийность – явно, показательно, в острастку другим “солдатам пера”, для запугивания. Каждый партийный обязан был отметить ударом по спине прогоняемого сквозь строй.

Его сумятная проза, должно быть, верно отражала тогдашнее сумятное мировосприятие большинства: в происходящем мало что понимали. Но автор-то должен понимать больше персонажей.

Артём Весёлый (Кочкуров, Ник. Ив.), 1899-1937. Самара.

Сын портового грузчика (крючника) из недавних крестьян. Земское уч-ще.

Бесшабашностью влекло к анархистам. С 1916 стал записывать увиденное, быстро и хлётко.

В марте 1917 вступил в больш-ки. В 1919 – добровольцем на Деникинский фронт, потом – матрос, чекист, партийный газетчик. С 1921 в ж. «Красная новь».

До 1926 входил в объединение «Перевал», потом ЛЕФ, с 1929 – РАПП. Пытался учиться в МГУ. В 1937 – арест за «террористический заговор», забит на допросе.

Драма «Мы» – о сельсовете и продразверстке. «Вольница», 1924, «Страна родная», 1926, «Россия, кровью омытая», 1927-28, «Гуляй Волга», 1932. Бушующие толпы, стихия – своевольная, непокорная и размашистая. Большевиков почти нет. Разгул, пьянство, замкнутый круг взаимного озверения.

В манере Пильняка – сумбурная панорама из хаоса обрывочных колоритных эпизодов и этюдов. Но внешне. Долгие переживания персонажей скрыты. Чудные слова, ритмизация, экспрессия.

Романтическая вера: «умытая» значит очищенная, обновлённая. Но уже к концу книги – разочарование, обманутость. Трагические последствия: новое иго и катастрофа.

Олеша Юрий Карл., 1899—1960. Одесса, сын чин., юрфак.

«Зависть». (Ж. «Красная новь», 1927). Роман, похоже, автобиографич., о переживаниях подавленных интеллигентов, шутов и завистников на чужом, большевистском празднике жизни.

Страдания претенциозного и униженного неудачника-пьянчуги Ник-я Ковалерова, в духе «подпольного человека» Достоевского. Исходит ненавистью в зависти к приютившему его жизнерадостному здоровяку, бывшему революционеру, наркомому, размашистому директору треста Андрею Бабичеву и к усыновлённому им рабочему пареньку-футболисту Макарову. А его, грязного и ненужного, не пускают в кабинеты, на стадионы, на испытания самолёта, в общество красавиц, на открытия дворцов – в прекрасный торжествующий строящийся мир социализма, новых хозяев жизни.

Смесь реалистических картин с внутренними монологами ущемлённого, его фантазиями и пьяной болтовней.

Ловкая форма: и лестно ком. чиновникам, и позволяет в завистливом злопыхательстве дерзко сказать о них неприятную правду и метко подметить характерные детали. На деле, сказано по мелочи.

Автор одной книги. На этом романе словно выписался. Последующие рассказы – никаких противоречий жизни и мыслей. Чисто внешние описания с выводами на уровне газетных лозунгов и умилений маленькому ответу великого. Даже трудно поверить,

что это тот же автор. Нечего сказать? Или невозможно? Притворство? Алкоголизм?

«*Ни дня без строчки*» – попытка точных, без выдумки воспоминаний детства и юности. Но стремление исключить выдумку и последующее осмысление привело к отрывочности. Бедно, без глубины.

Может быть, этот упадок обусловлен тем, что, кроме своей юности и немного худож-ой лит-ры, Олеша в жизни ничего не знал и не думал? Даже в истории его занимают только поразительные совпадения, а в лит-ре – больше всего необычные метафоры.

Леонов Л. М., 1899-1994. Москва, Зарядье. Отец – торговец-поэт («суриковец»), кот-го в 1910 за стихи в духе Некрасова выслали в Архангельск. Л. начинал под влиянием отца, «крестьянское» косноязычие, стилизация под вычитанное: сказки, Блока, Достоевского, декадентов. В 1920 – красноармейский газетчик.

«*Барсуки*», 1925. Мужичкий бунт против продразверстки. Крестьяне у него были некрасовские страдальцы, а тут жадные злые звери. И всё это не вылазя из Москвы. Еще одна пустышка, имитатор чужих образов и стиля – по заказу: Как извольте-с?

«*Соть*», 1930, «произв. роман» о Сясьстрое. Вторжение промсти в старозаветную Русь. Голый пересказ событий – и вдруг картинка, как виденье, – без смысла, без чувства. Характеров нет. И злая презрительность ко всем. Вымученно корявый язык («басовитый», – восхищался М. Горький): «заедино», «остылый чай».

«*Нашествие*», 1942. Пьеса о начале войны. Стал-я премия.

«*Русский лес*», 1953. Гос. премия 1957.

Фадеев (Булыга), А-др А-др, 1901-56. Из семьи сель. фельдшеров Твер-й губ. Пересел. на Дальн. В., коммер-е уч. во Влад-ке.

В 1919-20 комиссар бригады.

В рассказе «*Разгром*», 1925-6, скучном и неуклюжем, виден интерес к лит-ре и зачатки таланта; но променял на тщесл-ю суету лит-го министра, подручного тирана. Его «жел-я воля» – такой же миф, как «железная воля» его хозяина.

За приятной улыбкой стояла предательская жестокость к другим, но к себе нежность. Собой он, алкоголик и неврастеник, управлять не мог и, когда после 20-го съезда открылся его позор и

прозвучало улюлюканье М.Шолохова, во «избавление от гнусного существования» повторил судьбу своего Мечика, – пророческую.

«Молодая гвардия», 1946. Примитивная книга для подростков о подростках – подпольщиках, замученных нем. фашистами. Газетному серо-белая, многословная и приторно высокопарная.

Из уважения к краснодонским героям эту «советскую классику» читали наивы, кто принимал за «подлинную историю» его «худож-ый вымысел», замусоренный суконной риторикой и притворной восторженностью. А сцена трогательного прощания убегающих обкомовцев с оставляемыми для подполья детьми?

Что Фадееву почему-то удалось, так это гадости о фашистах. Действительно, противно.

Уж эта “любовь диктаторов” к писателям. Подобна любви кошки к мышке. Она лишает свою жертву главного условия творческого успеха и счастья – свободы. Мучительным унижениям неволи Пушкин и Лермонтов предпочли самоубийство, скрытое дуэлью. Царский фавор лишил Гоголя родины и таланта. Сталинское благоволение заставило Фадеева испакоститься, спиться и застрелиться. И подобное гниение души пережили у нас тысячи.

Афиногенов А-др Ник., 1904-41, сын служащего, с 1922 – в партии.

«Машенька» – семейная мелодрама с лёгкой сатирой на мещан. Неурядица от различия желаний у каждого – и что из этого получилось. Немотивированность и фальшь чувств и поступков, выдуманных, предусмотренных и деланных “по плану” автора, составленному по книгам, газетам и партийным документам. Старается умилить наивностью Маши, небывалой у 15-летнего ребенка.

Тем не менее в 1936 подвергся травле, еле отстали.

Островский Ник. А-кс., 1904-36. Сын унтер-офицера, акцизного чиновника. В 1913 окончил начальную школу. Рабочий в кухне вокзального ресторана, на складах, пом. кочегара + училище. В 1918-19 связной ревкома, комсомол, кавалерист у Котовского и 1-й конармии.

В 1920 ранен под Львовым шрапнелью в спину. Чекист, пом. электромонтера. В 1922 – строительство ж-д ветки.

1932 *«Как закалялась сталь»*. Несгибаемый волевой Корчагин. Редакция *«Мол. гвардии»* треть сократила и б. в. дописывать.

Получилась, в общем-то, довольно посредственная книга для детей, маленьких и больших, о пареньке – озорном и героическом мечтателе об «освобождении человечества», но по развитию оставшемся на уровне школьника. Отсюда его горячность и суровость и слепота к своей жестокости. Таких книг, как *«Овод»* или *«Спартак»*, и таких романтиков всегда много – и тип изображен верный, знаменательный характер, символ времени.

Однако верный – если бы не умолчание в книге об ужасах, которые натворили такие парни в конкретных исторических условиях большевизма. А это умолчание превращает книгу в ложь, обманый маяк для наивной молодёжи. Сам автор рано ослеп, чтобы не увидеть разочаровывающих последствий своего героизма, и ему не стало от них «мучительно больно». Но кто шумно эксплуатировал его иллюзии для воспитания «беззаветных» самоотверженных слуг партии уже не могли такой слепотой спасти свою совесть.

Овечкин Вал. Вл. 1904 - 68. В Таганроге подмастерье сапожника, сельс комсомол, избач, учитель, с 1925 предс. коммуны, с 1929 - партработник, с 1934 - газетчик.

«Районные будни», 1952-56. Полемич. очерки, критика сельс. бюрократизма, надежды на подъем колхозов.

Среди тогдашних популярных **публицистов**, таких как Анат. Аграновский, Всеволод Овчинников, Гавриил Троепольский, Юрий Черниченко, Овечкин выделяется конкретным знанием колхозных реалий, но также особой наивностью своей надежды на реформизм советской сельской бюрократии, за что он лихо поплатился

Смирнов Вас. А-др, 1905 – 79. Из яросл-х крестьян, комсомол, партшкола, газетчик.

«Открытие мира», 1947-73. Скромно, верно и чисто. Почеховски, но без пессимизма. Хорошая книга, особенно 1-я часть. Какая-то лирическая теплота и нежность к далёкому детству. Первый верный крестьянин. Следующие части – бегло, д. б., о многом умалчивает.

Гроссман Вас. Сем. (Иосиф Солом.), 1905-64. Бердянск под Житомиром, сын инженера-химика, выпускник Бернск. у-та, купца, бунд, меньшев-ка. Рос с мамой, уч-цей фр., расстр-ой немцами в 1941. 1912 – в Швейцарии, 1914-19 реаль-е уч. Киев, 1923-29 физ-мат МГУ. НИИ в Донбассе. Троцкист. Корр-нт + участник боёв в Ст-граде. Награды. Подполковник.

«В городе Бердичеве» // ЛГ, 1934. О гражд-ой войне.

«Глюкауф» // Лит. Донбасс, 1934. О шахтерах.

«Степан Кольчугин», 1937-40. О револ-рах 1906-14, т.4, 1947.

«Народ бессмертен», 1942, «Сталинград», 1943,

«За правое дело», 1954 // «Новый мир», 1952, № 7-10. Превосходство доброты и жертвенности над жестокостью. Без «роли партии».

«Жизнь и судьба», 1961, арестована КГБ, Лозанна, 1980, М., Ж. «Октябрь», 1988. Еще с купюрами. Полно 1990: М, Челябинск.

Эпопея о тоталитаризме и войне, срав-е сталинизма и гитле-ризма, осуждение покорности как предательства.

Сильная книга. Цепенящие сцены: концлагерь, блиндаж КП в Ст-граде, бои, изба эвакуации, НИИ, кабинеты тиранов, камера Лубянки, типы характеров. И герои (Ершов, Греков, Новиков, Штрум, Викторов, Шапочников), и фанатики, и холуи. Смятения, прозрения, раздумья автора и персонажей. Под пулями и перед казнями развязывается свободомыслие.

Толстовское чувство народа и доброты в тяжелых испытаниях. Анализ эпохи - наблюдательно и умно. Метко Штрум (подгл. 19): в общ. менталитете и в физике 19 века – индивиды, а в 20 веке – со-вокупности (страты) и вероятности событий. В исповеди чекиста Магира и капитана Грекова: Ни Маркс, ни Ленин не поняли свобо-ды как основы добра. («Раньше управляли по-глупому, а я буду – по-умному»). Но образов из народа маловато и бледны.

Слово «судьба» обретает смысл «исторической необходимости», насилия.

«Всё течёт...», 1955-63, Frankfurt/M., «Посев», 1970, М, 1994.

Пожалуй, еще сильнее. Особенно о голодоморе. Откровен-ней, досказанней. Большой мужественный писатель.

Шолохов, Мих. А-др., 1905-84. Внебрачный сын горничной, насильно выданной за атамана Кузнецова, но ушедшей к много-

детному «иногороднему» рязанскому купцу А.М. Шолохову, арендовавшему землю у казаков. В 1914-18 четыре класса гимназии, 1920-22 учитель нач. школы, делопроизводитель заготконторы, продотряд, – попал под красный трибунал то ли за «перегибы» (его версия, даже угроза расстрела), то ли, наоборот, за снижение продналога богатым. С осени 1922 – в Москве. На рабфак не приняли по недостатку труд-го стажа и комс-го направления, грузчик, разнорабочий, самообразование. В 1925 встреча с Серафимовичем.

«Донские рассказы», 1926. Черно-белые ужасы и мелодрамы, схематично и однообразно.

«Тихий Дон», т.1-2, 1928, т.3, 1932, т.4, 1940.

В его авторство изначально с 1929 г. не верили. Чувствовали диссонансы. Как юноша, *только что* публиковавший скромные рассказы, мог *вдруг* создать такую грандиозную эпопею народной трагедии гибели прекрасного мира, катастрофы – без идеальных героев? Откуда такое знание казачьей жизни и событий мировой и гражд-й войн, когда он был ребенком? Более того, даже деталей казачьего военного быта и обмундирования начала века, которых он никак не мог видеть, п. ч. еще не родился? Как недавний красный командир мог изображать – воспринимать гражд-ую войну глазами белых и обличать красных? Откуда в тексте явные ошибки недостаточно грамотного *переписчика* другой рукописи – вроде “*скипетр* красок“ вместо “*спектр* красок“?

Скорее всего, предъявленная рукопись – *его*, но переписана с чужой – с некоторой его правкой. Кстати, и спец. комиссию 1929 г. для проверки его авторства возглавлял Серафимович.

И как только такая книга проскользнула сквозь большевистскую цензуру в печать? Д. б., усилиями Серафимовича в разлом вражды между Троцким и Сталиным.

Да и потом Ш. не создал ничего близкого по худож-му уровню.

«Поднятая целина», 1932 г. – угодливо фальшивая книга о коллективизации. Не чувствует народной трагедии. Ни цветистые словечки, ни красивые картинки, ни смешные эпизоды не могут скрыть внутренней пустоты и упрощенности целого. Либо глуповатые крестьяне, либо затаившиеся хитрые враги, намазанные одной черной краской, либо светлые большевики. Давыдов – пустая схема, думающая только о деле. Реалистичен один истеричный фанатик Макар Нагульнов. Да к концу добавлен чувствительный об-

раз Андрея Размётнова, председателя сельсовета из бедного казака. Горькие унижения, когда за счёт войска справляли его на службу: другие щеголяют на скачках, а него одна обтрёпанная шашка, ни коня, ни обмундирования. И после германской войны в 18 году вступил в Красную армию, а в госпитале узнал, как станичники из мести опозорили – изнасиловали его любимую жену – и она, проплавав много ночей, наложила на себя руки, а за ней умер и младенец.

Несмотря на то, что ведь правду Ш-в знал и имел мужество вступаться письмами властям за пропадавшие по ночам целые станицы. Угодливая черствость не совместима с талантом.

И некоторая антисоветская правда в книге невольно прорывается: о злодейственности буйных расстрельщиков Нагульновых и их деловой и трудовой никчемности: даже крышу за ним должен перекрывать дед Щукарь; тогда как приневоленный вредитель Яков Лукич – лучший работяга и хозяйственник, а несведущее колхозное усердие Давыдова без конца обреченно скрипит; таковы же ядовитые пародии Щукаря на карьеристов – «революционных активистов».

Ни вспышек образов, ни наблюдательности, ни психики. Именно после этой книги неверие в его авторство *«Тихого Дона»* так усилилось.

«Они сражались за родину», 1943-44. Одни солдатские байки и балагурство. Так и не закончил.

«Судьба человека», 1957. Тема рассказа большая, но исполнение бледное, какое-то газетное. Вроде б о военных страданиях человека из народа, но его души не видно.

Верно, от этой ложности своего положения Ш. и спился.

С 1960 г. ничего не писал. Целых 24 года! Бесподобный для писателей случай. Иногда только публицистика.

Шаламов Варлам Тих., 1907 – 82, Вологда, гимназия - школа, рабочий в Москве, из МГУ, юрфак был исключен как сын священника. Как троцк-й подпольщик 20 лет познавал жизнь лагерей.

«Колымские рассказы», 1954-73. Страшная правда раздавливает.

Закруткин Вит. А-др, 1908-84. Феодосия, сын стат-го советника, инспектора нар-х учителей, в 1915-16 таманское каз-е уч-

ще, 1927 Химпромшкола в Одессе, но арест за тетрадь с критикой, экстерном Благоевщ. ПИ, аспирантура ЛГПИ, доцент- пушкинист в Рост. ПИ, в войну арм-й газетчик, лауреат. С 1946 на Дону, в “плавучей стан-це“ Кочетовская.

«*Матер ь человеческая*», 1969. Одинок ая женщ-а на сожженном немцами хуторе спасает детей и шадит раненого немца. Символ женскости и всё такое, но как-то искусственно – вне войны.

«*Сотворение мира*», трилогия, 1956 - 79. Семья фельдшера Дм. Ставрова в 1921 – 45, гибель России и возникновение СССР. Цветастое подражание «Тих. Дону» и Сергею-Ценскому.

Бытовые картинк и верны. Ясно, что сам крестьянствовал. Но затянута. Иногда интересные исторические детали, даже Б. Савенков в деревне. Обзоры газетным языком. То вдруг зачем-то эмигранты. Не видно никакого художест-го открытия нового в жизни и её понимании. Вопросы предрешены. Острые углы обходит. Изложение по-детски упрощенное, пустое.

Крымов, Юрий Солом., 1908-41. СПб Сын литераторов. Физфак МГУ (1930), на строительстве касп-й судоверфи. Погиб в бою.

«*Танкер «Дербент»*», 1938. «Героическое» спасение загоревшегося танкера. Начало шаблонно, но дальше мастерски: сюжет напряженный и быстрый, образы яркие, но без вычурности. Язык точный. Многое и в характерах, и в событиях не показал, но дал понять умно.

Арбузов А-кс Ник., 1908-86. В 1916 в Пг. гимназист, но умирает мать, с 11 лет бродяга. Колония. Увлеч. театром, статист. Драматург. «*Таня*», 1939 – успех. «*Иркутская история*» – тысячи постановок. Трогательно. Жизнь вне политики.

Штильмарк Роберт А-др, 1909 - 85. Сын моск-го инж-ра, журналист «Известий», ТАСС, в войну – разведроде, в 45 арест «за болтовню» о переименованиях городов, архитектуре и т. п.

В лагере для нарядчика приключ-й роман «*Наследник из Калькутты*», 1958. Немысл-ый вздор о пиратах и авантюристах 18 в.

«*Падшие ангелы*» («*Горсть света*»), 1992, 2001. Лаг. хроника. После Солженицына – не откровение.

Бабаевский Сем. Петр., 1909-2000. Из крестьян на Кубани, нач. школа, ком-я ячейка, Лит. ин-т. Неприятный тяжелый взгляд.

«*Кавалер Зол-й звезды*», 1947-8. Угодливая пустышка. Энергичный фронтовик чудесно восстанавливает разрушенный в войну колхоз, легко решая все трудности. Примитивные самодовольные люди, гулянья, многословные споры о прописных истинах. Стал-я премия. Заслуженно стал символом дурного “соцреализма”.

Рыбаков Анат. Наум., 1911- 98. Жил на Арбате. В коммуне комсомольцев-фронтовиков. Рабочий стаж грузчика и шофёра для поступления в Институт инженеров транспорта. Студентом в 1933 г. – арест и ссылка за “контррев-ую агитацию”, потом скитался по автобазам. “*Кортик*” (1948), “*Бронзовая птица*” (1956) – детские приключенческие повести – раскрытие “тайны” – по своему детству, нэповскому, но прорев-й романтики, верный быт с лиризмом и юмором.

“*Водители*” (1950), трудовые будни автобазы. Стал-я премия.

“*Дети Арбата*” (1987, писал в стол в 1960 гг.), “*Тридцать пятый и др. годы*” (1988), “*Страх*” (1990), “*Страх и пепел*” (1994). Сталинизм глазами протроцк-ой моск-й молодёжи на бытовом уровне. Легко читается. Достоверно, но не глубоко. Млн-е тиражи и очереди в магазинах.

Некрасов Виктор Плат., 1911-87. Киев, из дворянской семьи, отец – банк-й служ-й, мать - врач, в детстве жывал в Париже, знал языки, родители были знакомы с Лениным и Луначарским. Архитектор и актер, в войну полковой инженер и замком роты саперов.

«*В окопах Сталинграда*» 1946 написал в госпитале как фронтовой дневник от первого лица, без помпы, без генералов и партии. Чувствуется влияние Ремарка. Достоверность. Среди страшных сцен – «подъём» солдат в атаку угрозой расстрела на месте и смершем за спиной. И как эту правду пропустили и премировали? Никому больше такое не позволяли.

Была в нем какая-то беспечная раскованность аристократа.

«*В родном городе*», 1954, повесть о драматич-й судьбе фронтовиков дома: разорённость и парт-бюр. бездушие. За неё гл. ред. «Знамени» Вс. Вишневский был снят.

«*Сталинград*», Франкфурт, 1981. Сб. рассказов. Как дополнение к Окопам?

«*Маленькая печальная повесть*», Лондон, 1986, М., 1990. О трех разбитных удалыцах из ленинградской богемы на Западе. Наиграно. Скука.

Кочетов Вс. Анасим., 1912 - 73. Из крестьян, с-х тех-ум, агроном, с 1938 – газетчик. «*Журбины*», Л., 1953. О рабочих судоверфи.

Вовсе не художник. Люди и вещи не зримы, язык сер, псих-й наблюдательности никакой, переживаний нет. Идиллия, конфликты хорошего с лучшим. Весь «роман» из примитивных газетных рассуждений. Пришла Зина к директору – повод порассуждать об отрыве обучения от работы. Визит к деду – пересказ Краткого курса ВКП(б). В гостях профессор – спор, что важнее: опыт практика или теория. Заседание у секретаря обкома – беседа о роли заводоупоставщиков. Многие страницы о роли директора, об истории судостроения (с. 335-8), о свойствах древесины, о поведении молодежи на улицах и т. п.

Противник Дудинцева и “разложения сов-го общества зап-ой культурой”. И такой назначен главредом ЛГ и журнала “Октябрь”.

Михалков Серг. Вл., 1913-2009. Неужели из дворян? Никакого благородства и чести. Д. б., и встарь такие беззастенчивые холуи бывали у начальства в чести. Как толстовские Курагины. А что – сейчас таких циников мало? Несметные тысячи.

Карьерный взлет в бюрократическую иерархию СП начал рифмованным посланием “Светлане” (1935 г.), дочери вождя.

Угодник любой диктаторской власти. Ему всегда было хорошо. И при царе, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Путине. Всегда в фаворе, всегда “свой” для них. Свой гимн трижды переделывал по заказу. А они осыпали любезностями, деньгами, орденами, премиями и не подозревали, а как же он в душе презирает.

Стал общепрезираемым символом холуя, а ему хоть бы хны. Должно быть, благодаря как раз этому своему скрытому презрению к хозяевам. На них и сваливал свой позор. А может быть, и без презрения, искренний? Но как можно искренне то ругать, то хвалить?

А при разломе и смене властей он прятался. Как в 1917 - 20-е, и в 1990-е. Понятно: неразбериха. Кому угождать? А вдруг ошибешься?

И как можно быть таким *бессовестным*? Вот феномен – непостижимого. Умственный ребенок? Или скорее, дитя *нравственное*. Бесчувственность к своему унижению. Не развит в самосознании, неизжитая детскость – лёгкость.

Вовсе не поэт. Нет ни зримости, ни лиричности, ни глубины характеров. Складно зарифмованная простая *проза*, а то и газетные штампы, зато всё простенькое, легко понятное и удобное. Этим и нравится детям и самоупоённым чиновникам.

А житейские жанровые сценки у него получаются. И в виршах, и в баснях, и в сценариях. Без наблюдательных открытий, но верные и всеми узнаваемые, и как раз этой общеизвестностью тоже им приятны. Талант угодливости.

Казакевич Эмм. Генр., 1913-62. С Полтавщины в Биробиджан, строитель, дир. театра, журналист. 1941-25 разведка.

«*Звезда*», талантливый рассказ: любовь и гибель-подвиг. И грустно, и светло, и жизнь открывается новым смыслом.

«*Весна на Одере*», 1949. Радостное ощущение близкой победы. Очерк дорожного хаоса.

«*Синяя тетрадь*», 1961. Ленин и Зиновьев в Разливе. Публицистика - идеализация: сомневающийся, но оптимистичный, деликатный и т. д., разговоры из цитат. Но и ту три года не мог издать.

Залыгин Серг. Павл., 1913-2000. Уфемск. село. Сын ссыльного интелл-а, прод-ца кн. маг. Омский с-х ин-т, инженер-гидротехник. В 1986-98 - беспарт-ый гл. ред. ж. «Новый мир».

«*Тропы Алтая*», 1962, роман о жизни биологов Алтая

«*На Иртыше*», 1964. О колл-ции.

«*Соленая Падь*», 1968. О сибирской партизанской республике равноправия и беспривилегированности властей, крест-м вожаке Ефреме Мещерекове (Писан с легендарного Ефима. Меф. Мамонтова, в 1921 в Барнауле арестован ВЧК, но отпущен, в 1922 убит неизвестными) и жестоком ком. фанатике нач. штаба Брусенкове.

«*После бури*», 1980-85. О 1921-26 гг.

Розов Вик. Сем., 1913-2004. Ярославль, с 1923 в Костроме, сын счетовода. Работал на текст-й фабр-ке, с 1932 техникум. С 1934 актер-любитель в ТЮЗе, театр револ-и в Москве. В 1941 нар-ое ополчение, тяжело ранен.

Драматург трогательный, не очень глубокий, но честный. Все его пьесы – не борьба, но конфликт, нравственный конфликт на уровне обыденности, мягкий, даже смеющийся - между стойкой честностью и конформистским лицемерием.

Неровно рисует: то восхитительно верно, то досадная фальшь и услужливость.

«*Вечно живые*», 1943, экранизирован в 1957 в фильме «*Летят журавли*». «*Традиционный сбор*» (1966) одноклассников после войны. «*В поисках радости*» - погоня за мебелью и пр. → в несчастье и ссоры. Восхитительно инсценировал «*Обыкновенную историю*» Гончарова. Весёлая болтовня - контраст мечтателя и практика – и грустный вздох душевного омертвления. Драматический талант блистает. Хотя бы эта сцена томительной скуки в душе и любовного сюсюканья вслух.

Симонов Кирилл М., 1915-79, пасынок воен-го преп., ФЗУ, то-карь, 1933-38 Лит. ин-т, военкор + стихи. Официозность.

«*Дни и ночи*». Верных наблюдений мало и те о командирах, а солдаты – незримые призраки, ходящие в атаку. Скучно, словно перечитываешь десятый вариант *одного и того же* эпизода – вместо их обобщения в одной сильной сцене. Сложные длинные фразы со множеством «что», «что-то»: «Он слышал в этом что-то, что...» – под Л. Толстого, напряжение поиска необыкновенного, но оказывается пустотой.

Немногим лучше и другие романы «*Живые и мёртвые*», «*Солдатами не рождаются*». Некоторые стихи неплохи.

Алексеев Мих. Ник., 1918-2007. Педтехникум. Армия.

Бегло как очерк. То идиллическое вранье («*Вишневый омут*», 1962, «*Хлеб – имя существительное*», 1965 - о счастливых колхозах, хотя тут же и горе), то мужественная потрясающая правда («*Драчуны*», 1982, об организованном голодоморе в Поволжье).

И как так мог? По возможностям?

Дудинцев Вл. Дм., 1918-98. Отец – офицер, расстрелян красными. Юрист. Знаком с Бабелем, увлечен Хемингуэем и Прустом. С 1941 армия. Очеркист «Комс-й правды».

«*Не хлебом единым*», 1956 //«Нов-й мир». Образности не хватает, не показывает, а рассказывает. Но сама история – мытарства изобретателя в бюр-ом болоте возмущает. Как подло банда чиновных - ученых шарлатанов, “корифеев” Дроздовых, их подхалимов и равнодушных затирает талант, травит клеветой и губит.

За то на книгу и ополчились подлецы. Узнали себя. Бурная полемика и запрет публикаций.

В Лопаткине привлекает трудолюбие, упорство, храбрость, даже аскетизм, – качества нового интеллигента – работника. Но есть в нем и что-то неприятное, особенно в конце, в победителе: неразговорчивость, сухость, одиночество, тщеславие, мелочное торжество. Тут в нем и творчество почему-то вдруг кончилось.

«*Белые одежды*», 1986. Опасная борьба генетиков и шарлатанов Т. Лысенко.

Солженицын А-др Ис., 1918-2008. Сын студента – офицера, погибшего до его рождения, и дочери богатого ставроп-го землевладельца, в прошлом батрака - пастуха. В Ростове-н/Д в школе к 1936 г. С. от церкви перешел в комсомол, но настроен против сталин-го «крепостничества» за возврат к «ленинским нормам».

Мечтал о романе о революции, но поступил на физмат у-та. В 1941 окончил с отличием – «научный работник II разряда в области мат-ки». Воевал в артиллерии. В февр. 1945 арест на 8 лет.

Поражает его литературный героизм, дерзкий эпич-й масштаб творчества. Его «*Один день Ивана Денис.*», 1962 и «*Матренин двор*», 1963 – идейно сильные и художественно безукоризненные шедевры, символы трагической судьбы страны – концлагерей и раздавленной под “паровозом” деревни. Трудолюбие и трудовая выносливость спасают честность Шухова и Матрены.

«*Раковый корпус*» и «*В круге первом*» (О «шарашке») – автобиографические впечатления. Повесть о странных героях - одиночках, которые не знают о своем героизме, но в условиях кровавой и тупой тотальной диктатуры смеют не подчиняться ей, чтобы остаться свободными. Диктатура рушится, только когда такой геро-

изм становится массовым, как в движении гражданского неповиновения.

А запрет публикаций и травля только толкнули его выступать ещё смелее, отчаянно смело – о том, о чем только шушукались.

«*Архипелаг ГУЛАГ*», 1967 – это уже, по его собственному определению, «художественное исследование», а его документальность только добавила ему убедительности и силы воздействия.

Конечно, художественная публицистика в художественной литературе – явление, если не новое, то не частое. Получилась картина огромная и яркая, – потрясающая. Открытый вызов власти, разоблачение и разрушение коммунистической политической системы.

И дуб оказался трухлявым: ничего не могли теленку противопоставить и в бессилии в 1974 г. выслали из страны.

«*Красное колесо*» не столь сильно. Исторических фактов С. перекопал – море, но их единого убедительного осмысления не достиг. Тут нужна еще философия, а ею С. никогда особенно не интересовался. Мало кого привлекает его боязнь демократии и надежда на просвещенную автократию. Это при его-то собственном-то разочаровании в философии Просвещения. Хотя, несмотря на обращение к религии, сам С. исходит как раз из идеистической предпосылки просветителей, будто государственная система – дело произвольного выбора немногих умов, а не производная от состояния общества. Особенно это удивляет в его прекраснотворческих проектах обустройства России. Современная интеллигенция («образовательщина») его не приняла.

Но опасности межнациональных и геополитических конфликтов его тревожили не зря.

Гранин (Герман) Даниил А-др., род. 1919. Сын саратовского лесника. Э-м фак. Ленинградского политеха. В войну танкист. 1946-50 НИИ.

«*Искатели*», 1954, «*Иду на грозу*», 1962. О борьбе творческих ученых и бюрократов, но новаторы побеждают. Оптимизм.

«*Собственное мнение*», 1958. О двуличии бюрократов.

«*Зубр*», 1989. О Н. В. Тимофееве-Ресовском. Политика и биология.

Очень характерный писатель; поэтому-то и попал в струю и стал модным.

В художественном отношении ничего примечательного. Ни драматической силы, ни псих-ой глубины, ни реалистического откровения (исключая очерки «Блокадной книги»), ни образной яркости. Персонажи схематичны. Да и сочинять-то он стал со скуки и наудалую, как своего рода бздик. Но и он сам (с военных впечатлений 1941 г.), и все его повести – это отрезвление от светлых штампов советской идеологии и развенчание их, спор с ними разных борцов за свое дело, но ради “новых” светлых советских штампов – и не дальше, с искренним воодушевлением ими. Этот отмеренный критицизм и новые прекрасные надежды возбуждали интерес к нему среди послесталинской совк-ой интеллигенции, а умеренность критики и сохранение прекраснотуши находили одобрение у верхов. Эти перемены делали его вроде бы диссидентом, и вроде бы официозом – ни то, ни сё, а нечто среднее. Так он и зрел вместе со всем стадом. Так же, как Е. Евтушенко, В. Розов, А. Штейн, В. Тендряков и множество подобных средняков.

Балгер, Бор. Исаак-ч, 1919 – 74, офицер-фронтовик. Прекрасная автобиограф-я повесть, единственная у него с успехом:

“*До свидания, мальчики*” // Юность, 1962. О мальчишках в последние предвоенные дни.

Затравлен и закрыт за категорическую наивность.

Воробьев Конст. Дм., 1919-75. Курская деревня. В голод с 14 лет в хл. лавке за кусок хлеба. Газетчик. В 1941 контужен, попал в плен, концлагерь, дважды бежал, командир парт- го отряда. В 1943 повесть «*Это мы, Господи!*» – о пережитом в плену. В 1946 послал в «Нов. мир», опубли. только в 1986 в ж. «Наш современ-к».

Рассказы и повести о кошмарной жестокости войны. «*Крик*» о гибели во взрыве любимой девушки, 1962. «*Убиты под Москвой*», // «Нов. мир», 1963.

О трагедии коллек-ции: «*Алексей, сын Алексея*», 1960, «*Мой друг Момич*», 1965, публ. 1988.

Нагибин Юр. Марк-ч, 1920 – 1994. прозаик, журналист, сценарист. Настоящий отец – белогвардеец, расстрелянный в 1920 г.

ВГИК. Как знающий немецкий язык воевал в политотделе. «*Чистые пруды*» о детских радостях, единственная искренняя по-

весть. Больше 40 киносценариев – фильмов. Член правления СП. Страдал от собственного лицемерия и халтуры ради денег. Самым лучшим стал его откровенный «Дневник» 1995 г.

Абрамов, Федор А-др., 1920-83, из арханг-х крестьян, с 1938 филфак ЛГУ, пулеметчик под Ленинградом, после ранения в 1942 учитель, контрразведка (Смерш) в Приморье, доцент.

«*Пряслины*», 1958-78. Эпическая тетралогия из 4-х романов о судьбе трех поколений северных крестьян. Колоритные достоверные характеры.

Ч.1. «*Братья и сестры*», 1958. Писал по личному потрясению 1942 года. Война вызвала единение народа перед общей трагедией: бабы, старики, подростки своим трудом, голодая и надрываясь, спасали страну. Жертвенность и сострадание, братство и взаимопомощь. И как иначе смотреть людям в глаза?

Ч.2 «*Две зимы и три лета*», 1968, Ч.3. «*Пути-перепутья*», 1973, - продолжение тех же страданий уже после войны.

Ч.4 «*Дом*», 1978. Из колхоза бегут, дома рушатся.

Но землякам не понравилось: Трудно терпеть горькую правду в искусстве, приятней разные небылицы о его жизни. «Народ – жертва зла. Но он же опора зла»

Лучшие его повести и рассказы-судьбы: «*Безотцовщина*», 1961, «*Пелагея*», 1969, «*Деревянные кони*», 1970, «*Алька*», 1972, «*Старухи*», «*О чем плачут лошади*», «*Сказание о великом коммунаре*».

Идеализация не персонажей (чуть не в каждом есть и плохое, и хорошее), но исчезнувшего прошлого, когда был свободный труд и трудолюбие, аскетическая суровость и стойкость кремня, невероятное терпение, доброта, стыд перед другими, а счастье – в любви от близких и в заботе о них, какой предстает самозабвенно работающая – творящая добро другим Василиса Милентьевна.

«*Поездка в прошлое*» 1974, опубл. только в 1986. Повесть о трагедии коллективизации и последующей деградации деревни: неустроенность, пьянство, матерщина, бесстыдство, узкая корысть и суетное тщеславие. (Как у ставшей «городской» Альки).

История алкоголика - конюха Микши Кобылина: ради революции он отрекся от оклеветанного родного отца и всю жизнь верил, что его дядя – револ-ры, коллективизаторы были честные благородные герои, как рассказывают в областном музее. Страшная правда от старухи Федосеевны убила его: «Мефодий Кобылий, хоть и дядя тебе родной, а собака был человек. Сколько его на свете нету? Двадцать лет, а может, больше, а люди и теперь еще из-за него плачут. В кажинной деревне безвинных людей сказнил, а в нашей волости зараз десять мужиков». И трагическая гибель дяди Александра оказалась лишь мифом: А на самом деле, пьяный дядя изнасиловал беззащитную пятнадцатилетнюю девчонку, которая убирала комендатуру, а четырнадцатилетний брат этой девчонки убил дядю.

«У нас в деревне стали колхоз делать – караул кричи. Три хозяйства по плану распотрошить надо, а где их взять?» «А в этом самом тридцатом году что тут делалось... По два, по три мертвяка за утро вытаскивали. Из раскулаченных. С южных районов, которые к нам, на Север, были высланы. Жуть сколько их в нашей деревне было! Все лето баржами возили». «Раскулачивали наиболее расторопных, хозяйственно-инициативных мужиков. Построил мельницу, завел смолокурню, выписал маслобойку – враг. Враг каждый, кто проявлял хоть какую-нибудь инициативу. Желанный, идеальный гражданин – лодырь, бездельник»

Всё его творчество (как и других «деревенщиков»: В. Астафьев, В. Белов, В. Лихонос, Е. Носов, В. Распутин и уже полугородского В. Шукшина) осуждение колхозной системы. И послесталинские верхи её зажимали, но терпели. Видно, уже сами понимали свой провал.

«Чем живем-кормимся», 1979. Открытое письмо землякам – о культурных утратах. .

Кондратьев Вяч. Леон., 1920-93. сын инженера. В 1942 под Ржевом. После 2-го ранения комиссован. Проза о военных буднях

и переживаниях. Напрасно погибшие – по равнодушию и некомпетентности командования. В 1993 застрелился.

«*Сашка*», 1979. Дер-й парень, солдат на ржевской бойне, но безоружного пленного немца убить не может и отказывается.

«*Будни*», 1980, «*Борькины пути-дороги*», 1980, «*Записки обреченного*», 1993, «*Отпуск по ранению*», 2003.

Можаев Бор. Анд, 1923-96, из рязанских крест., инженер водн. транс-та, 1941-54 армия, газета, рассказы, киносценарии.

«*Мужики и бабы*», кн.1, 1973, кн.2, 1978-80, опубл. 1987. О дружном бунте («восстании») на его родине в 1929 двух деревень против колхоза: изгнали уполномоч-х, карат-й отряд вынудили уйти, арестовано $\geq 0,5$ тыс. Весной 1930 из колхоза вышло 95%.

Историч. факт, но сам тогда был мал. Пишет по сель. преданию. Интеллигентские споры 1960 гг. в устах крестьян.

Бакланов (Фридман) Гр. Як, 1923-2009. Воронеж, сын врачей. С 1941 – фронтовик, артиллерист. 1946-51 Лит. ин-т. 1986-93 гл. ред. ж. «*Знамя*».

Первая, еще неумелая повесть «*Южнее главного удара*», 1957. о тяжелых боях 1945 г. в окружении.

«*Пядь земли*», 1959. «*Мертвые сраму не имут*», 1961. Дегероизация «окопной правдой» - под Ремарка, но патриотичная.

«*Июль 41 года*», 1964. Обличение вранья о войне. Хаос эпизодов. О причинах поражений и отступления: сталинские репрессии → запуганность командиров, разобщенность, боязнь ответственности → безынициативность. Потрясает, возмущает, кричит.

«*Навеки – девятнадцатилетние*», 1979. Вчерашние школьники, еще мальчики на фронте.

«*Свой человек*», 1990. Трусливый карьерист, вместо друзей – «нужные люди».

Солоухин Вл. А-кс., 1924-97, из влад-х крестьян, мех. техникум, 1938-42 инж. уч., в охране Кремля, 1946-51 Лит. ин-т.

Стихи «*Разрыв-трава*». Лирич. очерки сельс. быта и природы «*Капля росы*», 1961 «*Владим-е перелески*», 1957, «*Капля росы*»,

1960, о сель. бедах. Его истина – пережитое путешествие или воспоминание. Начал со стихов, но лирика не его. Вкусно смакует, но не пережитое, а книжное подражание. Напускное раздражает.

В 1957 осуждал Пастернака, с 1975 – защита русских от коммунистов и еврейского засилья. За сохранение рус. нац-х традиций, критика либ-х и комм-х идей, вкл. Ленина, идеализация старины.

«*Последняя ступень*. Исповедь вашего совр-ка», 1976-95. О мучительном прозрении. «*При свете дня*», 1992 – о жестокости Ленина, «*Солёное озеро*», 1994 – о жестокости А. Гайдара, собственноручные расстрелы хакасов.

Астафьев Викт. Петр., 1924-2001, из семьи сиб-х раскулаченных крестьян, детдом, 1942-45 связист и шофер на фронте. На Урале – рабочий, учитель, кладовщик, с 1951 газетчик в «Чусовском рабочем». Даже в сталинские времена нашел тему для правдивых рассказов – об опасной работе таёжных сплавщиков: «*До будущей весны*», 1952.

И первый роман «*Тают снега*», 1958, уже в хрущевскую оттепель, строил избитым сюжетом – приезд молодой женщины-агронома в разболтанный отсталый колхоз и его преобразование. Но без чуда: тяжелая работа и в начале, и в конце. С 1958 в СП.

И кто бы разглядел тогда в скромняге будущего великана?

«*Из тихого света*», 1961-97. Исповедь.

«*Последний поклон*». Светло-печальные воспоминания детства.

Горькая лирика его прозы ложится на душу тяжело. На публицистику отвлекался ненужно. И без неё всё ясно.

В «*Печальном детективе*», 1980 глазами милиционера Сошникова видит печальный образ народа: бескультурие, отсталость, ожесточение и гражданская пассивность. Но не его винит.

«*Прокляты и убиты*», роман. Кн.1. *Чертова яма*. 1993. Кн.2. *Плацдарм*. 1995. **Дегероизация** войны возмущенного преступлением - ложью о войне: Кто замалчивает её отвратительный ужас, тот готовит новую войну.

«*Пролётный гусь*», 2001. Его последняя повесть. Шедевр.

Бондарев, Юр. Вас., 1924- Сын следователя и чин-ка, с 1942 на фронте артилл-ст, 1946 - Лит. ин-т., депутат ВС, лит-й генерал, против Солженицына и ПЕН-центра, но за православие.

«*Юность командиров*», 1956, «*Тишина*», 1962 – фронтовики после войны, горечь и растерянность, стычки с негодями.

«*Горячий снег*», 1969 – героизация войны, преодоления.

«*Освобождение*», 1968-72, 5 фильмов киноэпопеи. Война Сталина, Жукова, Гитлера. Антипод Астафьева.

«*Непротивление*», 1994-95.// ж. «Молодая гвардия». Послевоенную Москву рисует как постсоветскую: грязные рынки, темные забегаловки и шалманы, растерянная пьянь.

«*Бермудский треугольник*», 1999. Расстрел 1993 Белого Дома, раскол с друзьями – врагами.

Богомолов Вл. О., 1924-2003. Биография темна. Зачем? Разведчик и контрразведчик или мистификатор?

Повесть «*Иван*». 1957. (Фильм А.Тарковского «*Иваново детство*», 1962), Скорей всего выдумка, хотя талантливо.

«*В августе сорок четвертого*», 1973. Напористо документирован и сомнителен. Встречались и мне такие любители игры в невидимку всемогущего.

Васильев Бор. Льв., 1924-2013. Сын кадрового царского и советского офицера. Из 9 класса – на фронт. Окружение, лагерь, военные училища, воздушно-десантный полк, контузия, танковая академия, инженер-испытатель на Уралмаше. В 1952 уволился ради лит-ры, но попал в заработки на халтурке. Только повесть «*А зори здесь тихие*» // «*Юность*», 1969 открыла его читателю. Пронзительная печаль прощания с только что начавшейся жизнью.

О войне и стариках. По языку, по интонации, чувству, сентиментальности – осколок русской классики. Семейная неколебимая верность долгу. Советской действительности у него нет, ни её кон-

фликторов, ни псих-х типов. Но, может быть, именно эта отчуждённость от скучной реальности и влекла к нему читателя?

С 1996 уединился в исторические фантазии. Умер через два месяца после своей хранительницы – жены.

Быков Вас., 1924-2003. Из крестьян. Воевал в арм-й пехоте, а проза о партизанах: “Третья ракета”, 1962, “Мёртвым не больно”. Не только о том, как воюют, но о жизни, разборках и т. п. Явно соб-е фантазии по деталям и сюжетам из воспоминаний местных гродненцев. Деидеализирует войну и её участников. Потом белорусский националист.

Трифонов Юр. В., 1925 – 81. Сын стар. больш-ка, судьи, репрессированного. Автобиограф-я «город-ая проза».

«Студенты», 1950. О послевоенной молодёжи. Стал. премия.

«Дом на набережной», 1970-76. Страшная судьба старой номенклатуры и грусть их детей.

«Отблеск костра», 1967, «Старик», 1978. Ст. большевик печально итожит и переосмысливает свою жизнь.

Но на сов-й строй автор не покушается.

Липатов Виль Влад, 1927-79. Чита, сын журналиста + учи-цы, с 1939 с мамой в сибир-х сёлах. Истфак ТомГПИ, с 1951 газетчик. Секр-рь правл-я СП. Спился.

«Самолётный кочегар», «Двое в тельняшках» // «Юность», 1956

«Деревенский детектив» // «Знамя», 1968. Милиционер Анишкин, бывш-й фронтовик умно расследует преступления, но ради дела вынужден ловчить, нарушать официальные правила.

Почему-то неправдоподобен. Слишком всё у него сходится.

«Сказание о директоре Промчатове» // «Знамя», 1969.

Производственная повесть о таком же даровитом дир-ре. Лесть простодушная до сатиры. Деловитый, энергичный, знает и технику, и языки, и запонки в жестких манжетах, и тайны ресторана, и тайны кулис, и чиновную жизнь, приятельские назначения на должно-

сти, почтительно врёт восхищенные легенды о своих начальниках, обдумывает шахматные ходы своей интриги в тайной войне между антипатичной и симпатичной группировками, “в интересах дела” купеческий шик за казённый счёт и с народом “свой” – умеет воззвать по матушке (“Вышли мы все из народа”), а когда надо, – свойский душа-миляга и в бабах вкус – и лихо выходит из невыносимых трудностей.

Народ приятно лубочный: башковитый, выносливый, нетребовательный и зажиточный, у каждого особняк с огородом, не гордый и к начальству всей душой. На лицо ужасные, добрые внутри.

Верный тип. Или, и впрямь, сатира в форме дифирамба?

Изложение внешнее, очерковое, без внутренней динамики, и бодряческое, и конфликт взят из публицистики.

«Ещё до войны» // «Знамя», 1971. Достоверно быт и нравы села.

«Серая мышь», 1971. Шукшинский чудик, мечтатель, правдоискатель и пьяница. Критицизм нарастает.

«И это всё о нем», 1974. Внук стар-го больш-ка, комсорг Женя Столетов отстаивает честность и борется со своекорыстным начальником лесосеки, мухлюющим с планами.

«Лев на лужайке», 1978-79, опубликован. посмертно, в 1989-90. Головокруж-я карьера обаятельного газетчика – конформиста. О себе? Если бы раньше.

Вроде бы не без таланта, а остался каким-то вторичным. Почему? Может быть, потому что шел не от жизни, а от публицистики, от уже известных в ней идей? Своих проблем в жизни не открыл. А без художес-ных открытий искусство пусто, как и наука.

Казаков, Юр. Павл., 1927 – 82. Из семьи моск-го рабочего, из деревни. Муз-е уч-ще, Лит-й ин-т 1958. Прекрасен в духе Бунина и Паустовского. Пишет так, будто никакого социализма и не существует. Узкий мир двух – трёх, любовь, несбывшиеся надежды. Не события, а движения души; лиризм, узнаваемые детали, характеры, речи, вечная красота природы и печаль чел-ой жизни. *«Голубое и зелёное», 1956 - первая любовь, её трепет и утрата. «Свечечка»,*

1973. Малыш спасает душу отца. *«Во сне ты горько плакал»*, 1977. Удаление сына от отца.

Неприятно одиночество – вне коллектива, друзей, страны.

Проскурин Петр Лукич, 1928-2001. Из брянских крестьян, отец – органи-л колхоз, раскулачивал соседей, скрывался от их гнева на Кавказе, где попался на растрате, в оккупацию после лагеря сотрудничал с немцами, был старостой и бежал с ними, а семью сельчане едва не расстреляли. После армии Пр-н не вернулся в деревню, остался на Д. Востоке – лесоруб, сплавщик, шофер + пописывал. *«Горькие травы»*, 1964 – о деревне.

Героизация совет-го преодоления трудностей в трилогия:

1. *«Судьба»*, 1973. Семья Захара Дерюгина в 1929 – 44 гг.

2. *«Имя твоё»*, 1977. То ж в 1945 – 70 гг.

3. *«Отречение»*, 1987-93. Брежневский «застой» – «гибельные тенденции» в партии, науке, бюрократии. По сов-й публици-ке.

Тем не менее за оптимизм преуспел: премии, ордена, млн-е тиражи, экранизации.

В 1988 г.: Шекспир или Достоев-й увидит «в трагич-й разрушительной личности Сталина» созидание. Но сам его не сказал.

«Седьмая стража», 1995. Патриотически - КПРФ фантазмагория против русофобов в России.

Кузнецов Анат. Вас., 1929-79, отец – рабочий. Лит. ин-т.

Бетонщик на стр-ве Иркутской ГЭС, *«Продолжение легенды»*, 1957, «исповедальный» дневник советского испытателя себя.

«Бабий яр», 1966 (ж. *«Юность»*, №8-10, без цензурных купюр *«Посев»*, 1970). Потрясающие жуткие воспоминания и документы очевидца – подростка о жизни киевлян в оккупации. Не партизан или подпольщиков, а простого населения: женщин, детей, стариков, рабочих, крестьян, пленных, как после больш-ов радостно хлебом-солью встречали немцев, и как учились ненависти к ним. О голоде, людоедстве, расстрелах евреев, цыган, пленных русских, нервные угрозы и истерия немецко-украинских газет и полицейев, о взрывах заминированного города, облавах и угоне в Германию, – ежедневной борьбе за выживание. Страшные картины. От этих

кошмаров и того у нас запретного, о чём по ним надо догадываться, – перехватывает дыхание, цепенеет ум или сойдешь с ума.

Правда, сыровато, видна спешка, но смело, жизненно и кратко, как народ рассказывает, – с юмором о своих невзгодах и горько о чужих, и с тяжелым презрением к изуверам.

А публицистика довольно мелкая и после таких страшных картин жалкая: призывы к «бдительности» и т. п. ненужное.

Пьянки и притоны богемы, притворство и стукачество.

«Огонь», 1969 // ж. «Юность», перед самым бегством в эмиграцию. О духовном сломе «звездных мальчиков» и предательстве.

Погиб в Лондоне в подозрительной автокатастрофе.

Шукшин Вас. Мих., 1929-74. Алтай. Сын крест-на, расстрелянного в 1933. Голод. Семилетка, автом. техникум. Слесарь. Матрос, в 1953 уволен из-за язвы желудка. Шк. учитель. ВГИК.

1960 -70 гг. восхитительно меткие рассказы и фильмы о сельских и полугородских несуразных и беспутных «чудиках». Верные характеры, язык (“хмырь”, “хахаль”) и быт. Простодушный юмор, острые на язык.

Максимов Вл. Емель., (Самсонов Лев А-кс.), 1930 – 1995.

В лит-ру вступил вместе с Гладилиным и стадионными поэтами, но самый радикальный, он был среди них на отшибе. Сын моск-го рабочего – больш-ка, репрессир-го и пропавшего на фронте в 41. Максимов прошел семь кругов ада: вынужден был сменить фамилию и бежать из дома, горький опыт беспризорника - бродяги, самого грязного дна, детдомов, колонии, уголовника лагеря, ссылки, ФЗО, разнорабочий – строитель. Не удивительно, что писателя мучили не столько частности: извращения колхозов или культ Сталина, а весь строй насилия и жестокости и страдальческая жажда просветления - духовного добра.

Первый успех – повести «Мы обживаем Землю», 1961, «Жив человек» // ж. «Октябрь», 1962., «Стань за черту», «Дорога», «Баллада о Савве», 1964. Как в трагической ситуации человек выбирает доброту и ради этого гибнет.

Но его следующие вещи с отрицанием большевистского мира не брало ни одно советское издательство, они ходили в самиздате. Исключен из СП и заключен в психиатричку.

С 1974 в эмиграции, организовал в Париже ж-н. «Континент».

«*Семь дней творения*» // Посев, 1971. Старый больш-к Петр Вас. Лашков, рядовой рабочий, еще мальчонкой увлеченный революцией и безукоризненно честный, так же не из книжных идей, а эмпирически из жизни разуверяется в «творении нового комм-го человека» и в страшном путешествии по местам и изломанным людям из своего прошлого укрепляется в прозрении: поспание в рев-ции нравственности развращает народ и карает возмездием.

«*Карантин*», Frankfurt/M, 1973. Новеллы о людях, которые «случайно» открывают мир, потусторонний советскому, аллегории истории страны.

Его трагическая жизнь создала его трагическое мировоззрение. Сам М-ов видит духовное спасение в православии, но собственно религиозных исканий в его романе никаких нет. Просто оснований доброты он не видит в жизни ни советской России, ни на Западе, в полном отчаянии – и бог для него хоть какой-то оплот нравственности. Как говорится, по Канту.

«*Прощание изниоткуда*», 1974-82, автобиографич-е о детстве.

Свою тяжелую правду пишет резко и отрывочно, из души тру-дыги, народным языком и с её убедительным знанием.

Владимов (Волосевич), Георг. Ник., 1931-2003. ФРГ. Родители – уч-ля развелись, суворовец, после ареста мамы М.О. Зейфман на юрфаке ЛГУ. В 1956-59 гг. ред. в «Новом мире».

В 1961 повесть «*Большая руда*» (В 1964 фильм): Ради плана водитель грузовика едет в непогоду и гибнет. «*Три минуты молчания*», 1961 – о гнете коллектива.

«*Верный Руслан*», 1963-65: страдания конвойной овчарки в предательском мире людей. Аллегория несчастных отставных ох-ранниках Гулага, опозоренных и спившихся. Издана на Западе.

В 1983 вынужден эмигрировать. В ФРГ ред. ж. «Грани».

В 1984 роман «*Генерал и его армия*». В образе Кобрисова предполагают генерала Власова во время умелого разгрома им в 1941 г. немцев под Москвой (Т.е. *до* его окружения и плена под Ленинградом). Нет ни картин боев, ни лагерей пленных. Размышления о судьбе России, о роли НКВД в превращении Отечественной войны в гражданскую, начавшемся еще до РОА. Аллюзии и реминисценции с «Войной и миром».

Семенов Георгий Вит., 1931 – 92. Сын изв-го моск-го красно-деревщика. Строгановское уч-ще, Лит. ин-т, 1960.

В форме путешествий охотника, печ-е впечатления. С Бунина.

Путешествие души. // Нов. мир, 1991. По тяжелым воспоминаниям знакомых. Веско и лирично, но как-то одиноко.

Белов, Вас. Ив., 1932-2012, из волгодс. кр-ян, дер-я семилетка, ФЗО, армия, 1959 – Лит.ин-т. Депутат ВС, с 1990 член ЦК КПСС. И вдруг на свои деньги построил в деревне церковь. В 2006 её ограбили и осквернили → insult. Обычн. лицедей – перевертыш?

Повести о своей деревне, 1961. *«Привычное дело»*, 1966. Чуждачества пьянчужки – возчика развального колхоза Ивана Африк-ча Дрынова, а в конце его причитания на могилке жены Катерины, замученной беспросветной работой на ферме и дома.

«Плотницкие рассказы», 1968. смешные путаницы.

Идеализация деревни – в стиле Гоголевских «Вечеров» и уклонение от соц. конфликтов – и вдруг «исторические романы»:

«Кануны», 1987, конец 20-х гг., от идиллии предколхозной деревни к трагедии коллективизации. Споры. Строитель – плотник Павел Пачин, завистливо-злой крестьянский карьерист Игнат Сопронов и чекист Ерохин, во флигельке либер-й резонер, дворянский интеллигент Прозоров, чье имение отобрали еще в 1917, поп Ириной Сулов, идейный большевик Лузин и др.

Сам автор тогда не жил. Материалы собирал по старым газетам, архивам, воспоминаниям стариков, читательским письмам.

«Год великого перелома», 1989-91. Об интригах Сталина, Троцкого, Рыкова, Томского и т. п. Планы комиссий и «министра земледелия» Яковлева (Эпштейна) перессорить и разорить млыны крестьян, % для расстрелов, ссыльных, обобранных и т. п. Видны антисемитские и православные мотивы. Но откуда у Белова секретные тогда документы? Явно, кто-то ему помогал. Не случайно же его вдруг ввели в ЦК. Чтобы в предстоящем открытии правды перенести возмущение с ком. партии – на троцкистов и сионистов? Сам Сталин – у них под шантажом разоблачения (документами царской охранки) и их орудие. А Ленин хороший: он за союз рабочих и крестьян против капитала.

Ужасы начала 30-х гг. Баржи со «спецпереселенцами»: «в трюмах копошилось человеческое месиво»; умерших выбрасывали за борт. Голодомор в стране 1932-33 гг.

«*Час шестой*», М., 1998. Эпизод: 1932 г. Тайное возвращение немногих выживших. И воздаяние – душевный распад рев-ых партийцев, расстрел самих расстрельщиков (в 1937).

Аксёнов Вас. Павл., 1932-2009, сын казанс. партаппаратчиков, репрессированных в 37 г. за троцкизм. Детдом, годы у дяди и у матери Евг. Солом. **Гинзбург**, автора изв-х мемуаров о политэзках «*Крутой маршрут*», ссыльной в Магадане. Она просветила сына своей судьбой и стихами Пастернака и Гумилёва, а отчим немец – гомеопат и ревностный католик идеей бога. Мед. ин-т в Ленинграде, сельская больница в Карелии.

Его бойкие повести читаешь с недоумением. Из-за чего шум о невероятной критичности этого пионера т. н. «молодой прозы» «шестидесятников»? А король-то голый.

«*Коллеги*» // Ж. «Юность», 1959 – обыкновенный «соц. реализм». Мол-е романтические выпускники мед. ин-та героически преобразуют один сельс. больницу, а двое его коллег – медслужбу флота. Знают, что им не надо, а что надо, не знают, – вот и шеголятся иронией к красивым фразам да косят под Хемингуэя, “настоящих мужиков”, плейбоев, «золотую молодежь»: модная одежда и сленг, разбитная манерность, загул да новые танцы, бравада нигилизмом – вот и весь их бунт. Но что делать, если в большинстве такими пустыми и были тогда да и позже нонконформисты?

Образы бледные и скучные и прошли бы незамеченными, да спасибо бдительным идеологам – устроили ему рекламный разнос.

«*Звездный билет*», 1961. Юный нигилист после гибели в авиакатастрофе старшего брата, врача космонавтов – и по его примеру стилиста преисполняется решимости стать трудягой.

«*Затоваренная бочкотара*», 1968. Саркастическая пародия на роман-путешествие абсурдно ведомых какой-то волшебной «бочкотарой». Должно быть, это сатир-й символ старой коммун-ой идеологии? Скучные ребусы.

Но сдирает “идейную” и жеманную напускную мишуру, обнажая за ней старое обывательское нутро сельского инспектора, вы-

соконравственной “училки”, рафинированного интеллигента, бравого моряка и т. п. примелькавшихся “простых людей”.

Скандал с бесцензур-м альманахом «Метрополь» → переезд в США. Роман «Ожог», 1975 – плач о юности в Магадане и Л. «Остров Крым», 1979. Волею случая свободный и счастливый остров гибнет, когда местные рус. патриоты воссоединяют его с голодным тотал-ым материком. «Московская сага», вполне сов-й роман-эпопея о трех поколениях моск интел-тов Градовых – с оппози-ым кукишем в кармане, но верно служащих стал-му режиму.

Аксенов, собственно, недоволен исключ-о доносами и арестами, но с упоением смакует околомноменклатурную скромную роскошь. Никакого сознания нераздельности этих неприятностей и приятностей у него нет. Вот уровень его оппозиц-сти.

Неприятны в Аксенове щегольство матом и жаргоном, цинизм, нервозность и жесткость, эротика плейбоя и шута, перерастания вражды к коммунизму в неприязнь к России. Забавно косит под мужество Хемингуэя и Ремарка: энергично короткие фразы; психология, значительно скрытая от анализа и проявляющаяся только в поведении; хвастливо многозначительные героические намёки пустышек – «подтекст».

Любопытны свидетельства о 60-ых. в его последней книге.

«Таинственная страсть», 2009. Ностальгия по либеральной «оттепели», тусовках литературной «золотой молодежи»: *Р. Рождественский*, пучеглазый красавец, простоватый и наивный: «Да, Сталин плохой, но Ленин же хороший?»; хвастливый, ловкий и двоезвездый *Е. Евтушенко*, сразу и официоз, и фрондер; *А. Вознесенский*, *Б. Ахмадулина* и прочая богема, её фронда, острые эпизоды, хохмы, пьяные загулы, девицы, флирт, «прогибание» под власть – из «страсти» к творчеству. Себя, понятно, автор приукрашивает.

В сторонке серьёзные оппозиционеры – страдающие: В. Высоцкий, Б. Окуджава, А. Тарковский.

Войнович Вл. Ник., 1932, сын журналиста газеты «Комм-ст Таджикистана» и уч. мат-ки Розалии Гохман, после войны - плотник, слесарь, механик.

Пед. инст-т в М., 1957-59.

С 1960 ред. радио, стихи для песен, включая «Гимн космонавтов», принят в СП.

«Жизнь и необ-е прикл-я солдата Ивана Чонкина», 1963, самиздат. Русский Швейк, кривоногий деревенский лопух и недотёпа из-за пуганицы и доносов запуганных бедолаг гэбистов, командиров и райкомовцев вырастает в фантастического героя.

Издан за рубежом. В 1980 выслан из С.С., живет в ФРГ.

Гладилин Анат. Тих. 1935 г. р., электромеханик в НИИ, 1954-58 Лит. институт, журналист МК, выступление против суда над Синявским.

Как выпустили “шестидесятников”, так и закрутили. Перестали печатать – в 1974 эмигрировал в Париж.

Начинатель оппозиционной молодежной прозы. Быстрый успех искренних повестей о нонконформисте, инфантильном одиноком мечтателе, смутно томящемся в мире регламентации:

«Хроника времен Виктора Подгурского» // ж. «Юность», 1956, «Идущий впереди», 1958, «Бригантина поднимает паруса», 1958, «История одного неудачника», 1959, «Дым в глаза. Повесть о честолюбии», 1959,

«История одной компании», 1965,

«Прогноз на завтра», уже за бугром, 1972 и др.

Повести портит стиль – протокольно сухой и документированный – “для достоверности”.

Амлинский Вл. Ильич, 1935-89. Отец – генетик.

«Станция первой любви», 1958 // «Юность». «Музыка на вокзале», 1970. «Двое в квартире». «Возвращение брата», 1974. «Жизнь Эрнста Шаталова». «Нескучный сад», 1979 и др.

Романтическая проза, тонкая и острая, о грусти и тревоге подростков, преодолении в себе слабости, жестокости и подлости.

«Оправдан будет каждый час», 1986. Об отце и его времени.

Есин Серг. Ник., 1935. Дед – ж-д, больш-к, арест в 1937, родители – моск-е интелл-ты. Заочно филфак МГУ в 1960. Библ-рь, фотограф, лесник, иновещание «Радио России», ВПШ при ЦК, ректор Лит. инст-та.

«Имитатор», 1985 // «Нов-й мир». «Временитель» // «Знамя», 1989, №1-2. «Соглядатей» – его известные романы об интелл-ах, честолюбивых приспособленцах – карьеристах. Самому противны.

«Дорога в Смольный, июль-октябрь 1917», 1985. Р-н о Ленине.
«Культура и власть», 1997, сб-к эссе.
«Ленин. Смерть титана», 2002. Роман-биография.
Медаль от ЦК КПРФ «90 лет Вел-й Окт-й с. р-и».

Распутин Вал. Гр., род 1937. Из крест., истфил ИрГУ, газетчик, с 1967 в СП. Антилиберал, в защиту русских. «Слово к народу», 1991: «...под знаменем демократизации – дестабилизация». За Сталина, КПРФ. Православный патриот. Газ. «Лит-ый Иркутск».

Правдиво и трогательно «Деньги для Марии», 1968, «Последний срок», 1970, об умирании старухи среди пьяни; «Уроки французского», 1973. Но уже с фальшью «Живи и помни», 1974, назидательный роман о дезертире; «Прощание с Матерой», 1980. С родной деревней перед затоплением. Нагнетает ностальгию, а скучно.

Распутин – подлинный соболезнаик России. Отсюда верная и потрясающе сильная проза, но отсюда же консерватизм, гордый и непробиваемый, типичный для деревенского люда. И читать его мне не интересно: слишком такое знакомо по жизни, так что продолжение его текста заранее известно.

«Пожар», 1985. Во временном поселке леспромхоза, где нет садов, работают ради отдыха и выпивки и не любят добросовестных и честных. Среди чужаков-архаровцев. Ничего о причинах.

Символич-я картина. Полная авт. растерянность перед крахом.

Так видеть страшное разложение советского и защищать его! Невероятно. И таких млны.

Вампилов А-др Вал., 1937-72. Отец – бурят, учитель, арестован и расстрелян в 1938 г. В 1955-60 филфак ИГУ, лит. сотрудник областной газеты «Сов-я молодежь», поездки по районам.

Экзистенциальные психологические драмы. Выбор на грани смерти, нарастание внутреннего напряжения, опасного взрывом, – а психологическое развитие персон ведёт к неожиданным, даже парадоксальным поворотам сюжета и концовок. Внутренние монологи разбитые в полилоги. Талантливо: и поэтичность, и реализм, и юмор, и грусть подлинные. И отвращение к фальши поступков и трескотни. Хотя вроде бы ничего социально громкого.

Медленные, даже затянутые экспозиции. Его сюжеты в жизни обычно были бы всего лишь короткими и жалкими попытками скандальной выходки, но автор их расфантазирует до конца.

Несколько портят его водевильные моменты. Но мелодрама снята ироническим гротеском и даже сарказмом.

И как он умудрился в комм-ой стране писать по-чеховски? Правдивые бытовые сюжеты, без революции и партии. И самое удивительное: никого из критиков и церберов это не удивляло. Где партия? Уже умерла? Стала незамечаемой формой? Уже в этом дерзком умолчании – его художественная революция.

Всего четыре пьесы – и в 34 года создал свой всесоюзный «вампиловский театр», да и прозу, многих последователей. Видно, страна созрела для такого очистительного переворота – и где-то должно было прорвать. А большинство его и не заметило.

«Прощание в июне». 1966, первая постановка в Клайпеде.

Абрис характеров и лёгкие разговоры с информацией о событиях: ЧП со студентами и гибель от продажного компромисса с начальством. И характеры, и суматошные поступки – мелкие преступления характерных характеров. «Комедия», но не весёлая.

Язык отдаёт XIX веком.

«Старший сын», 1965-68. Серафимовы – истерические неудачники, с сумасбродными выходками и стыдными скандалами, но чутки и нежны – и лучше здравомыслящих дубарей, добродушных, но черствых. Их экстравагантные выходки и ведут к комическим недоразумениям.

Разговоры тоже часто информационные, но не столько о заочных событиях, сколько пояснения происходящего.

Видны досадные реминисценции из Достоевского.

«Утиная охота», 1968. Его самая горькая комедия. Виктор Зилов – социально верный тип «звёздного мальчика», потерянного и опустившегося: легкомысленный халтурщик, гуляка, пропойца, буян и позёр, равнодушный и к делу, и к любви, и к друзьям, сам тоскует от своей бессмысленности до осточертения.

Дурь смехом, а по-чеховски мрачно.

«Двадцать минут с ангелом», 1970. Разоблачение общего очерствения, твердого неверия в бескорыстие – вопреки трескотне газет и лозунгов. Если кто-то сунется с бескорыстным участием,

подозревают подвох и вместо благодарности пугаются и оскорбляются. Или подозревают, что это благородство от угрызений совести за прошлые пакости. Разве что зелёные девушки верят.

«*Прошлым летом в Чулимске*», 1972. Печальная история любви милой девушки Валентины. Шофёр Пашка Хороших, избалованный хулиган, – вариант того же Зилова. Остальные характеры верны, но обрисованы поверхностно.

Битов Андрей Георг., 1937 - . Черкес. «*Пушкинский дом*», 1978. В США. Президент рос. Пен-клуба. «*Улетающий Монахов*», 1992, «*Оглашенные*», 1997. Гос. премия.

Сердитые вычурные политич. символы и намеки.

Бородин Леонид Ив., 1938 – 2011. Сын учителей, отец - литовец, расстрелян в 1938. Иркутский ун-т, учился вместе с А. Вампиловым, В. Распутиным, М. Варфоломеевым. За участие в неоф-й студии «Свободное слово» исключен из комсомола и ун-та.

Рабочий на сибир-х стройках и шахтах, заочно – пед. инст-т, дир. сель-й школы. Аресты, лагеря, тюрьмы, публикации на Западе. С 1987 издан в России. Рассказы «Встреча», «Варианты», «Посещение», «Расставание» // Юность, 1987, № 8,11, 1990, № 7,8. Повесть странного времени. М., 1990, Божеполье. Царица смуты. // Роман-газета, 1993, 1997. С 1990 – глав. ред. православно-патр-го журн. «Москва». С 2005 – в путинской Общественной палате.

За «третий путь» [т.е. “зелёных”]. Не белые, не красные, а патриархальная Россия. Твёрд в простодушии: православие – основа морали и возрождения страны. Увлечение – А. Хомяков, В. Соловьёв, Н. Бердяев.

Религия для него – только средство, а сам в неё саму не верит. Оттого его проза какая-то предзаданная. В критике окружающей скверны, лжи и насилия много правды, но фарсовой, а идеалы – натянутые рассуждения и фантазии, фольклорные или лубочные.

Язык газетный, сухой и безликий, метафоры не образные, а символические.

Демокр-й оппозицией не принят.

Какой же итог?

По жизненной глубине и художественной силе образов в наши классики 20 века, по-моему, пожалуй, подходят:

А. Серафимович – как самый вероятный автор *«Тихого Дона»*. Эпопея народной трагедии гражданской войны.

В. Вересаев. *«В тунике»*, 1923. Повесть о крахе прекрасной революции в ужасах «красного террора».

С. Н. Сергеев-Ценский. Его лучший роман *«Обреченные на гибель»*, 1923-27, самый зрелый, смелый и художественно яркий.

Евг. Замятин. Роман *«Мы»* (1920). Защита от несчастий диктатурой ведёт в тоталитаризм. Такое провиденье могло родиться в страдании в Англии и на родине, с «военного коммунизма».

Андрей Платонов. В нём сам рабочий народ пришел в литературу и, пусть неуклюже, открыл свою душу, и её рев-ые очарования, свободный энтузиазм труда и страшное разочарование несвободы. (*«Чевенгур»*, *«Котлован»*, *«Счастливая Москва»*). А в итоге – просветление тихой любви (*«Юшка»*).

Мих. Булгаков. *«Белая гвардия»* (≡ *«Дни Турбиных»*), 1925-27. Не шедевр, но произведение превосходное – о начале печальной гибели русской интеллигенции, от её прекрасноты и *несамостоятельности*, и в страшные годы всеобщего развала готовой подчиниться любой силе – и белым, и красным; хотя белые уже далеки от народа, как скоро станут красные.

«Собачье сердце», 1925 – маленький шедевр, открывает в большевизме напыщенный союз униженных недоучек Швондеров и люмпенов Шариковых и обреченность такой власти.

Ильф и Петров. (*«12 стульев»*, *«Золотой телёнок»*). Весёлая сатира, которая печалит.

А-др Солженицын. *«Один день Ивана Денис-ча»*, *«В круге первом»*, *«Архипелаг ГУЛАГ»*. Потрясающие обличения, потрясающие тоталитаризм.

Виктор Астафьев: лиричные горькие повести: *«Последний поклон»*, *«Печальный детектив»*. *«Прокляты и убиты»* *«Пролетный гусь»*. Правда о советской жизни и войне.

Народные поэты: пронзительно грустный **С. Есенин**, Солнечный луч в темноте – поздний **Н. Заболоцкий**.

Одиннадцать вершин – *героев*. Творчество успешно, только если честно, а под гнетом диктатуры честность – подвиг.

И как же эти вершины печальны. Нет в них того света и ожидания прекрасного, какие светятся в дореволюц-й русской классике. И не только в Пушкине, Тургеневе, Гончарове, Толстом, но даже в сатирическом Гоголе, в демоническом Лермонтове, страдальческом Достоевском и грустном Чехове. Все ждали и искали близкого света. А здесь – грандиозные трагические страдания.

Хотя надежда, конечно, брезжит, но какая-то неясная и вынужденная – только потому, что совсем без надежды человек умирает.

Что делать? Это отражение подспудного настроения в народе.

А вокруг этих художественных пиков встают более осторожные или более поверхностные, но тем не менее талантливые картины – так сказать, «*полуклассики*», достижения второго уровня – по ограниченности взгляда:

Д. Фурманов «*Чапаяев*», – если бы шире и глубже мыслил в общих образах.

Арт. Весёлый «*Россия, кровью умытая*». Потрясающая и правдивая панорама ужасов гражданской, – если бы еще она была не наружной, а открывала души людей.

Бор. Пильняк. «*Голый год*» (1920) и др. О 19-ом годе сочно, лирично и верно, но куце, сумбурно и поверхностно.

И. Бабель, эмоц-ые типы «*Конармии*» и «*Одесских рассказов*».

М. Зощенко. Сатирический юмор, но уклончивый – от опасных тем.

Вера Панова. Грустный реалист войны и после войны, но осторожный.

Варлам Шаламов («*Колымские рассказы*»), **Вл. Дудинцев** («*Не хлебом единым*», «*Белые одежды*»), **Вас. Гроссман** («*Жизнь и судьба*», «*Всё течёт*»), **Юр. Домбровский** («*Факультет ненужных вещей*»). – О репрессиях диктатуры смело и верно, но души полузакрыты и жизни общества в целом в них почти нет.

Юр. Трифонов. «*Дом на набережной*» и др. – знающе о несчастьях самой большевистской элиты.

Василь Быков, Алесь Адамович. Неприятная правда о войне.

А. Твардовский. «*Вас. Тёркин*» и «*Дом у дороги*» и еще кое-что восхитительны, но даже в них правду искажает его хитрая полуйскренность.

Фёдор Абрамов, В. Белов, – о горестях деревни смело, но если бы до конца. Но тогда скорей всего их бы у нас не издали? До конца позволили только Белову.

В. Шукшин – о муках и чудаковатом комизме перелома деревни в город. Если бы успел сказать больше и глубже.

К. Паустовский («*Повесть о жизни*»), **М. Пришвин** («*Дневники*», 1905-54) прекрасны, только опубликованы не в художественном обобщении и поздно, только для потомков.

А сколько бы они могли открыть ещё, если бы, к сожалению, вынужденно не эмигрировали в природу. Хотя природа – дело тоже нужное. Сколько людей спасают в её красоте свою душу.

Есть и еще немало талантливых и в чем-то честных авторов.

Ю. Олеша «*Зависть*». Сатирический панегирик торжеству большевиков.

Мих. Алексеев. «*Драчуны*», где, кажется, впервые у нас описан страшный организованный голод 1932 - 33 годов в Поволжье.

В. Войнович, Фазиль Искандер («*Сандро из Чегема*»), – фантазёрская сатира.

Ник. Рубцов – новая есен-я лирика.

Бытовая драматургия: **А-кс. Арбузов, А-др Вампилов, А-др Володин, Виктор Розов** – по чеховски трогательно, но камерно узко, с умолчанием о безобразном окружении, хотя подразумеваемом.

Токарева В. С., Тат. Толстая – женская проза о беспечно весёлом разложении совковости.

Так что из этих зеркальных осколков всё-таки складывается цельная драматическая мозаика советской жизни. Но её автор – художник коллективный, отчего общая картина расколота. Но спасибо и за то. Увы, иначе, должно быть, было невозможно.

Так русская литература XX века разоблачала тоталитарную диктатуру. И похоронила-таки. Вернее, перевернула душу народа – и он отряхнул диктатуру, как мертвый прах.

Чингиз Айтматов – фантазёрский («мистический») реализм», как потом у Анат. Кима. Размышления о советской и всечеловеческой жизни в абстрактных притчах.

Таковы же космические притчи – антиутопии у А. и Б **Стругацких**, к реальности открытые, увы, разве что узнаваемыми намеками, «аллюзиями».

Печальный нелюдимый мечтатель *фантазёр* **А-др Грин**. Услаждается, но сам себе не верит.

Уже не реалистические, а развлекательные *фантасты* – “научные” – **А-др Беляев**, **Вл. Обручев**, **И. Ефремов** и др. Читиво для недалёких недорослей – маленьких и больших. Как и детективы **Вайнеров**, **Юл. Семёнова** и т.п. **Не** литература, а *беллетристика* о всякой чуши – для «убийства времени» своей жизни – от скуки, буквенный наркотик. Несколько глубже иносказания **Стругацких**.

Исторические развлечения: **Юр. Тынянов** («*Кюхля*», «*Пушкин*») и **А-ксей Новиков-Прибой** («*Цусима*»), – ещё с какой-то исторической правдой. **Вал. Пикуль** (о замалчиваемом 18-ом великом веке России). Но **Дм. Балашов**, **Юр. Давыдов**, **А-кс. Чапыгин**, **Вяч. Шишков** и др. – беллетристика, ею уже не озабоченная.

Но в поэзии было наоборот: после **Есенина** и **Клюева** – пустыня. Мало явилось стоящего. Должно быть, потому что поэзия идёт непосредственно от сердца, поэтому не терпит фальши, требуя искренности, а она – свободы и при диктатуре оказывается «непечатной».

Лишь с конца 1950-х, с «оттепели» стали появляться неказенные искренние стихи, такие как воскресший поздний **Заболоцкий**, тоскливый **Н. Рубцов**, прекрасно грустный песенный **Б. Окуджава** или немногим известные **Д. Самойлов**, **Ю. Левитанский**, **В. Соколов**.

В системе тотального **СП** (Союза пис-й) царили лит. холуи **А. Толстой**, **А. Фадеев**, **А. Корнейчук**, **К. Федин**, сознательно поощрялась угодливая ложь конформистов о всеобщем героизме и процветании, вроде **В. Катаева** «*Время, вперед!*», **В. Вишневского** «*Опти-*

мистическая трагедия» или С. Бабаевского *«Кавалер Золотой звезды»*, 1947.

Тем охотнее эксплуатировались искренние заблуждения. Как стихи В. Маяковского или Ярослава Смелякова, или несчастный Н. Островский *«Как закалялась сталь»*, 1931-34.

Эта система организованной лит-ной лжи, как видим, изначально давала сбой и, разумеется, не могла продолжаться вечно. Со временем разочарование в обществе множилось.

С 1950 гг. появилась новая протестная и обличительная - борцовская литература Казакова, Тендрякова, Проскурина, Кима, Битова, Беляева, поэзия Соколова, Дементьева. А затем выступила и откровенная “антисоветская” литература – самиздата и тамиздата, уже не эмиграции, а изгнания: А. Солженицын, А. Галич, Г. Владимов, В. Максимов, В. Войнович, Л. Чуковская.

В свое время А. Амфитеатров провидел гибель в советской России её великой культуры и возвещал исторической задачей эмиграции её сохранение. Однако, как ни удивительно на первый взгляд, самые значимые литературные шедевры о судьбе страны родились всё-таки у авторов, живших на родине, не смотря на то, что их положение было несравнимо страшнее, чем у эмигрантов.

А у эмигрантов-прозаиков первой волны не явилось ничего нового, востребованного родиной. Пусто. Одни ностальгические мемуары да очерковые или лирические зарисовки увиденных кусков гражданской войны, да страдания чужбины. В эмигрантской поэзии старые декаденты из гнезда Бальмонта – Гумилева обнаружили свою декоративную безжизненность книжников, лишились своего тепличного читателя и угасли.

Но их малоплодие на трезвый взгляд естественно: и что значительного могло родиться без родной почвы? Даже Гоголь в прекрасном далеке Рима опустел.